Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 11

2020

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАБАХ – ЭТО АЗЕРБАЙДЖАН!

Елизавета КАСУМОВА. **Бедный, бедный оккупант!** 3
ЭНАР ГАДЖИЕВ. **Вандалы.** *Стихи* 8
Ислам САДЫГ, Периназ САДЫГЛЫ. **Возрождение идеи и создание армянского государства** 9
Азер ЭФЕНДИ. **Memoria.** *Стихи* 19
Оксана БУЛАНОВА. **О Карабахе, армянах и «великой» армянской идее** 20
Новруз НАДЖАФОГЛУ. **Выстрел с белой скалы**. *Киноповесть* 28
Гюлемаил МУРАД. **Высота Лалели.** *Стихи* 44

ПРОЗА

Гусейнбала МИРАЛАМОВ. **Последнее путешествие.** *Повесть* 54
Марк ВЕРХОВСКИЙ. **Эссе и новеллы** 120

ПУБЛИЦИСТИКА

Намазали МУСТАФАЕВ. **Жизнь, посвященная науке о живой старине…** 45
Тофик МЕЛИКЛИ. **Верлибр в литературе Турции и Азербайджана** 95
Эльмира АЛИЕВА. **Наш человек в Америке** 132

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.10. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

КАРАБАХ – ЭТО АЗЕРБАЙДЖАН!

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ОККУПАНТ!

Недаром всегда говорили, что политика – грязное дело. Но сегодня многие политики и так называемые политические обозреватели просто захлебываются в политической грязи. Двойные стандарты, подмена понятий, лживые, порой просто фантастические измышления, правдивое лицо при фальшивой игре – вот арсенал тех инструментов, которыми они оперируют. Вернее, манипулируют или пытаются манипулировать общественным мнением. И тогда оккупант каким-то образом превращается в «бедного страдальца». Или даже «многострадальца». Становится пострадавшей стороной, которую надо жалеть и, соответственно, защищать. А сторона, территорию которой захватил «бедный оккупант», становится виновной.

В лучшем случае, действительно пострадавшую сторону ставят в один ряд со стороной виновной и требуют решать все вопросы между ними «на паритетных началах». То есть, нивелируется разница – огромная и бесспорная – между захватчиком, агрессором и тем, кто от него пострадал. Конечно же, прочитав эти строки, каждый сразу догадается, что речь пойдет о «карабахском конфликте», как, на мой взгляд, намеренно неточно называют ситуацию, которая по всем правилам международного права должна именоваться развязанной армянами карабахской войной. Но в течение почти 30 лет с подачи армян и их приспешников развязанную армянами войну с оккупацией 20% азербайджанских земель с изгнанием с них 1 миллиона азербайджанцев и истреблением значительного числа мирного населения скромно называют «конфликтом». Хотя разница между конфликтом и оккупацией примерно такая же, как между банальной дракой и разбойным нападением. Но широкомасштабная лживая пропаганда армян сделала свое дело – международное сообщество все принимало на веру, не пытаясь вникнуть в истинную суть конфликта. Вернее, не желая в нее вникать, поскольку в ситуацию вмешались третьи страны, заинтересованные в том, чтобы услышанной была только одна сторона – заведомо лживая, ибо для чего правда оккупанту? Его оружие – притворство, подтасовка фактов, ложь, ложь, ложь – беспрецедентно наглая и направленная на удовлетворение безразмерных аппетитов и амбиций «многострадальной» нации.

Но бог с ней, с «многострадальной». Понятно, что без поддержки третьих стран нации этой давно бы указали ее место. Но – многочисленная армянская диаспора, влезшая в доверие правящих кругов в этих «третьих странах», – а в этом льстивые

армяне большие умельцы, – и вливающие им в уши «правду» о вековых страданиях бедных армян, претерпевших и продолжающих терпеть страдания от «жестоких, неправедных варваров-мусульман», делали, а порой и продолжают делать свое дело.

Ну и, очевидно, у этих самых третьих стран был и есть какой-то свой интерес в том, чтобы «конфликт» носил как можно более затяжной характер. В результате конфликт тянется уже почти три десятка лет...

Здесь очень хочется поговорить об одиозной Минской группе ОБСЕ, созданной международным сообществом для того, чтоб способствовать мирному разрешению «карабахского конфликта». Однако, несмотря на то, что международным сообществом незаконно захваченные (оккупированные) Арменией земли официально были признаны принадлежащими Азербайджану и подлежали безоговорочному освобождению и возврату законному владельцу, Минская группа ОБСЕ за три десятка лет не сделала **н и ч е г о** для того, чтобы эти договоренности были выполнены. Чем в течение трех десятков лет занималась Минская группа ОБСЕ? Создавала видимость деятельности.

Помните, как у Ганса Христиана Андерсена в сказке о голом короле? Мошенники-портняжки берутся сшить королю прекрасное платье, у которого будет одна особенность – его смогут увидеть только «умные люди». Портняжки долго жили в отведенных им дворцовых покоях, делая вид, что шьют наряд для короля. Когда пришло время показать всем новый королевский наряд, мошенники, раздев короля, начали «облачать» его в «новый наряд». Они порхали вокруг него, делая вид, что накидывают на него новые одежды, которых, правда, никто не видел, однако все молчали, опасаясь, что их признают глупцами. И только маленький мальчик вдруг крикнул: «А король-то – голый!», и тогда все поняли, что никакого наряда нет, и перед ними – мошенники…

Так вот, господа сопредседатели Минской группы ОБСЕ, пришло время сказать вам: А король-то – «голый»! Что ж вы, «шили-шили», а результата нет?! Вы мошенники, господа!

Вообще, думаю, сегодня есть все основания для того, чтобы сделать следующее предположение: Минская группа ОБСЕ – главный виновник того, что «конфликт» носил такой затяжной характер. Потому что ее сопредседатели на протяжении всего времени существования этой структуры делали все не для того, чтобы выполнить возложенную на них миссию, а для того, чтобы затянуть конфликт, в течение как можно более длительного времени сохранять сложившийся на момент заключения перемирия статус-кво с тем, чтобы со временем легитимировать, узаконить его. И вот уже 30 лет продолжает сохраняться положение, когда находящиеся под оккупацией армян азербайджанские земли, хоть и признанные азербайджанскими всем мировым сообществом, все же Азербайджану как бы и не принадлежат: на них все это время хозяйничают армяне. Выставив на границе оккупированных азербайджанских земель свои пограничные кордоны, они давно уже ведут себя так, будто это их законные территории. И к этому все как бы уже даже и привыкли. Так что прошедшие с момента оккупации годы вроде бы играли на пользу армянам. Армяне так и заявляли: «Время работает на нас». За эти годы оккупант окончательно уверовал в собственную безнаказанность и дошел в своей наглости до того, что начал осуществлять военные провокации, периодически постреливая с азербайджанских же территорий в сторону Азербайджана. И, наконец, в июле этого года и вовсе спровоцировал военные действия, полагая, что ему все позволено – ведь за ним стоят сильные дяди, которые не позволят обижать бедного оккупанта!

Но на деле все оказалось не так. Прошедшие десятилетия превратили Азербайджан в сильное, твердо стоящее на ногах и стремительно развивающееся государство – как в экономическом, так и в военном плане. И – что немаловажно – сильное в плане информационном. Чего нельзя сказать об Армении.

Во всех трех вышеназванных областях Азербайджаном проделана огромная работа, которая и привела к соответствующим результатам. И теперь правда об Азербайджане и об армянской оккупации, об истинных причинах и сложившейся ситуации в зоне карабахского конфликта (по привычке буду называть его так и я) широко известна во всем мире. И мир реагирует на новую эскалацию конфликта со стороны Армении соответствующим, адекватным образом. Представители многих стран выражают свое возмущение зарвавшимся оккупантом и требуют немедленно прекратить конфликт и освободить оккупированные земли в соответствии с нормами международного права. Конечно, Азербайджану приходится сталкиваться и с заявлениями иного плана. Но теперь нечистоплотным политикам сложно покрывать «бедного оккупанта» и требовать решить конфликт на паритетных началах, так как агрессор уже получил мощный отпор на информационном поле. И если раньше недругам Азербайджана легко давалась игра в «испорченный телефон», в которой они делали вид, что не слышат или плохо слышат то, что до них пытается донести Азербайджан, то теперь такие игры уже не проходят. Прошли времена, когда в ответ на заявления Азербайджана о том, что Армения захватила его земли, она – агрессор, звучало: «Армяне – многострадальный народ, он пострадал от геноцида, он не хочет жить с «турками». Не хочет? Не вопрос. Пусть не живет. Пусть живет в другом месте. У них, в конце концов, есть свое государство.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Меня все это время не перестает интересовать вопрос: чем это так плохо жилось армянам в Азербайджане? Мне трудно судить о Карабахе, я там, к сожалению, никогда не была, но в Баку армяне жили припеваючи. В 80-х годах (с 1980 по 1988 год) я работала начальником юридического отдела в Бакинском Узловом транспортно-экспедиционном предприятии (БакУТЭП), которое занималось доставкой грузов с Контейнерной площадки и Погрузного двора Азербайджанской железной дороги на склады практически всех организаций и предприятий города Баку. Предприятие наше было большим и, мягко говоря, небедным. Так вот, когда я пришла туда в 1980 году, в аппарате БакУТЭПа армян не было, впрочем, их было много среди водителей-экспедиторов. Но вот у нас появилась кассирша-армянка. Через какое-то время она привела к нам свою родственницу, которую пристроила экономистом, а та привела свою сестру, для которой специально открыли должность в отделе кадров, хотя необходимости в этом не было – отдел кадров вполне справлялся с работой. Потом у директора появилась новая секретарша – племянница той армянки, которую устроили экономистом, а затем и еще какой-то ее родственник в качестве персонального водителя «Волги» заместителя директора и, наконец, еще какая-то девица, родственница всей этой компании – не помню, уж чем она у нас занималась. Произошло это в течение достаточно короткого времени, и вскоре порядка 30 процентов нашего аппарата стало армянским. Еще немного, и они, наверное, потребовали бы объявить БакУТЭП армянским предприятием. Вот тогда я и убедилась в удивительной способности армян размножаться, вернее, множиться в любом месте, где они появляются. Да и многие другие весьма теплые места в организациях, с которыми мне доводилось сталкиваться по долгу службы, занимали армяне. К примеру, начальником юридического отдела оптовой базы «Азерторгодежда», куда доставлялся и откуда распределялся по бакинским магазинам весь импорт, занимала армянка. То есть, она плотно «сидела на дефиците». Много армян было и в органах прокуратуры и МВД. Так что жили они не хуже, а, пожалуй, и лучше остальных, и сказка о притеснениях азербайджанцами армян – ложь...

Возвращаясь к нашей непосредственной теме, замечу, что и геноцид – это лживая придумка армян, которой они беззастенчиво козыряют уже много лет.

Армяне «отблагодарили» азербайджанцев, выгнав «турок» с их исконных земель, захватив эти земли и совершив ходжалинский геноцид – и это геноцид не придуманный, а на деле совершенный армянами. Этакая «благодарность по-армянски».

При этом они продолжают называть себя бедной, многострадальной нацией. И – поразительно: их – слышат, а нас, несмотря на всю очевидность ситуации – нет. Или – перевирают сказанное нами. Таковы правила игры в «испорченный телефон».

Или есть еще такой аттракцион – кривые зеркала. И в него тоже охотно все это время играли армяне и их покровители: «карабахский конфликт» подавался общественности словно отраженным в «кривом зеркале» – искаженным и перевернутым с ног на голову.

Но теперь мировое сообщество стало лучше слушать, слышать и понимать Азербайджан. И сегодня армянам и их покровителям все труднее уходить от ответов на поставленные вопросы, а сказка о «бедном оккупанте» все больше утрачивает свою убедительность. И теперь очень многие страны выражают свою поддержку Азербайджану в его справедливой борьбе за освобождение от оккупанта своих земель.

Значительно нарастил Азербайджан и свою военную мощь, создав сильную, хорошо оснащенную самым современным боевым оружием армию. Поэтому теперь, когда привыкший к своей безнаказанности оккупант в очередной раз начал обстреливать не только азербайджанские военные позиции, но и мирные азербайджанские села и города, находящиеся далеко за пределами зоны боевых действий, он получил достойный отпор. Кроме того, устав терпеть наглые выходки армян и поняв, что мирным, переговорным путем никаких результатов в деле освобождения оккупированных земель ему уже не дождаться, Азербайджан приступил к освобождению своих земель, развернув контрнаступление по всей линии соприкосновения войск. И уже добился в этом значительных успехов – всего за неделю.

И тут же «бедный оккупант» побежал жаловаться в Минскую группу ОБСЕ. И та без стеснения потребовала от сторон немедленно сесть за стол переговоров. Сесть за стол переговоров – зачем? Продолжить толочь воду в ступе, ходить по кругу? Мы уже многократно садились за стол переговоров в течение трех десятков лет, а воз – продолжая высказываться русскими поговорками – и ныне там. Если Минская группа ОБСЕ намерена и еще 30 лет продолжать спускать это дело на тормозах, то Азербайджан это больше не устраивает, поскольку для всех уже очевидно – в этом нет никакого смысла. Во всяком случае, если Минская группа ОБСЕ будет сохранена в прежнем составе – прежний состав уже доказал свою несостоятельность. Тем более что один из сопредседателей Минской группы, господин Макрон, ненароком проговорился о его истинном понимании проблемы, заявив, что «мы, дескать, не можем передать Карабах под патронаж Азербайджана».

Вот вы, господин Макрон, и показали свое истинное лицо. Заседая в организации, призванной способствовать мирному разрешению конфликта и освобождению оккупированных армянами земель Азербайджана, вы вовсе не собирались этого делать, наплевав на соответствующие решения по этому поводу международных структур. Тем самым господин Макрон показал, что дальнейшее нахождение его и представляемой им страны в составе Минской группы должно быть прекращено.

Армяне на этом не угомонились – главарь оккупантов Пашинян поскакал жаловаться и просить помощи у ОДКБ – Организации договора о коллективной безопасности, в которую входит и Армения. Кстати, этот факт – факт приема страны-агрессора, страны-оккупанта – в состав данной организации вызывает немало вопросов. В организацию эту входят такие страны, как Россия, Белоруссия и ряд других, пострадавших в свое время от фашистской оккупации и, кстати, широко отмечавших в этом году 75-летие победы над фашистскими захватчиками. То, что создав военную организацию по коллективной безопасности, они согласились на прием в нее страны, которая на момент создания ОДКБ уже проявила себя как фашиствующий агрессор (вспомним Ходжалы) и оккупант, на мой взгляд, просто нонсенс.

ОДКБ пришлось Армении в такой помощи отказать, так как на Армению никто не нападал, напротив, Армения сама всячески способствовала эскалации тлеющего карабахского конфликта, и сама развязала военные действия на оккупированной ею территории. И тогда Армения пошла на «хитрый» ход. Она обстреляла мирные села и города Азербайджана, находящиеся вне зоны конфликта, ожидая ответного удара – обстрела мирных городов, находящихся на территории Армении, что позволило бы армянам теперь уже «на законных основаниях» потребовать военной помощи от ОДКБ. Однако Азербайджан не поддался провокации и не уподобился фашиствующим армянам, с легкостью убивающих беззащитных мирных жителей. Таким образом, права требовать военной поддержки у ОДКБ армяне не получили…

***

Сегодня, когда я заканчиваю писать этот материал, на календаре – 6 октября 2020 года. Вчера, когда, проснувшись утром, я первым делом бросилась просматривать сводки с фронта на сайте day.az, я была возмущена и разочарована тем, что узнала о нанесении армянами ракетного удара по мирным жителям Мингячевира. До этого уже была Гянджа. Настроение было испорчено на весь день. Меня не покидали тяжелые мысли о творящейся несправедливости, о том, что мир спокойно взирает на вконец распоясавшегося агрессора. Но вечером я с радостью уловила некоторое изменение тональности в освещении событий в Карабахе на политическом шоу одного из российских проармянских телеканалов. А сегодня, 6 октября, испытала, наконец, чувство радости и удовлетворения, узнав, что армяне отступают по всему фронту. Они называют это «тактическим» отступлением, хотя всем понятно, что это азербайджанская армия гонит их прочь со своих земель. Очень хочется, чтоб этот день, 6 октября, стал по-настоящему переломным моментом в затянувшейся почти на 30 лет карабахской войне.

…Журнал с этой статьей выйдет в свет в первых числах ноября. Какова будет ситуация на фронте на тот момент, сказать со всей очевидностью сложно. Хочу надеяться и верить, что к тому времени она уже найдет свое справедливое разрешение – оккупанты уйдут с нашей земли, она будет полностью освобождена, беженцы смогут вернуться в свои дома. Впрочем, от их домов остались, скорее всего, одни руины – армяне уничтожали на оккупированных территориях все, что могли, не останавливаясь даже перед разрушением древних исторических памятников. Но мы все восстановим, и освобожденная земля залечит, наконец, нанесенные ей раны.

Верю в это! Хочу верить. Верить в торжество справедливости – пусть и запоздалое. А если этого не произойдет, если кто-то этому вновь помешает (не будем забывать о «грязных» политиках и политиканах), – во что же тогда верить?..

6-10 октября

ЭНАР ГАДЖИЕВ

Вандалы

Я не люблю патриотических стихов,
Где темой прикрывается бездарность.
В них столько общих мест и громких слов,
Газетных фраз дешевая банальность....

С Коммунистической свернув к Азнефти,
В раскрытые ворота я вошел.
Не буду врать, что был сражен на месте, –
Я из печати знал, куда я шел.

В уютном дворике, на зелени травы,
Расстрелянные бюсты бронзовели,
Они как бы росли из муравы,
И будто, вырастая, затвердели.

Здесь Натаван, Узеир-бек, Бюль-Бюль –
Певцы моей земли многострадальной...
Носы и скулы – в оспинках от пуль,
В глазах немой вопрос застыл печально.

Какой подонок поливал свинцом
Тех, что при жизни красоту воспели?!
Не надо быть особым храбрецом,
Чтобы участвовать в таком расстреле.

Не надо быть каким-то силачом,
Чтобы крушить безмолвные могилы,
Достаточно родиться палачом,
Иль у него на поводу дебилом.

Да будут прокляты и тут, и там,
Покоя не дающие гробам!

ИСЛАМ САДЫГ
ПЕРИНАЗ САДЫГЛЫ

Возрождение идеи и создание армянского государства

Важнейшим показателем для создания любого государства являются высокая культура и уровень процветания народа. Идея о создании государства у народа возникает тогда, когда он достигает определенного для этой цели уровня умственной зрелости. Последний, в свою очередь, является продуктом всестороннего процветания, охватывающего все отрасли жизни – политической, правовой, социально-экономической, военной, культурной и т.д., без которых немыслимо создание любого государства. Сама государственность является культурным наследием народа. Определение границ, создание армии и военной промышленности, дипломатические связи, обмен послами, атрибуты государства (флаг, герб, гимн) являются важными элементами и частью материальной и духовной культуры, которые в целом входят в систему культурных ценностей народа.

В многочисленных научных статьях, монографиях, газетных и журнальных публикациях очень часто встречается слово «Армения» в качестве названия «древнего» государства. Большинство ученых-историков точно не знают, является ли «Древняя Армения» мифом или реальностью? Что она представляет собой: географическое название или название государства? Откуда произошло слово «Армения»?

Прежде чем перейти к проблеме создания армянского государства, мы попробуем ответить на некоторые вопросы для того, чтобы определить научно обоснованным способом проблему, связанную с созданием армянского государства.

До нас на все эти вопросы в разные годы пытались ответить известные историки как в бывшем Советском Союзе, так и за рубежом. Один из них, видный русский востоковед, Игорь Печенев писал: «Я русский и должен сказать правду. С тех пор, как Российская империя стала вмешиваться в исторические события, происходящие в этом регионе (*на Кавказе* – **И.С., П.С.**), она стала разыгрывать армянскую карту как политический фактор, и они (армяне) получили ценный подарок» («Ermənilər məğlubiyyətə məhkumdurlar». «Армяне обречены на поражение». журнал «Azərbaycan». 2002, № 9. стр. 158).

После русско-персидской войны царская Россия заселила оккупированные азербайджанские земли армянами, переселившимися из Ирана и Турции. Так, обосновавшись на этих землях, армяне стали жителями нынешней Армении. Это четко и ясно выражено в следующем высказывании И. Печенева: «После неудачи с созданием государства на территории Турции армяне с помощью России смогли реализовать свои планы на азербайджанских землях. Если не принимать во внимание измышления армян, «Армянская республика» со столицей в древнем азербайджанском городе Иреван является первым в истории государственным образованием армянского народа» (там же, стр.158).

Всем известно, что «Армянская республика» была образована в 1920 году на азербайджанских землях благодаря покровительству России. Следует отметить, что

это первое в истории армянское государство было создано отнюдь не армянским народом. «Армянский этнос сформировался вне пределов Кавказа», – писал об этом русский историк-востоковед И.М.Дьяконов. «Поскольку древнеармянский язык не родственен языкам автохтонов Армянского нагорья…, – считал он, – становится ясным, что занесен он сюда извне» (Играр Алиев. «Нагорный Карабах: История. Факты. События». Баку. 1988, стр. 45).

Ссылаясь на многочисленные источники, академик И.Алиев уверенно утверждает: «Теперь, как отмечалось выше, хорошо известно, что Армения вовсе не является родиной армянского этноса» (Играр Алиев. «Нагорный Карабах: История. Факты. События». Баку. 1988, стр. 44). В другой раз он добавляет, что «армяне – элемент, безусловно, пришлый» (там же, стр. 23).

Известный французский историк, автор книги «Армянская трагедия 1915 года» Жорж де Малевиль на основе богатого фактического материала честно и уверенно говорит об отсутствии армянского государства до 1918 года: «Армянская республика, образованная в 1918 г. на руинах царской империи по воле Англии, представляла собой за свое непродолжительное автономное существование (1918-1921) единственное «независимое» армянское государство, которое было определенным образом зафиксировано в истории» (Жорж де Малевиль. «Армянская трагедия 1915 года». Баку. 2013, стр. 19).

Еще один европейский историк Ф. Маклер в свою очередь отмечал, что Армения, т.е. географический район, с исторических времен носящий это название, не был местом постоянного проживания так называемого армянского народа (Маклер Ф. «Армянская нация» Париж. 1924.).

Известный австрийский ученый, писатель Эрих Файгл, хорошо знакомый с историей армянского народа, утверждал, что Армения не является названием ни народа, ни государства. «Они называют себя хайами, – писал он, – и это свидетельствует о том, что у них никогда не было своей исторической родины. Даже точно неизвестно, откуда они пришли (Эрих Файгл. «Правда о терроре: армянский терроризм – истоки и причины». Баку. 2000, стр. 13).

Мы хорошо знакомы с историей армянского народа, нам хорошо известны его характер, присущая им склонность к предательству и подстрекательству, они не признают истины, называют черное белым, а белое черным и т.д., поэтому мы считаем нужным подтвердить это словами самих армянских историков, в противном случае армяне обвинят нас в непрофессионализме и некомпетентности.

Врач по профессии, журналист Зорий Балаян, ненавидящий тюрок лютой ненавистью, признает: «Тогда она поняла, каких колоссальных успехов добился армянский народ под флагом социализма. Усвоила для себя один из важнейших постулатов в этой жизни: не может быть ни человеческого, ни тем более национального достоинства у человека без чувства родины, а значит, и без самой родины. У армян она сегодня есть» (Балаян Зорий. «Дорога». Москва. 1988, стр. 26).

Обратите внимание на слова: «У армян сегодня есть чувство родины и родина». Он не скрывает, что «армянский народ добился этого под лозунгом социализма». Значит, и то, и другое у них отсутствовало. Эту «мифическую» родину подарила армянам Россия.

Нет, это не голос совести, а совершенно случайное признание человека, убившего 13-летнего ребенка в Ходжалы: «Когда мы с Хачатуром вошли в один из захваченных домов, наши солдаты прибили гвоздями 13-летнего турка к окну. Чтобы ребенок не кричал, Хачатур засунул ему в рот отрезанную грудь его матери. Я содрал с него скальп и кожу с груди и живота. Посмотрел на часы, через 7 минут ребенок умер от потери крови. Так как по первой профессии я был врачом, я был гуманистом (обязательно обратите внимание на это: у армянского народа это считается «гуманизмом»). Но душа моя ликовала от того, что хоть на сотую долю я отомстил за боль

своего народа. Затем Хачатур расчленил труп убитого ребенка и бросил его собакам. Вечером мы сделали то же самое еще с тремя детьми турок. Я исполнил долг армянина, патриота и гражданина. Хачатур покрылся весь потом, однако я увидел в его глазах и в глазах других солдат борьбу мести и гуманизма» (Балаян Зорий. «Оживление нашего духа» 1996, стр. 260-262).

Здесь невозможно не сказать пару слов и о «геноциде», которым была обманута вся мировая общественность. Более ста лет армяне кричат на весь мир о так называемом «геноциде», чтобы отвлечь внимание европейцев от совершенных ими жестоких преступлениях. На сегодняшний день мы имеем немало свидетельств из многочисленных донесений и рапортов русских офицеров и дипломатов, которые до сих пор хранятся в государственных архивах России. В официальных донесениях из Турции во время Первой мировой войны и в последующие годы говорится о жестоких погромах и резне, учиненных армянскими вооруженными отрядами над мирным тюркским населением в сотнях сел и деревень. Армянские головорезы превратили многие турецкие и азербайджанские деревни и села в руины, и творили они все эти бесчинства с помощью русской армии и под покровительством России. И ни в одном из этих документов не говорится об убийстве хотя бы одного армянина со стороны турок. Значит, Зорий Балаян, Хачатур и другие армяне в Ходжалы поступили с мирным населением так же, как поступали их предки с мирным населением Турции и Азербайджана в 1914-1918 гг.

В Российском государственном военно-историческом архиве до сих пор хранится телеграмма русского генерал-майора Л. Болховитинова от 17 марта 1916 года. Из телеграммы ясно видно, что предки З. Балаяна также жестоко расправились с тюркскими детьми в 1916 году в Турции, и он повторил это спустя почти 100 лет в селении Ходжалы. Приведем отрывок из телеграммы: «Мне известен следующий случай в Тодване: в одном из домов на одной половине квартировали стрелки, на другой – дружинники-армяне. Стрелки приютили у себя больше двадцати мусульманских детей. Стрелков отправили на разведку, и, вернувшись, они нашли всех детей зарезанными. За время их отсутствия в доме оставались только армяне» («Армянский вопрос». Баку. 2012, стр. 132-133).

Все эти зверства, учиненные армянами, доказывают лишний раз полную несостоятельность армянского народа «в деле восприятия истинных начал высшей цивилизации», – писал прокурор Эчмиадзинского синода А.Френкель. Эти факты упрямо свидетельствуют об отсутствии государственности у армянского народа.

С помощью русского оружия армянские отряды, вооружившись дашнакскими идеями, вели кампанию против азербайджанского народа под лозунгом «Убивай как можно больше, грабь, не щади никого» («Армянский вопрос». Баку. 2012, стр. 41). Под этим лозунгом выступали и предки З. Балаяна в 1915 году. Один из дашнакских головорезов следующим образом описывал свои «подвиги»: «Я уничтожал турецкое население в Басаргечаре (*древний азербайджанский магал* – **авт.**), не разбираясь ни в чем, – хвастался он. – Но иногда жалеешь пули. Самое верное средство против этих собак – это собрать всех уцелевших после боя, бросить их в колодцы и сверху добить тяжелыми камнями. Я, – продолжал бандит, – так и поступил: собрал всех мужчин, женщин, детей и покончил с ними, заполнив камнями колодцы, куда они до этого были мною брошены». Цитата приведена из книги А. Лалаяна «Контрреволюционный «Дашнакцутюн», империалистическая война 1914-1918 г.».

После ознакомления с официальными документами из российских государственных архивов, с достоверностью отражающих зверства, произвол, массовые убийства мирного тюркского населения со стороны армянских головорезов на всей территории Турции и даже в Азербайджане, становится ясным, что Турция, как государство, имеющее древнюю многовековую историю государственности, имела полное право обеспечить безопасность своих границ и своих граждан. И тогда возникает

вопрос: как же должна была поступить Турция с армянами-предателями? На этот вопрос ответил Кариби в своей «Красной книге», изданной еще в 1920 году в Тифлисе: «Греческое население Турции во время греко-турецкой войны вело себя корректно, лояльно, соблюдало полный нейтралитет. Оно не принимало никакого участия в войне. Армянское же население Турции, благодаря армянским революционным партиям, открыто перешло на сторону врагов своего государства и тем самым навлекло на себя гнев своих соотечественников – курдов и турок. Как бы поступила Россия, если бы российские поляки во имя идеи объединения в единый государственный организм всех поляков, проживающих в Европе, примкнули бы к австрийским полякам и пошли войной на Россию, подданными которой являлись? Что бы сделала Германия, если бы французы из Эльзаса и Лотарингии организовали добровольческие дружины для борьбы с Германией? Естественно, эти культурные христианские государства сделали бы то же самое, что сделала и делает Турция с армянами. огнем и мечом расправилась Англия с Ирландией, которая и не думала примкнуть к врагам Англии, а только потребовала вернуть себе самостоятельность» («Армянский вопрос». Баку. 2012, стр. 57-58).

Измена, предательство против своего государства являются тяжким преступлением и оправдать его ничем невозможно, поэтому с уверенностью можно сказать, что в подобных ситуациях ни Россия, ни Германия, ни любая другая культурная страна не проявили бы того гуманизма, который Турция проявила в отношении армянского народа.

На сегодняшний день многие из этих материалов собраны в следующих изданиях: «Армяне против тюрок» («По архивам России». Баку. 2012); «Рапорт генерал-майора Болховитинова о деятельности армянских вооруженных отрядов в Турции и Закавказье в Первую мировую войну». Баку, 2012; «Армянские добровольческие отряды». Баку. 2013; «Мемуары русского офицера Твердохлебова». История Азербайджана по документам и публикациям. Баку. 1990, стр. 121-148; «Rusiyanın Van və Ərzurumdakı Baş konculu Mayevskinin xatirələri». Bakı. 1994; «Переселение армян зербайджанских в пределы России». Москва. 1831.

Видный армянский литературовед, академик Манук Абегян, на протяжении многих лет искал исторические корни армянского народа, но ему это так и не удалось: «…где корни армянского народа, как, когда, откуда и какими путями он пришли сюда…Мы не располагаем точными и ясными свидетельствами этого» (Абегян Манук. «История армянской литературы». Ереван. 1975).

Известный армянский историк цыганского происхождения, сторонник армянских фальсификаторов Керопе Патканян еще в последней четверти XIX века утверждал, что «армяне никогда не играли особой роли в истории человечества. Это не есть политический термин, а название географической области, в которой разбросаны отдельные поселения армян» (Патканян Керопе. «Ванские надписи и их значение для Передней Азии». 1875 г.).

Керопе Патканян не единственный цыган, ассимилированный армянами. Еще в 1897 г. в журнале «Мурч» на армянском языке была опубликована статья под заглавием «Армяне из цыган», где говорится о способности армянского народа ассимилировать другие народности. Там же указывается, что «в конце 90-х годов XIX века среди населения, называвшего себя армянами, числится довольно большой процент ассимилированных цыган» (Мансуров Ариф. «Белые пятна истории и перестройка». Баку. 1990, стр. 46).

Самый четкий и конкретный ответ на вопрос: существовало ли в истории государство под названием «Армения» дал армянский историк Геворг Аслан: «У армян не было государственности. Они не связаны чувством родины и политическими узами. Армянский патриотизм связан только с местом их проживания» (Аслан Геворг. «Армения и армяне». 1914).

Исходя из вышеизложенных фактов, можно с уверенностью сказать, что «Древняя Армения» – не что иное, как миф. Армянские «мудрецы» не забывали и о своих мифических героях. Одним из них является так называемый царь Тигран. «Был ли Тигран «армянским» в том смысле, в котором мы сегодня употребляем это слово по отношению к армянскому населению в Марселе или Иерусалиме? Это маловероятно, – писал французский историк Ж. Малевиль. – В 400 г. до н.э., когда Ксенофон (Анабаз) пересек территорию, позже названную Арменией, ее население говорило на одном из наречий эламского языка, т.е. на азиатском языке. Армянский этнос, такой, каким мы его знаем сегодня, с его языком, физическим типом и религией, по всей видимости, сформировался в период раннего средневековья. Поэтому стремление сделать из Тиграна «армянского монарха» является столь же мифическим, сколь мифической выглядела бы попытка сделать из Верцингеторикса французского генерала» (Жорж де Малевиль. «Армянская трагедия 1915 года». Баку. 2013, стр. 20).

Этноним «армяне» не является названием нынешнего армянского народа. До этого они называли себя «хайами», а, следовательно, свою мифическую родину – Хайастаном. Средневековый историк Моисей Хоренский, автор «Истории Армении», писал: «Страна наша называется именем предка нашего Хайка, Хайк» (Аракелян Б.Н., Агаян Ц.П., Парсамян В.А. «История армянского народа». Ереван. 1988, стр. 16). Они и сейчас не называют себя между собой армянами. Ни для кого не секрет, что для армян слова «хай» и «Хайастан» более близки, чем «армяне» и «Армения». И все это потому, что армяне переняли эти названия извне, у одноименного тюркского народа. Произошло это следующим образом. После исламизации Кавказа арабские завоеватели не рискнули подступить к горным районам Азербайджана, зная, что потерпят там поражение. Арабы были прирожденными воинами, но у них не хватало опыта сражений в горных условиях. В горных районах Азербайджана (тогда Армении не существовало, и вся земля нынешней Армении являлась территорией Азербайджана) в то время вместе с другими тюркскими этносами жили и арманы (ərmənlər) – кыпчаки тюркского происхождения (*«Ар» (ər) – тюркское «воин», «муж»; «ман» (mən) – древнетюркское «человек»* – **ред.**). Как известно, до арабских завоеваний в Азербайджане было распространено христианство. Арманы сохранили свою веру и церкви, все албанские храмы тогда принадлежали им. После русско-персидской войны царская Россия заселила, в основном, переселенцев в горные районы Азербайджана, где они смешались с местными арманами (İslam Sadıq. «Susmaq qızıl deyilmiş» . Bakı. 1992, стр. 139-140). «Армяне, проживающие в Карабахе, являются частью аборигенами – потомками древних албанцев, а частью – беженцами из Турции и Ирана, для которых азербайджанская земля стала убежищем от преследований и гонений», – пишет армянский историк Б. Ишханян. (Ишханян Б. «Народности Кавказа». СПб. 1916).

Этот факт подтверждается многими историками как у нас в стране, так и за ее пределами: «Что же касается коренных «армян», то они считались таковыми только по конфессии, а не по их этническому происхождению, в соответствии с которым они являлись албанами, – пишет К. Имранлы, – кроме тех, о которых мы упоминали выше, переселившихся на Кавказ в XV веке, но впоследствии по требованию армян и с помощью русских эти самые албаны подверглись арменизации» (Имранлы Кямаля. «Создание армянского государства на Кавказе». Москва. 2006, стр. 8). Таким образом, церкви стали тем местом, где смешались переселенцы с аборигенами-тюрками, переняв их культуру, обряды, язык.

Не стоит забывать о том, что современный армянский язык *ашхарабар* сформировался на базе лексического фонда тюркского языка во второй половине XIX века. Древний армянский язык *грабар* являлся флективным, т.е. похожим на индоевропейские языки, а новый язык *ашхарабар* – агглютинативным, т.е. похожим на тюркский язык. Такое изменение структуры языка – явление очень редкое. Сегодня 75 %

словарного фонда современного армянского языка составляют тюркские слова. Этот факт хорошо известен всем армянским историкам, языковедам и литературоведам. Армянский писатель Х. Абовян в 30-40-х годах XIX века неоднократно отмечал: «… армянский народ усвоил огромное количество тюркских слов и пользуется ими поныне» (Абовян Х. «Полное собрание сочинений». Т. V. Ереван. 1950, стр. 48). «Наш язык, как минимум, на 50 % состоит из тюркских слов» (Х. Абовян. «Раны Армении». Ереван. 1939, стр. 80-81).

В романе «Раны Армении» Х.Абовян использовал более 200 тюркских пословиц и поговорок на тюркском языке. «Будь проклят тюркский, – писал он, – однако этот язык получил благословение Господне… всюду: на торжествах или свадебных церемониях мы поем по-тюркски» (Х.Абовян. «Раны Армении». Ереван. 1939, стр. 40).

Теперь становится ясным, что Х.Абовян использовал в своем романе тюркские пословицы и поговорки на тюркском языке не от большой любви к нему. Дело в том, что в то время лексический фонд армянского языка был очень скудным, и поэтому он не смог перевести «жемчужины народной мудрости» на свой язык.

А вот высказывание армянского академика-языковеда Грача Ачарьяна: «…под воздействием тюркского языка изменились даже грамматические закономерности и правила армянского языка» (Ачарьян Грач. История новой армянской литературы. Вагаршабат. 1906. стр. 32-33).

Немаловажную роль в разжигании межнациональной резни в Турции и на Кавказе, в особенности против тюрок, сыграла и армянская печать. Она воспитывала армянский народ в духе вражды и ненависти к Турции и тюркам, что в конечном итоге сильно повлияло на его психологию и характер. Английский военный корреспондент Скотланд Лидделл, посетивший в 20-х годах прошлого века Шушу, Лачын, Зангезур и другие исторические области Азербайджана, однажды должен был поехать из Шуши в Зангезур, но ему запретили это сделать. И причиной тому стали слова его переводчика-армянина о том, что тюрки убивают здесь английских офицеров. Несмотря на запрет, он все же отправился туда. «За время всех моих путешествий, – писал Скотланд Лидделл, – никогда не было мне высказано столько доброжелательства. Каждый, кто встречался мне на пути, высказывал свое восхищение англичанами. Со мной обращались, как с послом» (Скотланд Лидделл. «Армяно-татарское соглашение. Наступление мира в Карабахе». История Азербайджана по документам и публикациям. Баку. 1990, стр.242). На протяжении долгого времени армяне представляли тюрок в образе врага. Но многие умные люди не верили им, понимая, чего они этим добиваются. Скотланд Лидделл, как очевидец многих событий, сделал вывод: «Ни в России, ни на Кавказе не найдешь человека, который сказал бы что-либо хорошее об армянах. Русские, татары и грузины презирают и ненавидят их. Не мне говорить об этом, но факт налицо, армяне – ненавистная раса. Вообще говоря, татары много выше армян и, конечно, более мужественны» (там же, стр. 239-240).

Прочитав в армянских газетах о резне армян в Карабахе, он посетил одну из армянских редакций и встретился с ее издателем. Оказалось, что редакции об этой небылице рассказал какой-то неизвестный армянин. В другой армянской газете было напечатано о том, что англичане покидают Кавказ и «что по соглашению с британским правительством пятьдесят тысяч турок были присланы, чтобы заменить английские войска». Английский корреспондент спросил издателей: «Верите ли вы столь невероятному сообщению?» – «Нет», – ответили они. «Армянская печать, – заключил Скотланд Лидделл, – полна рассказов о жестокостях и антитатарской пропаганде. В ней много провокаций, и она, несомненно, ответственна за многие национальные конфликты на Кавказе и в самой Армении в настоящее время» (там же, стр. 241).

С того времени прошло сто лет, и армянская печать ничуть не изменилась. Сегодня положение стало даже хуже, чем было сто лет назад. Тогда хотя бы нашелся один человек, который сказал правду. Сегодня же среди армян таких людей нет.

Что же стало причиной того, что армянский народ за всю свою историю так и не сумел построить свое государство. Причин для этого немало, затронем лишь некоторые из них:

1. Нынешний армянский народ до 1828 года официально называли рабами. Не зря великий русский поэт А.С. Пушкин писал: «Ты раб, ты трус, ты армянин!»

О том, что армяне являлись рабами, ясно говорится и в справке прокурора Эчмиадзинского синода А. Френкеля, представленной в 1907 г. святейшему синоду: «Пропаганда социализма была плодотворна среди армянского городского населения, ибо у горожанина-армянина нет родины, которой он гордился бы, а только горькое сознание того, что его народ уже 1300 лет раб и всеми ненавидимый паразит» (А.Френкель. Прокурор Эчмиадзинского синода. «История Азербайджана по документам и публикациям». Баку. 1990, стр. 81).

2. Государство создается на определенной географической территории с зафиксированными государственными границами. Нынешний же армянский народ никогда не проживал компактно на какой-либо конкретной территории. У армян никогда не было своей родины. Именно по этой причине «армяне тифлисские (грузинское влияние), армяне акулисские, елисаветпольские и карабагские (персидское влияние) и армяне ахалцихские, ахалкалакские (турецкое влияние) почти не понимают друг друга, и браки между ними редки» (А. Френкель. Прокурор Эчмиадзинского синода. «История Азербайджана по документам и публикациям». Баку. 1990, стр. 78).

3. В начале статьи мы не зря отмечали, что идея создать государство у народа возникает тогда, когда он достигает определенного для этой цели уровня умственной зрелости. По словам прокурора Эчмиадзинского синода А.Френкеля, армянский народ «не воспринял истинных начал высшей цивилизации». «Исторические судьбы армянского народа, – писал он, – доказали с неопровержимой точностью полную неспособность армян к образованию самостоятельного государства, полную несостоятельность этого народа в деле восприятия истинных начал высшей цивилизации, т.к. на протяжении нескольких тысячелетий история не записала ни одного армянского имени в ряд светил наук и искусства» (там же, стр. 78).

Если культура в целом подобна азбуке, то первой ее буквой, без сомнения, является устное народное творчество, которое полностью отсутствовало у армян до 1828 года. По нашему убеждению, это было связано с категорическим запретом армянского синода создавать фольклорные произведения, слагать и петь песни, проводить различные праздничные церемонии на языке *грабар*, который считался исключительно церковным языком. Полное отсутствие у армянского народа своей собственной культуры отдавалось болью в сердцах многих армянских деятелей литературы и искусства, и до 1920 года они этого не скрывали.

Заселившись на азербайджанские земли, армяне присвоили культуру, кухню и прочие ценности, принадлежащие местному тюркскому населению. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания русских, зарубежных и армянских авторов. Русский композитор А. Корещенко писал: «…армяне не имеют своей народной музыки» («Пришел, увидел, присвоил». Агентство по авторским правам Азербайджанской Республики. Баку. 2010, стр. 51); Август фон Гакстгаузен: «Армяне слагают и поют свои песни не на армянском, а на разговорном тюркском». (там же, стр.50); Х.Абовян: «…армяне поют только на тюркском» (там же, стр. 44); М. Налбандян: «Я побывал во многих местах проживания армян. Всегда старался услышать что-нибудь чисто армянское. К сожалению, услышать такое мне так и не удалось» (там же, стр. 44); «Армянских ашугов можно считать армянскими только по той причине, что они родились в армянских семьях», «они все время опирались на творчество азербайджанских мастеров», а «используемые ими музыкальные инструменты являются тюркскими – саз, сантур, каман или каманча, баглама» (там же, стр. 40-41); Г. Агаян: «Наши ашуги не имеют дастанов со стихами на армянском, все – только на тюркском» (там же, стр. 34) и т.д.

Сегодня трудно точно сказать, где и когда у армян возникла идея создать армянское государство. Но, как известно, еще во второй половине XVII века армяне стали искать поддержку у европейских держав, но так и не получили ее. «Мелики наделили большими полномочиями Исраела Ори, который вместе с архимандритом Минасом Тиграняном отправился в Германию с состоящей из 36 пунктов программой освобождения Армении. Однако Курфюрст Пфальца и австрийский император отказали им в реальной помощи. В течение 150 лет армяне скитались по всей Европе, прежде чем окончательно убедились в том, что связывать надежды на освобождение с Европой бессмысленно» (Аракелян Б.Н., Агаян Ц.П., Парсамян В.А. «История армянского народа». Ереван. 1988, стр. 98).

Герцог Германии Иоанн Вильгельм, прочитав 16-й пункт из «Программы», где армяне требовали от «Германии начать войну с Турцией с целью создания на ее территории автономной Армении», дал распоряжение, чтобы в течение 24 часов на территории Германии не осталось ни одного армянина (Islam Sadig. «Armenier in deutshcland» (на немецком языке). Baku. 2009, стр. 6-7).

Интересен тот факт, что в составе делегаций, отправленных в Европу, не было ни одного армянина, проживающего на территории нынешней Армении. В состав этих делегаций входили индийские, сирийские, астраханские, грузинские (тифлисские) и санкт-петербургские армяне. Этот факт дает основание говорить о том, что в те времена на территории нынешней Армении армяне не проживали.

Все надежды армян, связанные с Европой, были разрушены. И тогда они обратили свой взор на Россию. В «Истории армянского народа» говорится: «Разочаровавшись в своих надеждах на получение помощи от европейских стран, Исраел Ори пришел к окончательному убеждению, что только Россия может оказать армянам реальную помощь» (Аракелян Б.Н., Агаян Ц.П., Парсамян В.А. «История армянского народа». Ереван» 1988. стр. 99).

Из Тифлиса армянская делегация отправилась в Санкт-Петербург с письменным посланием к Петру I, подготовленным в 1699 г., которое гласит: «Посылаем нашего представителя архимандрита Минаса вместе с Исраелом Ори к вам. Они полностью осведомлены о нашем положении… Просим и умоляем, чтобы с божьей милостью вы освободили нашу бедную нацию, подверженную разным случайностям… просим вас пойти нам навстречу и быть славой для нашей нации, ибо ниоткуда нет у нас никакой надежды. Наше решение – подчиниться вашему великому царству» («Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века». Ереван. 1964. Т. 2. Часть I, стр. 184-185).

Здесь следует обратить внимание на следующие моменты:

1.В послании ни разу не говорится об Армении и армянах, что свидетельствует об их отсутствии в те времена.

2. «Армяне» просят Петра I освободить их «бедную нацию», а не родную землю. Этот важный момент также говорит о том, что армяне не имели тогда своего государства и родины.

3. До встречи с Петром I среди армян не нашлось ни одного человека, который прославил бы армянскую нацию, и они избрали Петра I, чтобы тот стал славой их нации, это лишний раз говорит о том, что все армянские герои являются мифическими, созданными после их встречи с Петром I.

Мы уверены, что до встречи с Петром I в сознании армян не было идеи о создании государства. До этого они мечтали лишь об автономии в составе Турции. Петр I многое пообещал им, и это вскружило им голову. Однако Петру I так и не удалось выполнить свое обещание. Через 100 лет победившая в войне с Ираном Российская империя собрала армян под своим крылом и заселила их на оккупированные Россией азербайджанские земли. С того времени армяне под покровительством России, с помощью русской военной силы подготовили плодотворную почву для создания своего

государства. Это произошло в 1920 году, когда на азербайджанских землях появилась нынешняя Армения. До 1878 года ни в одном международном документе не было зафиксировано слово «Армения» как название государства, хотя в обращениях, посланиях армян, адресованных международным организациям, оно повторялась часто, но затем заменилось выражением «в областях, населенных армянами», более точно отражающим реальность.

Армянские «мудрецы» хорошо понимали, что нашедшие приют на азербайджанских землях армяне не забыли о своей спокойной, счастливой жизни в Турции, ведь армянское население там жило лучше, чем местные турки.

Об этом хорошо свидетельствует следующий отрывок из книги Б. А. Боряна: «В 1821 году, когда Гасан-хан вел пленных из Карсской области, и пленные армяне были освобождены Агаси, последний просил своих единоверцев переселиться на русскую территорию, армяне же отказались и вернулись обратно в Турцию. В XVII веке, по описанию Акопа Карнеци, в Турции господствовал образцовый порядок, и автор высказывает сожаление о том, что в христианских государствах не было того, что существовало в Оттоманской империи, в стране мусульман». Теперь становится ясно, почему армяне не хотели оставаться на территории России и старались вернуться в Турцию. «Мирная торговля, – продолжает Б. А.Борян, – находится в руках греков и армян Турции» («Армянский вопрос». Баку. 2012, стр. 30).

Дело осложнилось, и теперь нужно было убедить армянский народ в том, что на новом месте им будет жить лучше. И поэтому перед армянскими «мудрецами» в первую очередь встала задача написать «Историю армянского народа». И тогда они воспользовались оккупацией Северного Азербайджана Россией. Указом императора армяне добились передачи всех албанских церквей в подчинение армянскому синоду. В албанских церквях хранились многочисленные рукописи и книги, которые армяне вывезли в Эчмиадзин, и это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что они являлись письменными памятниками тюркского народа. Уничтожив оригиналы, армянские «мудрецы» переписали их, представив обществу как армянские. Начиная с 1830-х годов вплоть до нашего времени армянские «мудрецы» продолжают заниматься фальсификацией истории. О фальшивых исторических памятниках армянского народа говорят многочисленные факты. Приведем лишь некоторые из них:

1. В «Анонимных армянских хрониках», датированных, якобы, IV-V-VI вв., встречаются слова, заимствованные из тюркского языка только в XIX веке, что свидетельствует о том, что эти хроники были переписаны не раньше XIX века.

2. Армянские «мудрецы» переводили на разные языки «Историю обращения армян в христианскую веру», написанную грекоязычным писателем Агафангелом, назвав ее «Историей Армении». Армянский историк Тер-Гевондян А.Н., сравнив различные издания этой книги, обнаружил, что многие приписанные Агафангелу факты отсутствуют в оригинале. Он пишет, что «имена Фаддея, Силвестра, жены Григория Марьяма, о которых говорят М. Хоренски и другие, ссылаясь на Агафангела, в первичной рукописи на греческом языке даже не упоминаются» (Тер-Гевондян А.Н. Новонайденные арабские редакции «Истории Армении» Агафангела». Письменные памятники Востока. Москва. «Наука». 1981, стр. 108).

3. Книга «История Агван» албанского историка (*Кавказская Албания* – **ред.**) М.Каланкатуйского три раза переведена на русский язык армянами. Каждый переводчик изменял текст минимум на 30%. В результате последнее издание книги М.Каланкатуйского совпадает с оригиналом максимум на 10%.

Армянские «сочинители» не очень-то утруждали себя, а порой даже на готовом материале заменяли слово Азербайджан на Армению. Например, в одном из документов было отмечено, что «по «Туркманчайскому договору» Северный Азербайджан был присоединен к России». Но в армянской редакции она гласит, что «по Туркманчайскому договору к России присоединилась Восточная Армения».

Армянские фальсификаторы выдумывали всякие «небылицы», на которые опирались армянские историки. Может, поэтому русский поэт и журналист В.Л.Величко, удивляясь отсутствию реальной истории в сочинениях армянских историков, писал: «Если бы кроме слова «измышление» понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя было бы избежать слова «измена» (Величко В.Л. «Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы» Санкт-Петербург. 1904, стр. 68-69).

Как видится, все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что в XIX веке и даже в первой половине XX в. еще не все армянские ученые были заражены «армянской болезнью». Она была зафиксирована уже в «Большой Советской Энциклопедии».

«Неотъемлемым качеством армянских ученых является умение добиваться своей цели путем упрямства. Настаивая на своем, они стараются замалчивать все, что не входит в их расчеты, даже если это было бы неопровержимой истиной», – так охарактеризовал эту так называемую «армянскую болезнь» Ариф Мансуров. (Ариф Мансуров. «Белые пятна истории и перестройка». Баку. 1990, стр. 38). «Подобные проделки, – обычная болезнь армянских ученых, – продолжает он, – ведь есть же натуры, для которых «привычное горе лучше непривычного веселья» (там же, стр. 36).

Эта болезнь очень опасна. Ее опасность заключается в том, что она – национальная и широко распространена среди армянского народа.

Может, поэтому известный армянский писатель и поэт Ованес Туманян в свое время с сожалением писал: «…истинное спасение должно начаться изнутри, потому что мы больны изнутри» (Ованес Туманян. «Избранная проза». Ереван. 1977, стр. 201).

На основании изложенного материала мы можем сделать следующие выводы:

1. Слово «армяне» не было самоназванием нынешнего армянского этноса. Они никогда себя так не называли. Оно является самоназванием тюркского этноса арман (ərmən), которое присвоили себе армяне из Турции и Ирана, поселившиеся на азербайджанских землях.

2. Нынешний армянский народ никогда не являлся коренным народом Кавказа. Как и сами армяне, так и их язык пришли сюда извне.

3. Армения, созданная на азербайджанских землях в 1920 году с помощью России, является первым в истории армянского народа государством.

5. Армянский народ нагло присвоил себе культуру и обычаи местных тюркских народов.

Приведенные нами примеры являются лишь каплями в море. Но их ценность заключается в том, что они показывают армянских «мудрецов», политиканов, предателей, фальсификаторов и «гуманистов» в истинном свете.

Пора с ними ознакомить армян, предоставить международным организациям, парламентариям великих государств, видным специалистам – в первую очередь, историкам и политикам.

АЗЕР ЭФЕНДИ

MEMORIA

Как жертвенных ягнят нас резали армяне
И пакостили весь двадцатый век!
И вот опять мы носим наши раны,
Как слабой памяти кровавый оберег!

Неужто и сейчас событий бег промчится,
И будем, как всегда, беспечно, сладко жить,
Забыв призыв: Учиться и Учиться!
И крепко накрепко Историю учить!

Что нам смотреть налево и направо
И ждать, что кто-то правду проречёт!
Нам надо стать, пусть маленькой – Державой!
Где все стоят в ряду: плечо в плечо!

Стоять, как ныне гордые Гянджинцы,
В крови, с детьми, восстав из-под руин!
Нас не сломать армянским проходимцам –
Вперёд, вперёд!.. Мы свет Шуши узрим!

Мы сокрушим по Божьей воле нечисть,
Но повторю ещё раз наперёд:
Ученье – Свет! Оставь свою беспечность,
Мой добрый, как дитя, забывчивый народ!

Дети, покинувшие Карабах на руках у матерей,
сегодня возвращаются на Родину на танках.

ОКСАНА БУЛАНОВА
член Союза писателей Азербайджана; награждена медалью «Терегги»

О КАРАБАХЕ, АРМЯНАХ И «ВЕЛИКОЙ» АРМЯНСКОЙ ИДЕЕ

Для Азербайджана в последнее месяцы нет актуальнее темы, чем Карабах и прилегающие к нему районы, которые почти три десятка лет находился под оккупацией Армении. Карабах, культурная, историческая и природная жемчужина Азербайджана, – это кровь растерзанных в Ходжалы женщин, детей и стариков, это мужество мужчин, сражавшихся за свою исконную землю, это непрекращающиеся боль и слезы мирных граждан Азербайджана всех национальностей, которые были вынуждены терпеть сначала произвол армян и их пособников, а затем – бесплодное ожидание от Армении и мирового сообщества выполнения пресловутых резолюций ООН по возвращению исконно азербайджанских земель. Ведь территориальная целостность Азербайджана признана во всем мире! Тема Карабаха была неизлечимой раной азербайджанского народа долгие тридцать лет.

Но все меняется! Сегодня патриотически настроенная, прекрасно обученная, рвущаяся вперед Азербайджанская Армия возвращает свои оккупированные земли! Стратегическую и тактическую мудрость, дальновидность, профессионализм и гуманность Верховного Главнокомандующего Ильхама Алиева оценили не только побеждающие граждане Азербайджана, не только позорно бегущие и оставляющие в пыли свои знамена армянские вояки, но и мировая общественность, включая самых уважаемых военных экспертов мира.

Казалось бы, о чем еще тут говорить? Справедливость торжествует, Карабах – это Азербайджан, все возвращается на круги своя. Однако подыхающий армянский фашизм настолько глубоко въелся в души не только самих армян, но и большого количества людей самых разных стран, что это заставляет задуматься, а все ли нормально в мировом сообществе? Оно отравлено армянской пропагандой, и эта отрава даст со временем свои всходы – если ее не остановить, не вырвать в зародыше, не искоренить и не растоптать. Поэтому данная статья задумывалась мною в первую очередь для всех русскоязычных и понимающих русский язык, ведь журнал «Литературный Азербайджан» читают не только граждане Азербайджана, электронную версию этого журнала читают во всех странах, в том числе на моей исторической Родине – в России. **Да, я – россиянка, которая живет в Азербайджане уже более пятнадцати лет, и не случайной волею судьбы, а в результате осознанного выбора.** Я хочу в этой статье привести некоторые логические аргументы для умеющих думать и размышлять, анализировать и сопоставлять факты, а потом уже решать – поддаваться на слезное нытье и пропаганду армян, или же трезво все взвесить и решить: нет, дорогие, у меня своя голова на плечах есть!

Я не буду касаться в этой статье исторических причин появления армян в Карабахе: граждане Азербайджана и так все знают, а те, кто интересуется историей и захочет узнать правду, сам найдет исторические источники, да и статей на эту тему написано великое множество, нужно просто не быть ленивым и нелюбопытным и почитать, благо ни интернет, ни библиотеки никто не отменял.

Как известно, армяне оккупировали Карабах на том основании, что это якобы их земля, древнейшая до невозможности, на которой армяне жили если не со времен динозавров, то сразу после их исчезновения. Причем Карабах был не единственной армянской землей – «Великая Армения» простиралась «от моря и до моря». Как показывает карта «Древней Армении», висящая в Штаб-квартире армянской диаспоры во Франции, в эту самую «великую» входит не только современная Армения, но и часть земель Грузии, Азербайджана, Ирана, Турции… (В других армянских источниках мы можем прочитать, что в «Великую Армению» входят и южные земли России, и Абхазия, и даже украинский Львов. Ну, тут, как говорится, без комментариев.)

И вот злой Азербайджан посредством пришедшей на Кавказ и в Закавказье советской власти «получил в подарок» (по выражениям армянских «историков» и пропагандистов) Карабах, оторванный с кровью от Армении. И теперь его надо вернуть назад.

Я сейчас не буду говорить тут о законности существования самой Армении, которой как государства не существовало аж до 1920 года, пока большевики, не отрезав по кусочку от Азербайджана и Грузии, не подарили этому народу и земли, и государственность – об этом можно прочитать у специалистов-историков.

Я не буду говорить и об условиях Туркманчайского мирного договора 1828 года, в результате которых армян из Персии переселили на земли, которые указало правительство Российской империи, – на земли Карабаха. Я не буду говорить о памятной стеле «К 150-летию переселения армян в Карабах», которую в 1978 году установили сами же армяне, а потом сами же снесли и закопали поглубже – дабы скрыть доказательства своей пришлости. Я хочу просто поразмышлять об основных постулатах «Великой Армении». Просто поразмышлять, опираясь даже не на глубокие исторические знания, а на логику и здравый смысл.

Если армяне такие великие, если их «Великая Армения» была «от моря до моря», то где доказательства?! Где памятники материальной и духовной культуры? После Древней Греции остались храмы и оды, после Римской империи – мраморные статуи и правовая система, после шумеров – зиккураты и глиняные таблички с древнейшей письменностью, после инков – мегалитические постройки и искусство трепанации черепа… Что осталось после «древних» армян?!

Фамилии – в 90 процентах случаев с тюркскими корнями, в 8 процентах – со славянскими и только в 2 процентах – армянские, такие, как Мкртчан – с пятью согласными подряд, которые ни один нормальный человек просто не выговорит! Окончание фамилий – «ян» – опять же не армянское, а фарсидское. Имена? Тоже весело. Достаточно вспомнить Никола Вовaевича. Очень армянские имена – Никол и Вова!

Армяне приспосабливают под свои нужды все, что плохо лежит. Да и то, что лежит хорошо, приспосабливают тоже! Начертание букв – древне-эфиопское, флаг – перевернутый колумбийский, название денег – искаженное древнегреческое… Если армяне такие «древние», то где все эти древности – исконно армянские, аутентичные, свойственные только им?!

Или вот взять язык. Я сейчас не буду касаться темы, в какую языковую семью входит армянский, не буду касаться строя армянского языка, его орфоэпии, семантики и т.п. Поговорим о заимствованиях. Что такое заимствования? Это когда один язык что-то берет из другого – соседнего или широко распространенного на планете. Когда два народа живут рядом тысячелетия или хотя бы столетия, заимствования неизбежны: один заимствует у другого и наоборот. А что у нас с армянским? Кто-нибудь заимствовал какие-нибудь слова из армянского? Ведь «Великая Армения» существует якобы тысячелетия! Значит, соседние с ней «гораздо более молодые» народы неизбежно должны были делать заимствования из армянского языка! Но почему-то ни в грузинском, ни в азербайджанском, ни в турецком, ни в русском, ни в дагестанских языках лингвисты не могут обнаружить тот богатый пласт армянских заимствований,

который неизбежно должен был бы возникнуть при соседстве с «великой» и «древней» Арменией!

Ту же картину мы наблюдаем в исторической моде, кулинарии… Из армянского кулинарного наследия не заимствуется ничего, зато у армян «армянский» лаваш, «армянский» бозбаш, долма (ой, пардон, толма) и т.д. и т.п. И если лаваш – это просто тонкая бездрожжевая лепешка, которая могла возникнуть параллельно у всех народов, начиная от инков и кончая эфиопами, то в самих словах «долма» и «бозбаш» просто бьют в колокола тюркские корни! По идее, если блюда «долма» и «бозбаш» исконно армянские, то исконно армянскими должны быть и их названия! Но попробуйте попросить армян перевести эти слова с армянского или древнеармянского! В ответ получите невнятное мычание…

Точно такая же картина и с музыкой. Все исконно азербайджанские и турецкие мелодии, а также музыкальные инструменты армянами объявляются своими, но попробуйте попросите их перевести с армянского названия песен «Сары гялин» или «Сен гельмез олдун»! Невнятное мычание резко переходит в вопли о том, что у «многострадального народа» украли все, в том числе и песни, и названия песен. Иными словами, у армян украли тюркские названия песен, так выходит?! Так вы ж армяне, вы ж «древние» и «великие», почему же у вас украли тюркские названия???

Самым большим потрясением лично для меня была одна мелодия Арно Бабаджаняна, которого я уважала с детства – в основном, за то, что писал музыку к песням обожаемого мною Муслима Магомаева. Эта мелодия называется «Вагаршапатский танец». Послушайте эту мелодию и мелодию Узеира Гаджибекова из оперетты «Не та, так эта» («Мешади Ибад»). Один в один! Т.е. танец Бабаджяняна и музыка Гаджибекова не просто похожи, а именно один в один! Год написания «Вагаршапатского танца» – 1943-й, год написания оперетты Узеиром Гаджибековым – 1910 год. Комментарии излишни.

И таких музыкальных примеров – сотни! Про «заимствования» Хачатуряном у Кара Караева узнаваемых музыкальных тем, а также национальных азербайджанских мелодий в балетах «Спартак» и «Гаянэ» даже писать не буду: азербайджанцы и музыковеды всех национальностей и так это знают, а рассказывать подробно – долго получится, все-таки это статья, а не книга!

Также не буду касаться литературных «заимствований» – желающие могут самостоятельно поискать статьи на эту тему в интернете. Их тоже сотни! Вернусь к культурному наследию «Великой Армении». Кто-то может мне возразить – а как же армянские храмы на территории Карабаха? Да, храмы есть. Но кто сказал, что они армянские?! Кавказская Албания, которая существовала на землях Азербайджана на рубеже нашей эры, приняла христианство одной из первых. Это ее храмы! Очень умело затем перестроенные, достроенные и закамуфлированные под типично армянскую архитектуру.

Конечно, мои слова некоторые из российских и других читателей могут не воспринять всерьез и посчитать, что я предвзята. Таких товарищей я опять же отошлю в библиотеки, к статьям известных историков архитектуры, в том числе русских. Да, придется потратить время, но кто сказал, что сбросить паутину армянской пропаганды будет легко? Отнюдь! Придется попотеть. Зато неравнодушные и не ленивые будут вознаграждены сторицей. Их глаза в буквальном смысле слова откроются. А я пока продолжу.

«Великая Армения» – миф. Миф, который создавали армянские лжеученые на протяжении десятилетий и столетий. Миф о «великой» армянской культуре, о «великих» армянских землях… Если допустить, что эти земли были на самом деле великими, то по скромным подсчетам демографов армян на планете должно жить как минимум 200-250 миллионов. А живет (по всем странам) от 12 до 14 миллионов (включая Армению, где по современным данным не осталось даже 2 миллионов жи-

телей). Кстати, живут они в других странах «ввиду исторических обстоятельств», как пишут сами армяне. Что же это за обстоятельства такие? Что заставляет народ уезжать из своей страны, наследницы «Великой Армении»? Что заставляет их сбегать из нищей, экономически нестабильной, социально неустроенной родины? Ответ в вопросе.

Почему этот народ всегда и везде ищет виноватых? «Мы такой многострадальный народ»… А что это вы такой многострадальный?! Почему вас все обижают? Может быть, как в том анекдоте: «Если пятый по счету муж бьет по морде, виноват не муж, а морда?» Геноцид вам турки устроили? Турки говорят: «Покажите нам кладбища, захоронения, где можно найти могилы тысяч детей, женщин, стариков, похороненных одновременно, и мы признаем геноцид! Мы даже готовы открыть архивы». Показать такие захоронения армяне почему-то отказались… Открыть свои архивы – тоже. А вот каждый год увеличивать число «невинно убиенных» турками армян, начиная с 1915 года, – это пожалуйста! Число с каждым десятилетием все растет. Каким-то волшебным образом! Мертвые армяне размножаются! Сначала было 500 тысяч, затем миллион, позже полтора миллиона, а нынче идет речь о геноциде двух миллионов армян, учиненном Турцией. И это при условии, что численность ВСЕХ армян на земном шаре к началу XX века не превышала трех миллионов! Это официальные данные, собранные учеными, чей мозг не был замутнен изощренной паутиной армянской пропаганды, а также статистические данные армянского патриаршества начала века. Эти данные также можно посмотреть в библиотеках.

Поэтому вопроса «геноцида» я больше касаться не буду – просто потому, что нет темы для разговора. Я задам только один вопрос думающему читателю: если армяне, распространяясь о геноциде, главной причиной указывают нетерпимость турок и азербайджанцев-мусульман к своим соседям христианам-армянам, то почему, черт возьми, турки не уничтожали других христиан, а азербайджанцы – соседей-грузин? Ну вот почему такая избирательность – нелюбовь исключительно к армянам?! Смотри пункт первый: анекдот про пятого мужа и морду.

А ведь нелюбовь есть… У думающих и умеющих анализировать. Точнее, не нелюбовь, а чувство, которое сродни брезгливости. Человек так устроен, что наиболее сильные отклонения от нормы вызывают некоторую брезгливость. А мы в данном случае имеем очень яркий пример социального, исторического, культурного отклонения от нормы. Сложно всерьез относится к народу, рядом с которым постоянно скандалы и кровь. Достаточно вспомнить геноцид азербайджанцев, который устроили армяне в 1918 году. По подсчетам российской Чрезвычайной Комиссии тех же лет, армянские дашнаки и бандиты, взращенные «Великой революцией» большевиков, уничтожили под руководством Степана Шаумяна от 150 до 700 тысяч азербайджанцев. Но, в отличие от армян, азербайджанцы могут показать и показывают эти захоронения своих соплеменников. В этих захоронениях трупы женщин, детей, стариков!

Сложно всерьез относиться к народу, который с упорством, достойным лучшего применения, утверждает, что армяне – самый древний народ на планете, прилетевший с Сириуса (я не вру! Читайте армянские СМИ, это покруче любой фантастики!), что Ной и Иисус Христос были армянами, что армяне основали Москву, Киев и… Баку, что правили в Римской империи (т.е. были римскими императорами, если кто не понял. И даже доказательства приводят – огромный нос у какого-то императора на древнеримской монете), что научили европейцев алфавиту, что – сейчас внимание! – научили египтян строить пирамиды!!! И сейчас, когда ученые всего мира бьются над разгадкой этого строительства, армяне – вот ведь партизаны! – набрали в рот воды и молчат, как они это делали! Зато громко кричат о своем первенстве!

Так неужели им нечем похвастаться? Неужели они нигде и никогда не были первыми и лучшими? Были! Еще как были! Вот неполный список этих достойных заслуг. Неполный – потому что, ей-богу, противно было писать…

Итак. Самый первый в Советском Союзе серийный маньяк-убийца был армянином. Его звали Владимир Ионесян. Кличка – Мосгаз. Представляясь сотрудником Мосгаза, он проникал в квартиры, убивал топором жильцов и забирал какую-то мелочь. Первой его жертвой стал 12-летний ребенок… Жертв было много. Ионесян признан вменяемым и расстрелян 31 января 1964 года.

Самыми лучшими, простите, проститутками все старые бакинцы, в том числе армяне по национальности, называют армянских проституток. В принципе, это закономерно, если сейчас символом армянских женщин и «иконой стиля» является Ким Кардашьян – порнозвезда и по профессии, и душевной склонности.

Самые первые террористы в Москве были армянами. В 1977 году была осуществлена серия террористических актов: 8 января был взорван вагон на станции метро, затем взрыв прогремел в торговом зале продуктового магазина, третья бомба была взорвана на улице опять же у магазина. Армяне и мир должны знать своих героев! Их звали Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян. Затикян входил в Национальную объединенную партию Армении. Был суд. Затикян твердил об «угнетении многострадального армянского народа русскими», его последними словами были «Передайте другим, что нам остается месть, месть и еще раз месть». Террористы были расстреляны 30 января 1979 года.

Единственные два теракта в бакинском метро – в марте и июле 1994 года – были совершены с подачи печально известного Зория Балаяна, фашиста и изверга, одного из идеологов «Великой Армении», который жив до сих пор и который в своей книжонке «Оживление нашего духа» (1996 год) оправдал Ходжалинский геноцид, совершенный против азербайджанцев в этом городе, и с гордостью признал свое в нем участие. «Когда мы с Хачатуром вошли в один из захваченных домов, наши солдаты прибили гвоздями одного 13-летнего турка к окну. Чтобы ребенок не кричал, Хачатур засунул ему в рот отрезанную грудь его матери». Дальше про то, как Зорий, врач и гуманист – он это подчеркивает сам! – быстро сорвал с мальчика кожу. Одной этой цитаты достаточно, чтобы четвертовать Балаяна. Но мир молчит… А Зорий Балаян – врач, между прочим! – имеет кучу наград и премий и… звание Почетного гражданина Еревана!!!

Впрочем, что ждать от Еревана, если там, впервые со времен окончания Второй Мировой войны на всем постсоветском пространстве, в 2016 году открыли памятник фашисту, извергу, пособнику Гитлера Гарегину Нжде. Его именем назвали площадь в этом же городе, в его честь чеканят памятные монеты. В программе правящей в Армении Республиканской партии читаем: «Высшей, осмысленной самой Божественной сутью, целью армянского народа является вечное пребывание на Родине, утверждение своей жизнестойкости, творческого гения и свободной воли. Гарантией реализации этой цели является Армянская национальная идеология, в которой, по убеждению РПА, существенное место занимает учение Гарегина Нжде».

К сожалению, таких примеров «первенства» армян так много, что хочется плакать. Упомяну только о том, что армяне на первом месте по числу террористических националистических организаций в мире: по скромным подсчетам в мире существовало или существует СЕМНАДЦАТЬ террористических организаций, призванных прославлять «Великую Армению» и доказывать всему миру превосходство армян над остальными народами. Самая известная – АСАЛА. Количество убитых армянскими террористами простых мирных людей не поддается исчислению! Кроме этого, армянские террористы призывают и убивают азербайджанских и турецких дипломатов в самых разных странах. И даже не считают нужным это скрывать. Те, кому захочется узнать побольше об армянских террористах и ужаснуться всей глубине падения нравственности этого народа, – просто откройте Википедию. Там есть статья «Терроризм армянских националистов». Только после одной этой статьи у очень многих спадет пелена с глаз о «многострадальности» этого народа!

Который в эту осень в очередной раз доказал свою исключительность. Блестяще, громко, на весь мир! После провокаций, устроенных на границе между Азербайджаном и Арменией (даже не на линии соприкосновения с Карабахом, а на государственной границе) 12-16 июля, армяне получили прекрасный ответ – им хорошенько дала по зубам Азербайджанская армия за бомбежку мирных сел в прифронтовой зоне. Их это не остановило, и 27 сентября они сунулись снова. То, что происходило потом, известно во всем мире. Я не буду говорить ни о том, что армяне начали трусливо бежать с поля боя прямо 27 сентября и именно 27 сентября были освобождены от оккупации несколько азербайджанских сел. Не буду говорить и о том, как они трусливо бросили свое полковое знамя на поле боя, о эти великие армянские воины! Не буду говорить о том, как сотнями дезертировали, а другие великие армянские воины устанавливали загранотряды и расстреливали своих же бегущих с поля боя солдат.

Не буду говорить и о том, что Пашинян, сам же и развязавший эту войну, скулил и плакал по телефону всем правителям и президентам планеты, прося помощи. Он не позвонил разве что главному пингвину Антарктиды.

Ни о чем этом я говорить не буду. Это знают все. Я скажу только об обстрелах Гянджи. После перемирия, униженно выпрошенного Вовaевичем, мирная спящая красавица Гянджа, находящаяся в сотне километров от зоны боевых действий, была обстреляна. Через неделю – обстреляна еще раз. Опять ночью! Обстреляна баллистическими ракетами! Если кто не знает, то эта такая штука более 11 метров в длину и несущая в себе 700 килограмм взрывчатки. Такие ракеты для бомбардировок по мирным городам применял лишь Саддам Хусейн. Тут у армян первенства нет. На кадры хроники, где мужчина после этого обстрела несет трупик младенца в белом саване, смотреть просто невозможно!

И еще на одни кадры смотреть невозможно: на фото нескольких кладбищ. Также обстрелянных, с разрушенными надгробиями. Что это за народ, который воюет не с мужчинами на поле боя (там он бежит, поджимая хвост, как трусливый шакал), а со спящими детьми и женщинами и с мертвыми на кладбищах??? А затем имеет наглость утверждать, что в Гяндже взорвался бытовой газ – это после того, как сам же в Твиттер-канале «Новости Армении и Арцаха» за несколько минут до обстрела анонсировал его с циничной подписью «Это вам за церковь в Шуше». Которую сам же и подорвал – армяне, извините за сленг, спалились в своих же соцсетях. Азербайджанские военные не бомбят мирные цели! Они лечат раненых армянских пленных, а здоровым устраивают экскурсию по Баку, как это было сделано для пожилой армянки.

И никто из армян не подумал о том, зачем надо было Азербайджану тратить снаряды на церковь в Шуше, стараться, прицеливаться, если вон, в центре Баку, стоит армянская церковь! Живехонька-здоровехонька! Отреставрированная, служащая для хранения армянских же книг! Взрывай – не хочу.

Этот народ болен! Манией величия, манией преследования. Этот народ в когнитивном диссонансе. Точнее, недонарод – потому что нельзя назвать народом свору оголтелых маньяков, которые стреляют по мирным городам, детским садам, школам, госпиталям, санитарным машинам, собирающим их же трупы согласно договору о гуманитарном перемирии. Азербайджану, кстати, это перемирие было не нужно от слова «совсем» – тел азербайджанских солдат и азербайджанских пленных у армян нет и быть не может: у тех, кто убегает с чужой земли, теряя тапочки (это не метафора – армянская армия одета-обута, словно немцы под Сталинградом), не может быть ни тел, ни пленных наступающего противника!

Это недонарод, потому что только выродки и нелюди могут вспарывать животы беременным женщинам, как это было сделано в Ходжалы. Только недонарод может в соцсетях цинично глумиться над горем мирных жителей, потерявших в ночных бом-

бежках дома, детей, родителей… Только недонарод может выставлять в своих соцсетях фотографии искалеченных азербайджанских детей из разбомбленных домов в Гяндже и выдавать это за армянских детей и разбомбленные дома в Карабахе, а траурные шествия на азербайджанских кладбищах за поток беженцев из Гянджи или Тертера. Только недонарод может фотографировать окопы, полные трупов своих солдат, и нагло лгать по всему миру, что это тела азербайджанцев.

Только недонарод может придумать миф о своей непобедимости и исключительности, о своем превосходстве, а потом сам же в него свято и уверовать. До такой степени уверовать, что потеряно полное представление о реальности. На пороге полного разгрома армяне продолжали кричать о своей непобедимости, о том, что Гянджу или даже археологи не найдут после армянских обстрелов, или они ее захватят и переименуют. Ну вы уже определитесь: или с землей сравняете, или захватите и переименуете!

А все почему? Из-за великой армянской идеи. Великой в данном контексте без кавычек. Она действительно велика в своем абсурде. Великой армянской идеей, цементирующей армянское общество, является националистическая идея своего превосходства над всем миром, особенно над тюркскими народами. Ничего не напоминает? Где-то мы это уже встречали. Да, правильно, гитлеровский нацизм, испанский фашизм. Вот они, отголоски тех зверств – в современной Армении! Но честное слово, нацисты в Германии – и те вызывают больше уважения, потому что они не скрывали, что идут завоевывать новые земли для своей великой нации. Новые! Фашисты никогда не утверждали, что территория Франции, Великобритании или Советского Союза – их историческая родина. А армяне утверждают. Они готовы оттяпать все, на что упадет их взгляд. Причем почему-то не претендуют на Якутию, Оймякон или малярийные джунгли Амазонки.

Кто-то может сказать – на войне все средства хороши и правил никаких не существует. Однако современная война ведется все-таки по гуманистическим правилам: не стрелять по мирному населению, только по военным целям, не стрелять из запрещенного оружия и т.п. Но армяне плевать хотели на все современные правила: они живут и воюют по правилам, которые даже хуже гитлеровских!

При этом они могут действовать только исподтишка. Стрелять по ночным мирным городам – это даже не подлость. В русском языке нет слова, которое обозначило бы всю глубину их мерзости! Нету! Не придумали! Даже богатый русский мат – и тот бессилен против гнусностей армян.

Эти гнусности они оправдывают своим «великим» прошлым. Но нельзя жить прошлым! Даже если армяне в прошлом – допустим! – были великим народом, то где это величие сейчас?! Народ, который ищет утешения и вдохновения для своих «подвигов» в прошлом – несчастный, ничтожный народ! Оглядки на прошлое, тем более выдуманное прошлое, ведет лишь к деградации.

И эта деградация закономерна. Армения – моностpана. Страна, в которой 99 процентов населения составляет один народ, не может расти, развиваться, совершенствоваться. Этот народ варится в собственном соку. Топчется на месте. Загнивает. В таком обществе неизбежно развитие шовинизма, нацизма, фашизма, расизма, ксенофобии, непринятия ничего инородного. Ненависть к тюркам прививается с детства.

Вот строки ученого-геолога из Рино, штат Невада, Александра Чайхорского: «Я никогда не забуду, как в поезде Ленинград-Москва в купе со мной ехала молодая очаровательная армянская мать с годовалым мальчиком. Она родилась и прожила всю жизнь в России – так же, как и я, мы были одного возраста. Мы говорили о политике и музыке, о том, о сем. Потом мальчик упал и заплакал. Она схватила его на руки, стала утешать. И потом, делая ему «козу», целуя его и сюсюкая, она сказала: «Ну вот видишь, ты настоящий мужчина! Сколько ты убьешь турок, когда вырастешь,

а? Скажи мамочке, сколько ты убьешь турок, а? Тысячу убьешь для мамочки? А пять тысяч?» Мне одной кажется, что этого мальчика звали Никол Пашинян и мама роняла его еще не раз, и преимущественно головой?

А что в Азербайджане? Сколько в этой стране живет разных народов? Десятки! И живет не просто мирно, а просто не обращают внимания на то, что один – азербайджанец, второй – лезгин, третий – еврей, четвертый – русский, шестой – немец, а седьмой – вообще армянин. В голову никому не приходит, что Мамедов лучше Иванова или Рабиновича! По соцсетям распространился один плакат, который я скопировала себе на память. Строчки окрашены в три цвета азербайджанского флага: «В этой стране иудей молится за мусульманина, мусульманин называет шехидом своего героически павшего православного друга, а православные колокола звонят в честь побед в Карабахе! Это моя страна! Этой мой Азербайджан!»

Может Армения похвастаться такими строчками?! Нет!!! В Армении вместо этого этнические чистки!! Это люди, у которых никогда не было родины. Они – перекати-поле, без корней и обычаев, пришлые и наглые. И поэтому им наплевать на чужие обычаи. Это обыкновенная зависть: у других есть, а у меня нет. Ну ничего, я себе сам придумаю «великую» историю, возьму чужие обычаи, чужую культуру – и объявлю своей.

Если у армян нет своего культурного наследия (кроме сворованного и присвоенного), то можно наплевать три раза на чужое! Если Карабах армянский, как они утверждают, почему тогда они запустили его до такой степени в экологическом, культурном, сельскохозяйственном, экономическом плане?! Я уже не говорю, что они уничтожили там все культурные памятники не только исламской, но и доисламской эпохи! Почему, если эта земля их, они так наплевательски к ней относятся? Почему заболотили те почвы, которые надо было осушать, и засушили те, которые надо было орошать? Ведь в своем саду они так бы не поступили! Так почему? Да простой ответ: потому что это **НЕ ИХ** земля! Зачем ухаживать за чужой землей, если ты временщик? Если ты пришел как тать в ночи, воспользовался помощью советского полка, оснащенного, вооруженного до зубов! Без него ты бы в жизни не оккупировал Карабах 30 лет назад! Кишка тонка!

Однако нельзя поливать грязью весь армянский народ. Среди его представителей есть грамотные, думающие и трезвые люди, которые говорят своим соплеменникам: «Остановитесь! Одумайтесь! Что вы делаете?! Нам не нужны чужие земли, со своими бы разобраться! Мы не хотим терять наших детей на чужой земле!» Но их так мало, этих людей… А те, которые есть, терпят репрессии и издевательства от своих же соплеменников. За то, что не разделяют бредовых, антигуманных, маниакальных, антинаучных, насквозь выдуманных идей «Великой Армении».

В заключение хочу сказать вот о чем. Азербайджан не воюет с Арменией. Тем более с армянским народом – несмотря на все гнусности его представителей. Он воюет на СВОЕЙ земле за СВОЮ украденную, истоптанную, страдающую землю, за **СВОЙ Карабах**. Он воюет против современного армянского фашизма и нацизма, который, если его не задавить, расцветет пышным цветом, и уже в Абхазии, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Сочи русские и другие народы будут с болью смотреть на свои отобранные, украденные, изгаженные земли. Если не сплотятся, не сбросят темные очки, которые долгие годы напяливали на них армянские пропагандисты, то будет очень плохо! Бомбы будут падать на российские, грузинские, абхазские города. Это будет, если не остановить армянский фашизм!!!

Азербайджан воюет за правое дело! И именно поэтому побеждает! Это освободительная Отечественная война Азербайджана! И ему НИКТО не сможет помешать!

НОВРУЗ НАДЖАФОГЛУ

ВЫСТРЕЛ С БЕЛОЙ СКАЛЫ

Киноповесть

Перевод Наргиз ДЖАФАРОВОЙ

ПРОЛОГ

... Над селом вздымались клубы черного дыма, то и дело стрекотали автоматы, отрывисто ухали пушки, разрывались снаряды. Солдаты торопили растерявшихся и словно оторопевших от происходящего, сельчан, требуя поскорее погрузить вещи в грузовик. Рахман невозмутимо всматривался вдаль, будто не замечая суеты вокруг.

– Чего медлите, погружайтесь уже в машину, черт возьми! – гневно выкрикнул солдат, теребя папиросу. – Трогаемся… Быстрее, берите детей и в машину! Никак в плен к армянам захотелось?!

...Рахман встрепенулся, оторвавшись от тягостных размышлений. И только сейчас до него отчетливо донесся лязг гусениц.

– Сенем, Сенем! Ну где ты запропастилась?! Сенем, черт тебя дери! Не мешкай, спускай детей – Амраха, Санубар, Шахназ! Говорят, армяне село будут брать!

Рахман попрекал жену так, будто несчастная Сенем была повинна во всех бедах и несчастьях, обрушившихся на их головы.

Сенем выскочила на крыльцо и замерла, растерянно озираясь вокруг.

– Рахман... – наконец отозвалась она. – Мы уже идем, вот только запру окна и двери!

Сенем юркнула в дом, позвякивая увесистой связкой ключей.

Рахман гневно глядел на жену, браня ее за нерасторопность, но вдруг усмешка застыла на губах его.

– Зачем ты запираешь двери, скажи на милость, разве мы в гости собираемся?! Или, может, армяне постучатся в дом и, не застав никого, уйдут восвояси?!

Сенем хлопала дверьми, усердно запирая их одну за другой, занавешивала окна.

– Где это видано – уходить, оставляя дом нараспашку? Скажешь тоже! Зачем тогда мы строили его, собирали по крупице! Столько сил, столько труда – зачем, во имя чего?! Чтобы всё досталось каким-нибудь проходимцам?!

Сенем всплакнула, но тут же взяла себя в руки.

Грузовик тронулся. Рахман, Сенем и их дети еле успели запрыгнуть в кузов.

– Наддай, браток, – подгоняли солдаты водителя. – Езжай наперерез, прямиком в ущелье. Не мешкай, а то окажетесь в плену.

* * *

... Стоны, крики, рыдания и ругань слились в оглушительную какофонию. Там и сям стрекотали автоматы. Солдаты, преградившие путь врагу, беспокойно озирались, глядя вослед мчавшемуся по дороге грузовику. Покачиваясь, несся он по разухабистым дорогам. Наконец удалось вздохнуть свободно. Мирные жители вырвались из лап смерти... Едва машина спустилась в ущелье, село охватило огнем, и оставленные жителями дома заполыхали как щепки…

* * *

Армянские головорезы вели трех раненых пленников, один из которых, судя по висевшей на плече санитарной сумке, был врачом. Все трое солдат истекали кровью, но шли, не издавая ни звука. Армяне то и дело тыкали дулом автоматов им в спины, били прикладами, требуя ускорить шаг. Пленники еле волочили ноги от боли, но, стиснув зубы, молчали, и их стойкость раздражала армян, тешивших себя надеждой, что они взмолятся о пощаде. Раненых заволокли в холодное, темное, отдававшее сыростью помещение, единственное окно в котором было разбито. Холод пробирал до самых костей. Леденящую тишину нарушали лишь мерные шаги часового, бурчавшего себе под нос ругательства. Он был явно зол на кого-то и недовольно ворчал. Но причиной его гнева были вовсе не пленные, иначе уж наверняка словами бы дело не ограничилось… Среди раненых один только врач понимал его речь. Часовой ругал на чем свет стоит того, кто приказал ему стеречь пленников. «Ну что за сукин сын, что за негодяй такой! Как нарочно, вытащил меня, больного, в такой мороз. А ведь знал, подлец, что меня колотит от озноба. Бессердечная скотина, ну прямо как тюрки…», – негодовал часовой.

Он затих на время, но вскоре вновь застонал. Под осуждающими и косыми взглядами товарищей пленный врач принялся шарить в сумке в поисках лекарства. Стоны и причитания часового усиливались. И тут, словно извиняясь перед остальными, врач окликнул часового…

... Наутро пленников вывели наружу и выстроили в шеренгу у стенки. Грянули выстрелы, и первым щелкнул затвор автомата того самого часового…

* * *

... Минули годы. Рахман томился в разлуке по отчему краю, поневоле став беженцем на родной земле. Теперь он жил вдали от грохота снарядов и канонад, в тихом, уютном местечке у подножья гор на самом берегу Каспия. Но и здесь, за много верст от огневых рубежей, не утихала молва о кознях и гнусных происках армян. Об одной из таких довелось услышать Рахману. Говорили, что некогда армяне, колесившие по миру без кола и двора, обосновались на этой благодатной земле, воспользовавшись гостеприимством и сердобольностью местных жителей. Разбили поселения и жили, как у Христа за пазухой. Одно из таких сел некогда располагалось на склоне гор в окрестностях нынешнего пристанища Рахмана. Все бы ничего, но злоба и ненависть, неблагодарность и извечное желание армян отхватить чужое, отчего были они гонимы отовсюду, вновь взяли верх. Сколотили они отряды, примкнули к рядам армянских разбойничьих шаек и принялись истреблять азербайджанцев – коренных жителей этих мест, некогда по доброте душевной пригревших их на своей земле. В одном из таких отрядов, орудовавших под предводительством головореза Амазаспа и совершивших резню азербайджанцев в начале прошлого века, особой жестокостью отличался выходец из того самого села… Однажды коварный и хитрый армянский поп, наслышавшись о беспощадности их односельчанина, созвал совет. «Рано или поздно тюрки придут поквитаться, как нам быть тогда?» – вопрошал он в страхе. На совете армяне решили вывезти из села семью того головореза, дабы избежать неприятностей. А затем, водрузив белый флаг, направились на поклон к уважаемому в округе духовнику соседнего азербайджанского села. Потолковав о деле, они убедили духовного деятеля во избежание кровопролития воззвать к азербайджанцам, заверив их в том, что здешние армяне раскаиваются в случившемся и клятвенно обещают обратиться в мусульманство. Но спустя некоторое время, когда, что называется, волки и овцы вновь паслись на одной лужайке без опаски, армяне вероломно переступили через свою клятву, и никто не напомнил им о ней…

* * *

В тех самых краях вынужденно обосновался Рахман с семьей. Он построил добротный дом, где уже подросшие Амрах, Санубар и Шахназ помогали матери по хозяйству. Два малыша, очевидно, возомнив себя взрослыми, тоже пытались взяться за дело, растрогав мать своим усердием. Шахин и Наргиз едва научились ходить и тянули маленькие ручонки к матери. Она нежно обнимала их и целовала, счастьем светилось лицо ее... Ничто не предвещало беды…

* * *

В предсмертной агонии Сенем дрожащей рукой достала из-под матраса увесистую связку ключей от их дома в родном краю и, хрипя, передала их Рахману. «Держи эти ключи, вот вернетесь домой…» Так, на полуслове, и оборвалась ее жизнь…

Шахин вырос, возмужал, настал его черед отдать долг Родине. Провожая сына в армию, Рахман передал ему ключи и наказал: «Сынок, храни эти ключи. Они от нашего дома в Карабахе. Будешь в тех краях, непременно отыщи наш дом и отвори двери». Тут его голос дрогнул, но, не подавая виду, он пару раз кашлянул. Отец с сыном крепко обнялись на прощание. «Мать-Отчизна нас взрастила, провожая в этот путь…», – дружно пели призывники. Смахнув украдкой слезу, Рахман простился с сыном.

* * *

Стоял погожий весенний вечер. Лучи заходящего солнца озарили веранду дома в небольшом провинциальном городке. Подросток то и дело выскакивал на веранду, беспокойно глядел на дорогу и спешно заходил в дом, будто ожидал там застать человека, которого он так нетерпеливо ждал. Едва заслышав мимолетный шорох снаружи, он вновь показывался на веранде и, разочарованный, возвращался домой. Сестры украдкой бросали на него беспокойные взгляды, но молчали, не подавая виду. На лице парня и его сестер – постарше и помладше него – застыла тревога. Они явно кого-то ждали…

...Спустя некоторое время на проселочной дороге показался странник. Мужчина, давно разменявший шестой десяток лет, грузно шел вверх по улице к своему дому. То был Рахман. Тяжелая поступь и облик его выдавали усталость с дороги. Порой он останавливался, чтобы перевести дух, и, постояв с минуту, опершись на посох, продолжал свой путь. Дойдя до знакомого переулка, он толкнул калитку и вошел во двор своего дома. Никто не встретил его, что было довольно странно, поэтому он обернулся и, убедившись, что не ошибся, осторожно прикрыл за собой калитку и направился к дому. Заслышав шаги отца, Амрах стремглав бросился к нему.

– Добро пожаловать домой! Я так рад видеть тебя! Ну, как добрался, видел ли Шахина? Как там мой брат? – не унимался Амрах и, увидев блаженную улыбку на лице отца, облегченно вздохнул. – Отец, расскажи о Шахине! Каким ты застал его? Он тоскует, да? – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Да чего там осталось-то, не успеет оглянуться, год уж пролетит. Следующей весной, дай Бог, свидимся.

Заслышав голоса во дворе, Санубар, которая приходилась Амраху младшей сестрой, выскочила на крыльцо.

– Как там мой братец? У него все в порядке? – юркнув в дом, она окликнула сестру: – Шахназ, Шахназ, отец вернулся! …Отец, мы так беспокоились. Тебя все нет и нет… – сказала она, подойдя к Рахману.

Шахназ тоже радостно бросилась к отцу. Эта ангельской красоты кроткая девушка так спешила, что и не заметила, как расплелись ее косы, будто две змеи опоясывавшие ее стан и доходившие аж до самых пят. Рахман обнял своих девочек, прижал их к груди.

– Как хорошо, что ты подоспел, отец, слава Богу! – радостно воскликнула Шахназ, и румянец тут же выступил на ее мраморном лице.

– Отец, мы так волновались за тебя, все думали, успеешь ли… Как бы я показался перед родней жениха один-одинешенек? Хорошо, что ты подоспел, – сказал Амрах и вздохнул с облегчением.

Девочки беспокойно глядели на отца. Они переживали за него и очень соскучились. Рахман что-то буркнул себе под нос, а потом громко произнес:

– Ваш брат в порядке, у него все хорошо, не стоит беспокоиться, мои красавицы. Он слал приветы вам и Амраху. Ступайте в дом, приготовьте воды, я помоюсь с дороги, а то весь в пыли. И устал к тому же…

Он провел рукой по волосам младшей дочери и отошел в сторонку.

– Сейчас все сделаем, отец, – бойко сказала Санубар и побежала в дом. Шахназ поспешила за ней. Амрах семенил за отцом, выспрашивая о брате:

– Отец, расскажи, каким ты застал Шахина? Как там его служба?

– Ну я же сказал, что всё, слава Богу, хорошо, он уже освоился, обзавелся друзьями. Все солдаты, да и командиры очень приветливы, – ответил Рахман.

Беседуя, отец с сыном прошли в дом. Рахман разулся в коридоре, повесил папаху на вешалку.

– Отец, чай подать сейчас или после того, как ты сполоснешься? – поинтересовалась старшая дочь Шахназ, выглядывая из кухни.

– Доченька, я сперва искупаюсь, а потом отведаю чайку и еды…

– Вода готова? Отец решил сперва искупаться… – спросила, метнувшись на кухню, Шахназ у младшей сестры Санубар, занимавшейся приготовлением чая. Не дожидаясь ответа сестры, она тронула рукой ведро на печи и тут же отдернула руку.

– Может, надо чего-то докупить, я пошлю Амраха, – сказал Рахман, стоя в дверях кухни.

– Нет, отец, ничего не нужно, – робко вымолвила Санубар, отводя взгляд от отца. – Нужна была только хна, и её привезли из Баку.

– Хо-ро-шо, – словно сбросив тяжелый груз с плеч, произнес Рахман.

Едва отец отошел, раскрасневшаяся Санубар сказала сестре:

– Я знала, я верила, что отец подоспеет. И не ошиблась. Он всегда пунктуален, точно выверит и отмерит…

Шахназ окинула сестру беспокойным взглядом.

– Санубар, ну когда уже ты научишься приличиям, следи за языком. Сколько мне краснеть за тебя перед отцом?! Стыдно, ей-богу! – посетовала старшая сестра.

Санубар кокетливо передернула плечами. Ничего не возразив, она схватила ведро с кипящей водой и победоносно вышла из кухни, последовав за отцом.

...На улице громыхала музыка. Видимо, в новом центральном парке давали концерт или, может, соседский лихач Мовлуд, не расстававшийся со своим магнитофоном даже во сне, решил устроить всем вечернюю встряску.

Амрах носился туда-сюда. Он бежал с ведрами к колодцу, спешно наполнял их и стремглав несся к дому…

* * *

Рахман выкупался и теперь, глядя на себя в зеркало, гладил поредевшую бороду и зачесывал назад порядком поседевшие волосы. Он казался очень задумчивым и отчего-то печальным.

– Отец, ты совсем зарос, надо привести себя в порядок, завтра такой день… – тихо произнес Амрах, встав плечом к плечу с отцом.

Рахман даже бровью не повел. Старательно причесываясь, он словно вел счет еще не засеребрившимся волосам.

– Стар я стал… Да чего уж там… По пути заглянул к Юнису, думал, постригусь, а он, как нарочно, опять смылся в Баку. Какого черта он зачастил туда, что потерял там, ума не приложу.

– Отец, разве в нашем поселке перевелись парикмахеры? Дался тебе этот Юнис…

– Ну, не знаю… Я как-то привык стричься у него. Еще задолго до этой скитальческой жизни, с самой молодости я стригся у него, а когда его не оказывалось на месте или он был шибко занят, ждал, пока освободится…

– Отец, сейчас не время ждать, – решительно заявил Амрах. – Завтра мы сестру замуж выдаем. Надо привести себя в порядок. Ты передохни немного, а потом я поведу тебя к знакомому мастеру.

Рахман задумчиво глядел на сына в зеркале.

– Скажи девочкам, пусть накрывают на стол, – вымолвил он, улыбнувшись.

Амрах поспешил на кухню, а Рахман направился в гостиную. У порога он огляделся, и взгляд его приковала к себе висевшая на стене фотография в рамке, откуда, счастливые, смотрели они с Сенем.

– Сенем, наша доченька Шахназ завтра выходит замуж. Жаль, ты не разделишь со мной эту радость, – прошептал Рахман, глубоко вздохнув. – Бог ей в помощь, – задумчиво добавил он, мотнув головой, словно отбрасывая прочь накатившие воспоминания молодости. – Наш сын служит Родине. Ты взрастила отважного игида. Все восторгаются его храбростью и удалью. Можешь спать спокойно, Сенем… – тихо произнес Рахман, глядя на фотографию.

Он подошел к столу, нажал кнопку на пульте, и экран телевизора тут же вспыхнул. Рахман смотрел вскользь, быстро переключая каналы. Амрах молча уселся на диване, переводя взгляд с отца на телевизор. Девочки быстро накрыли на стол и, перекинувшись взглядами, присели в сторонке. По телевизору передавали рекламу, но Рахман, очевидно, задумавшись о своем, не отрывал взгляда от экрана.

– Пей чай, остынет, – сказал Амрах, желая отвлечь отца.

– Вы уже накрыли на стол? А я и не заметил…

Рахман одобрительно взглянул на дочек, очевидно, подивившись их расторопности, и отпил глоток чая.

– Пусть чуток остынет…

– Отец, ну, рассказывай, как съездил, что повидал? – настойчиво вопрошал Амрах.

Рахман сидел, опустив голову и обхватив рукой граненый стакан с чаем. Накануне свадьбы дочери он решил навестить сына на передовой и очень устал в дороге. Словно готовясь к долгому повествованию, отхлебнул чая и, взглянув на детей, неспешно начал свой рассказ.

– До села Мешели я добрался довольно легко. На последней остановке со мной сошел один человек примерно моего возраста. Оттуда нам предстояло пройти пару километров вверх до заставы. Пришлось идти пешком… – Рахман отпил чай, словно подавляя накатившую на него усталость. – Машины туда не ездят. Наши солдаты и командиры пробираются по этой тропинке пешком под градом вражеских пуль… С высоты, прозванной «Белой глыбой», армяне то и дело обстреливают наши позиции. – Ощутив волнение дочерей, Рахман улыбнулся и спокойно продолжил: – Я сошел с автобуса и снарядился в горы… – Рахман затих, устремив взгляд куда-то вдаль, а перед глазами вновь возникла та уходящая под самые небеса заснеженная горная тропа. Он глотнул чаю и, поперхнувшись, закашлялся. – У своего попутчика я выяснил, что воинская часть Шахина находится неподалеку. – Тут голос Рахмана дрогнул. – Я уже почти добрался до части Шахина, как вдруг мне открылось поразительное зрелище. Я смотрел как завороженный, не находя сил отвести взгляд.

Чувства вновь захлестнули Рахмана.

– Взобравшись на холм, я созерцал божественную красоту вокруг. Журча и резвясь, река Инджени спадала с могучей вершины Муровдага, омывала Гюлистан и, извиваясь змейкой, несла свои воды по крутым горным кряжам и ущельям, пробегая под валунами.

Рахман поднял голову и взглянул на детей, ловивших каждое его слово.

– На юге природа цвела и благоухала, а на севере земля казалась иссохшей и блеклой, пожухла трава и все вокруг будто вымерло. Разобидевшись на родных людей, оставивших ее под пятой чужака, земля не желала плодоносить. И даже звери в отместку покинули эти места.

Слезами наполнились глаза Рахмана. Он отвернулся, чтобы дети не заметили его состояния, и, взяв себя в руки, продолжил:

– Да, дети мои, видать, и природа, как человек, не может без ухода и ласки. Она оживает и цветет под заботливой рукой человека. На родной земле, с течением лет ставшей бесхозной пустошью, заросла тропа, и замело следы. Я глядел на это печальное зрелище, и оно захватило меня так, словно шел я издалека. Вдруг почудилось мне конское ржанье, померещился мой резвый конь, несущийся, как в былые времена, по горным склонам…

Рахман печально опустил голову, вспомнив удалого скакуна своего, покинутого на Богом забытой земле, оказавшейся под пятой у врага. И взгрустнулось Рахману, защемило сердце его. Затосковал он по своему верному другу, как грустил в разлуке по дому и детям, оставленным на его попечении после безвременной кончины его жены Сенем, не перенесшей горя утраты их младшей дочки Наргиз. И тут подумалось Рахману, что во всем есть божий промысел и, возможно, Сенем унеслась к своему маленькому ангелочку вовсе неслучайно. При воспоминании об отчем крае, еженощно грезившемся ему в снах, верном скакуне, который в суете был оставлен привязанным в конюшне, охватило Рахмана уныние. Но вдруг ёкнуло, встрепенулось сердце его, и послышались где-то вдали призывный топот копыт да ржанье томившегося в разлуке коня. Вспомнились строки из заученного в детстве знаменитого стихотворения «Азербайджан»:

В Газахе сядь на скакуна,
Упрись покрепче в стремена,
И покорится крутизна,
И там с горы Кяпаз – изволь –
Любуйся озером Гёйгёль!

Не живи в его сердце тоска по родным краям и не будь на его плечах заботы о детях, кто знает, в какие дали унеслась бы душа Рахмана на крылах воспоминаний…

– Да-а… Вдруг за спиной послышался странный треск и шорох. Обернувшись, я увидел сидевшего в кустах, точно в засаде, лесничего. Он тихо окликнул меня, но, поняв, что я не расслышал его слов, принялся размахивать руками, подавая знаки. Тут до меня дошло, что он пытается сказать: «Ложись и выбирайся оттуда ползком». Для прочей убедительности он указал на белоснежный склон напротив и изобразил на пальцах пистолет. Тут наконец до меня дошел смысл его жестикуляций…

Разбередив память, Рахман пересказывал волнительные мгновения, когда он был на волосок от смерти,слегка осипшим голосом, но всячески заглушая охватившее его волнение и, словно подбадривая себя, улыбнулся.

– Оказывается, все это время я стоял напротив вражеских позиций на расстоянии выстрела… По правде говоря, страха я не испытывал. И не хотел, чтобы лесничий, засевший в кустах и подававший мне знаки, желая спасти от вражеской пули, подумал, будто я струсил. Однако стоять в полный рост, рискуя схлопотать пулю в лоб, было попросту глупо, поэтому я, чуть пригнувшись, добрался до лесничего.

Призадумавшись немного, Рахман невольно усмехнулся, как будто представил лицо лесничего с вытаращенными на него обезумевшими от удивления глазами. Но спустя минуту продолжил свое повествование.

– Да-а-а, дети мои… Несчастный лесничий отер вспотевшее от волнение лицо платком и принялся упрекать меня за беспечность. «Кто ты, как очутился здесь? Что за глупое бахвальство?! Ты вообще понимаешь, что был мишенью для врага?! Тебе что, жить надоело?» – возмущался он.

И, не дожидаясь ответа, вскинул голову и ткнул пальцем в сторону Седой скалы, возвышавшейся посреди густого леса.

– Взгляни, враг выставил пост на склоне Седой скалы. Оттуда всё видно, как на ладони, – шептал он. – Её-богу, ты родился в рубашке. Бог внял молитвам твоей матери, а не то схлопотал бы ты пулю в лоб. Или, может, на твое счастье армянский снайпер задремал на минуту. Разве упустил бы он «добычу», которая сама шла к нему в руки?!

... Рахман вспомнил изумление лесничего, брови которого поползли от удивления вверх при виде смущения и конфуза человека, чудом оставшегося в живых. Вместо признательности на лице Рахмана читалось непонятное негодование на самого себя, словно он намеренно играл в рулетку со смертью. Удивление лесничего было очевидным и вполне объяснимым. Но у Рахмана были свои счеты с жизнью. Он, человек преклонных лет, хотел бы получить пулю в лоб, лишь бы она не досталась юным призывникам, едва начавшим жизнь, среди которых был и его сын Шахин. «Я свое уже пожил», – мелькало в голове Рахмана в момент его непостижимой для лесничего бравады.

Дети, внимательно слушавшие повествование отца, вернувшегося живым-невредимым после встречи со смертью, мысленно вознесли хвалу Всевышнему и вздохнули с облегчением. Дочки, не находившие себе места от волнения, спроворили чай и подали отцу.

– Мы побеседовали с лесничим. Я рассказал ему о себе и о том, как и почему очутился в здешних местах. Дай Бог ему здоровья, душевным человеком оказался – проводил меня до батальона, взвалив на плечо мою увесистую поклажу. Видать, не перевелись еще хорошие люди…

Рахман медленно поднял взгляд и, глядя в глаза Амраху, произнес в порыве души: «Но все-таки лучше бы я отдал там Богу душу…» Охватившее его чувство было следствием смутной тревоги и какого-то неведомого потрясения. Желая развеять печаль отца, Шахназ подскочила к нему и, обвив руками его шею, заботливо произнесла: «Кому-то не мешало бы подстричься…» Тут она осеклась и смущенно замолкла. Смысл ее слов был очевиден.

– Доченька, ты права, я и вправду выгляжу неподобающе, но ничего, вот пойду к парикмахеру, он мигом приведет меня в божеский вид. Не беспокойся!

– Видишь, отец, не я один так считаю. Давай-ка я быстренько переоденусь, и пока ты не передумал, пойдем подстрижемся.

Шахназ густо покраснела.

– Отец, допей чай, пойдешь, успеется, – сказала она, удаляясь в соседнюю комнату.

* * *

– Рахман! Рахман, ты дома? – донеслось со двора.

Амрах подскочил с места. Лицо Рахмана озарилось радостью.

– Неужто у Агаяра совесть проснулась, и он решил вернуть долг, взятый четыре года назад?

– Нам эти деньги пришлись бы кстати. Как раз расплатимся за приданое сестры…

Рахман одобрительно кивнул.

– Сынок, пойди встреть Агаяра, пригласи его в дом.

Амрах выскочил на крыльцо. Шахназ унесла пустые стаканы на кухню. Рахман выключил телевизор. Все стихли в ожидании гостя. Амрах и Агаяр неспешно вошли.

– Добрый вечер, Рахман, – произнес Агаяр, приходившийся хозяину дома дальним родственником.

– Добрый вечер, Агаяр, рад тебя видеть, заходи, – ответил Рахман, приветливо протянув гостю руку и приглашая присесть. – Девочки, не мешкайте, накрывайте на стол, – добавил Рахман, бросив взгляд на соседнюю комнату.

Агаяр заерзал на стуле.

– Не утруждайте себя, ей-богу. Я ненадолго. Слышал, у вас свадьба на носу. Счастья молодым, совет, как говорится, да любовь. Поздравляю! – запинаясь, проговорил он.

Шахназ и Санубар шептались на кухне, делая приготовления к столу.

– Кажется, дядя Агаяр пришел вернуть долг. Как же он вовремя! Четыре года назад отец выручил его в трудную минуту, а теперь он, видимо, услышав о предстоящем торжестве, пришел вернуть деньги. Знает, что они сейчас нам очень пригодятся.

* * *

... Четыре года назад Агаяр постучался к родственнику, попросив о помощи.

– Рахман, родной, выручай! Мне больше не к кому обратиться! – с порога взмолился он.

– Что стряслось, Агаяр? Чем я могу помочь тебе?

– Есть одно выгодное дельце, и я решил быть на паях. Но все упирается в деньги… – по привычке запинаясь и мямля, пролепетал Агаяр. – Ты даже не представляешь, какое это прибыльное дело… – тут он затих, робко глядя на родственника и, помолчав с минуту, взмолился: – Мне позарез нужны десять тысяч…

– Дай Бог тебе удачи, дорогой, но где я возьму столько? – задумчиво произнес Рахман. – Ты ведь знаешь, как долго я лечил крошку Наргиз в Баку. Мы только вышли из больницы. Через три месяца нам опять ложиться на обследование. Поэтому…

Не дав ему закончить фразу, Агаяр, едва не плача, пролепетал:

– Рахман, ты – моя последняя надежда. Помоги, пожалуйста, мне больше не у кого просить! Умоляю тебя, не откажи…

– Возьми себя в руки! Дай подумать, чем я могу помочь…

В глазах Агаяра мелькнула надежда.

– У меня есть кое-какие сбережения. Я выгодно продал пшеницу и овес. Но эти деньги я приберег на лечение Наргиз. Так что будь добр верни их мне через три месяца…

– Да я за месяц верну! Поверь мне! Не носить мне папахи, если не верну…

– Не говори так… Конечно, вернешь… – растерянно произнес Рахман. – Ты погоди, я только посоветуюсь с Сенем. Может, будут какие-то непредвиденные расходы, мало ли…

Агаяр хлопнул себя по коленке и заверещал:

– Что я слышу – мой родственник Рахман спрашивает дозволения у жены, чтобы взять деньги! Куда катится этот мир! Вай-вай-вай!

Эти слова задели за живое Рахмана и он, несмотря на возражения жены, отдал три тысячи манатов в долг Агаяру при условии, что тот вернёт эти деньги не позднее, чем через три месяца. С тех пор прошло четыре года. Недуг сломил крошку Наргиз, и она, подобно маленькому ангелу, упорхнула из этого бренного мира. А бесцеремонный родственник все не спешил возвращать долг.

* * *

Агаяр уже готовился изложить причину своего неожиданного визита, но тут в комнату с подносами в руках вошли Шахназ и Санубар. Агаяр затих, ожидая, пока девушки накроют на стол. Как только они вышли из комнаты, он продолжил:

– Отчего же ты не спрашиваешь, зачем я побеспокоил тебя, почему постучал в твои двери?

Рахман закусил губу. «Видно, интуиция подвела меня. Что-то он не шибко смахивает на человека, который пришел возвращать долг…» – подумал Рахман.

– Ну, раз пришел, значит, нужно. Пей чай, остынет, потом потолкуем о деле, успеется, – сухо произнес Рахман.

– Чего откладывать, скажу, как есть. Дай Бог здоровья хорошим и верным друзьям, всегда придут на выручку. Мне предложили одно прибыльное дело, даже особых усилий прикладывать не придется. А какие выгоды оно сулит… ммм…

Рахман опешил, но, будучи человеком совестливым, подумал, что Агаяр все же вернет долг, иначе зачем ему говорить о заработках. Однако последняя фраза родственника развеяла его надежды, обнажив бессовестную личину Агаяра. Он даже не сразу поверил своим ушам.

– Да-а-а, вот так вот. Теперь дело за малым. Нужно всего-навсего пять тысяч манатов… За мной, как говорится, должок, но ты же знаешь, уговор есть уговор.

Рахман обомлел, не веря своим ушам, до того вопиющей была наглость Агаяра.

– Здравствуйте, дядя Агаяр, – сказала Санубар, ставя поднос на стол.

– Здравствуй, дочка.

Санубар подала чай. Рахман потянулся за сигаретами, чиркнул спичкой и прикурил. Санубар вышла из комнаты и заторопилась на кухню.

– Послушай, он не собирается возвращать деньги, а пришел просить в долг! О тех, что он одолжил четыре года назад, даже речи нет! – сокрушенно сказала Санубар раскладывавшей еду по тарелкам Шахназ.

– Как, опять в долг? А что же отец?

– Ничего. Молчит. Разве ты не знаешь, отец – мягкий, добродушный человек. Будь я на его месте, давно осадила бы этого наглеца…

Бесцеремонность Агаяра глубоко возмутила Рахмана. Сдерживая нахлынувшие эмоции, он курил одну сигарету за другой. «Ну и хам!» – восклицал в сердцах Рахман. В комнате повисла гробовая тишина. Рахман закашлялся от табачного дыма, но все же, собравшись с силами и мыслями, выдавил:

– Агаяр, давай я расскажу тебе одну историю. Это сущая правда, а не вымысел. Историю эту еще мой покойный отец рассказывал.

– Пусть земля ему будет пухом! – заискивающе произнес Агаяр.

Выпустив облако табачного дыма, Рахман сказал:

– Да упокоит Всевышний души усопших, – неторопливо начал он. – Мой покойный отец рассказывал, что в стародавние времена жил некий человек, славившийся щедростью и милосердием. Никому не отказывал он в помощи, никто не возвращался от него с пустыми руками. В трудную минуту все могли полагаться на него. Как-то к нему обратился один странник и попросил денег взаймы, пообещав вернуть долг за два месяца.

«Там, в нише, стоит сундук, открой, возьми, сколько надо», – спокойно произнес он. Когда мужчина принес взятые взаймы деньги, он таким же ровным тоном велел ему положить эти деньги обратно. Спустя некоторое время тот самый странник пожаловал вновь и опять за деньгами. Мужчина опять указал ему на сундук. И опять когда должник вернул деньги, он, даже не пересчитав, велел положить их обратно. Так происходило неоднократно. Но вот однажды должник решил воспользоваться добротой и доверием этого человека, поскольку тот никогда не пересчитывал денег.

Как-то он взял деньги из сундука, но не вернул их обратно. Минули дни, недели, и странник пожаловал вновь. Мужчина опять указал ему на сундук. Должник отпер сундук и, к своему удивлению, обнаружил его пустым. «Так ведь здесь ничего нет», – развел он руками. Тогда мужчина привычным для себя спокойным тоном, оглядев должника с ног до головы, ответил: «Откуда же там взяться деньгам, разве ты положил обратно те, что брал взаймы?!»

Агаяр заерзал на стуле. Он стал бледным, как полотно, без кровинки в лице. В комнате повисла свинцовая тишина. Рахман отпил чаю и тут же задымил сигаретой. От негодования лицо его сделалось серее тучи. До чего же хотелось ему выпроводить наглеца-Агаяра, но накануне свадьбы дочери он решил не портить ни с кем отношения. Пересилив нахлынувшие эмоции, Рахман произнес спокойно и рассудительно:

– Ты и сам знаешь, что я не из тех, кто отказывает в помощи. Но на последние гроши я купил приданое дочери. Так что извини, как-нибудь в другой раз…

Агаяр вскочил с места. Не проронив ни звука, он ушел восвояси, даже не попрощавшись. «И как таких земля держит?! Хотя кто знает, что еще нам доведется увидеть…», – шептал себе под нос Рахман, глядя вослед Агаяру.

– Амрах, сынок, собирайся, пойдем к твоему хваленому парикмахеру!

Рахман искал повод куда-то пойти, лишь бы остудить свой гнев и развеять тягостное впечатление от неприятного разговора с Агаяром.

* * *

В парикмахерской было многолюдно. Видимо, клиенты торопились успеть до конца рабочего дня. Рахман вошел и поздоровался. «Салам алейкум, аксакал», – послышалось в ответ. Пожилому Рахману тут же уступили место на старом засаленном диванчике у стены. Рахман присел и огляделся. Ножницы мастеров без умолку трещали в удивительном созвучии с их языками. Видимо, тишина казалась им чем-то предосудительным, поскольку они не унимались, наперебой болтая обо всем на свете.

– Ты смотрел телевизор вечером? – сказал один из мастеров, подкидывая очередную тему для дискуссий.

Его коллега тут же отложил ножницы в сторону.

– Что передавали, Ильяс, рассказывай! Не иначе, как армяне опять в наших стреляли?

– Эти выродки, пропади они пропадом, каждый день стреляют в наших. Нет, я не об этом…

Очевидно, рассказчику хотелось оказаться в центре внимания и, надо признаться, ему это удалось. Все взгляды сидящих в салоне были обращены на парикмахера по имени Ильяс. В мгновение ока парикмахерская превратилась в арену политических дебатов. Пожилой мастер тяжело вздохнул.

– Не зря говорят, и комар лошадь свалит, если волк пособит. Но недолог час, лошадь околеет, да и волк вечно помогать не станет. Всё вернется сторицей. Все ведь под Богом ходим… Возмездие обязательно наступит. Око за око… Всю жизнь сидели эти выродки, поджав уши, как трусливые зайцы, и хлопая глазами, а тут вдруг возомнили себя властелинами мира. Да не будь у них подмоги, разве осмелились бы они взяться за оружие?!

Слова парикмахера тут же подхватил один из посетителей:

– Эти армяне испокон были предателями. Разве не их Сахл Смбат сдал Бабека? Или тогда тоже были русские?!

В парикмахерской повисла тишина. Сидевший в кресле мужчина отодвинул руку парикмахера и, обернувшись, произнес:

– Армяне больны на голову. Я читал об этом. Эта убогая нация поражена недугом, причем этот недуг присущ только им и никому другому.

Многозначительно промолчав, он продолжил:

– Эту болезнь признала уже и Всемирная организация здравоохранения. Армяне неоднократно подавали в суд, требуя исключить эту болезнь из общего перечня.

– Ну не томи уже, говори, что это за напасть такая! – воскликнули остальные.

– Армянская мания величия. Эти варвары живут мечтой о «Великой Армении от моря и до моря». Раз в сто лет в них просыпается жажда крови. Обагрив руки в крови, успокаиваются они еще на сто лет, и так каждый раз…

– И болезнь у них гнусная, под стать им самим. Будь они прокляты! Кара небесная непременно обрушится на их головы! – воскликнул пожилой парикмахер.

«Непременно», – пробурчал Рахман, вторя словам парикмахера.

Вспомнив о происках армян и их вероломстве, Рахман, многие годы поневоле живший с ними бок о бок, тяжело покачал головой.

– Они еще не на такое способны! Кому, как не мне знать об их подлости. Столько лет они ютились рядом с нами, прикидываясь сирыми и несчастными. Был среди них армянин по имени Месроп. Так вот он любит повторять: «Рахман джан, ара, мы не просто соседи. Мы такие близкие, что даже смерти нас не разлучить…» И что в итоге?! Продажные шкуры… Даже враждовать как мужики не сумели. Предатели и трусы…

Рахман затих. Воспоминания унесли его в не столь далекое прошлое.

* * *

...Печальные вести, приходившие в ту пору из областного центра, день ото дня все больше омрачали настроение Рахмана. Он вконец лишился покоя, не спал по ночам и всё думал о том, что ждет впереди. Будущность представлялась отнюдь не радужной. Армяне посягнули на Карабах, вероломно преступив дружбу и добрососедство с азербайджанцами. «Что это за дела такие? Как такое могло произойти? Уму непостижимо!» Рахман блуждал среди вопросов, не имеющих ответов. «Мы же больше века живем бок о бок, как быстро армяне растоптали хлеб и соль, добрососедство. Почему вдруг ополчились на нас?» Рахман решил направиться к своему соседу Месропу, до сего времени уверявшего, что даже смерть не разлучит их. К своему удивлению, Рахман с порога ощутил отчужденность и холодность. Им со старым приятелем Месропом словно не о чем стало говорить, остыл и чай, поданный к столу. Нависшая в комнате тишина и молчание были красноречивее всяких слов. А ведь раньше, в былые времена, Месроп встречал его с распростертыми объятиями, и они говорили без умолку часами, а тутовка еще больше развязывала им языки. Подвыпив, Месроп лобызал его, уверял в дружбе и братстве. Так оно и было много лет. «Рахман джан, ара, никогда не забуду, всю жизнь помнить буду… Мама умерла, ара, наши еще не подоспели, а ваши уже оплакивали ее, как родную. Так они плакали и причитали… А родная дочь даже слезинки не пролила… » Всплакнув, Месроп притягивал к себе Рахмана и целовал его в обе щеки…

Так что же случилось? Куда все это делось в миг, отчего позабылось? О причинах, очевидно, знали одни только армяне…

* * *

Спустя некоторое время дискуссия перешла в совершенно иное русло. Пресытившись политикой, парикмахеры и их клиенты приняли обсуждать бытовые вопросы. Мастер по имени Саттар, обратившись к своему пожилому коллеге, заявил:

– Странное нынче время. Родителям больше не приходится ломать голову над сватовством, молодые сами все решают. Женятся, расходятся у всех на глазах, предлагают руку и сердце на передачах. Ей-богу, куда ни ткни – передачи о женитьбе. Или же о поисках потерявшейся когда-то родни…

Ильяс от души рассмеялся.

– Да, не говори. Дожили, называется. Забыв о приличиях, парни и девушки прилюдно говорят о любви… «Выходи за меня…», – твердят пацаны своим избранницам, и всё на глазах к людей. Стыд и срам, ей-богу.

Саттар прервал его на полуслове.

– Какая там женитьба?! Скажешь тоже. Торговля идет в открытую, а ты говоришь – женитьба. В тот день ко мне стричься пришел один, оказался журналистом, так он говорит, мол, готовится передача о похищении невесты, все будет происходить на глазах у зрителей. Вот такие дела…

Заметив изумленные взгляды окружающих, он, хлопнув себя по щеке, заверил: «Ей-богу! Провались я на этом месте, если вру…» И тут же сменил головку бритвенной машинки.

Мастер по имени Ильяс многозначительно вздохнул.

– Что тут сказать. Пусть сами решают. Бог им в помощь. Да и всем нам.

– Разве так можно? – поинтересовался Саттар у клиента, зашумев машинкой у его уха.

– Даже не знаю, что и сказать, – не моргнув глазом, ответил сидевший в кресле мужчина.

Рахман порядком устал ото всей этой дребедени и пустой болтовни. К счастью, Амрах вскоре указал ему на освободившееся рядом кресло. Рахман опустился в кресло. Мастер средних лет с застывшей на лице грустной улыбкой, ни на минуту не выпускавшей из рук бритвенную машинку и все это время остававшийся в стороне от жарких дискуссий, безмолвно занялся очередным клиентом. Аккуратно обвязав шею Рахмана кипельно-белым полотенцем, он взялся за дело, пустив в ход расческу и ножницы.

* * *

Вечерело. Рахман и Амрах шли по опустевшей, безмолвной улице к дому.

– Знаешь, отец, говорят, что мастер, который стриг тебя сегодня, потерял дар речи после контузии. Он – ветеран войны. Очень приличный, воспитанный человек. Подсядут к нему – стрижет, нет – молча стоит в сторонке. Сам он никогда не зазывает клиентов, – наконец нарушил молчание Амрах.

– Отныне всегда буду стричься у него. Пусть приумножится его заработок! – сказал глубоко тронутый рассказом сына Рахман.

Парикмахерская находилась в нескольких метрах от дома, но отчего-то дорога показалась Рахману изнуряюще долгой. Словно путь, по которому шли они с сыном, непостижимым образом удлинился.

Дочки встретили Рахмана с улыбками на лицах.

– После вашего ухода явился дядя Агаяр, – радостно объявила Шахназ.

Рахман удивленно поднял брови.

– Чего он опять хотел? – гневно буркнул он.

– Деньги принес…

– Деньги? – Рахман растерянно глядел на дочек, не веря своим ушам.

– Да. Представляешь, дядя Агаяр вернул долг! – сияя от радости, заверещали Шахназ и Санубар.

– Он сказал, что давно приберег их, – добавила Шахназ. – Дядя Агаяр просил извиниться перед тобой – шутка ли, столько лет прошло… Говорит, пусть не судит строго, так уж вышло. Мы предложили ему дождаться тебя, настаивали даже, а он ни в какую, тороплюсь, говорит.

«Интересно, откуда Агаяр достал второпях эти деньги?» – удивлялся в душе Рахман, а потом вдруг ухмыльнулся. «Молодец! Значит, не растерял еще остатков совести, осталось малость», – подумал Рахман.

Он уселся на диван и включил телевизор. Шла музыкальная передача. Сердце Рахмана колыхалось от радости, но радость оказалась недолгой. Вдруг лицо его заволокло серыми тучами. Непонятное беспокойство вихрем ворвалось в его душу. Вперив взгляд в экран телевизора, он сидел мрачный и хмурый, как вдруг зазвучала его любимая песня. Раскатистые переливы мелодии разогнали печаль на сердце.

Пришла беда – разлук пора,
И пар сердец унять пора,
Не плачь, молодка, до утра
Всё перемелется, поверь…

«Все перемелется, поверь…» – вторил в душе Рахман, находя в этих словах успокоение.

* * *

… Перед районным военным комиссариатом остановился грузовик с восьмиконечными звездами на обоих бортах кузова. То было предвестником беды. И комиссар не ошибся. В кузове лежал гроб, будто саваном, укрытый национальным флагом. Комиссар стоял у окна и с поникшей головой выслушивал печальные известия с фронта. Он знал в округе всех поименно, поэтому, едва заслышав фамилию покойного, помрачнел. Районный центр был местечком немноголюдным, здесь все, можно сказать, знали друг друга в лицо. Всегда хладнокровный и сдержанный, комиссар, уже свыкшийся с тягостной долей вестника смерти, в этот раз при упоминании фамилии убитого не смог скрыть эмоций. Он-то знал, что завтра в семье, куда ему предстояло понести печальные известия, ожидалось свадебное торжество. Комиссар обернулся и замер, слушая командира и фронтовых товарищей покойного.

– Как же я скажу об этом несчастному отцу? Как принесу ему печальные вести в такой день?! Понимаете, завтра он выдает дочь замуж. Свадьба облачится в траур…

– Нет в том нашей вины, товарищ комиссар. Будь проклят враг, пропади он пропадом! – воскликнул офицер – фронтовой товарищ покойного. – Помяните мое слово, недолог тот час, когда враг навеки облачится в черное…

Солдаты с гордостью взглянули на отважного офицера, словно читавшего в их сердцах. Повисла свинцовая тишина. Комиссар и командир напряженно думали над тем, как отсрочить печальные вести.

После долгого молчания комиссар, повидавший на своем веку многое, заговорил спокойным голосом:

– Мы лучше переждем. Все равно уж ничего не изменить – погибшего не воротишь. Но сказать несчастному отцу о смерти сына накануне свадьбы дочери – это каким же каменным и черствым должно быть сердце! Как повернется язык сказать такое?..

– Да, вы правы. Лучше переждать. Пусть хотя бы справят свадьбу, как полагается, – произнес командир поникшим голосом.

– Договорились, так и сделаем. Пусть справят свадьбу, а на следующий день мы расскажем обо всем отцу. Я поговорю с главврачом, пусть денек подержат тело покойного в морге. Поручу, чтоб никто не проболтался о случившемся. Вас я обустрою на день в гостинице.

Голос комиссара дрогнул, ком подкатил к его горлу, на глаза навернулись слезы.

– Несчастный отец… Знал бы он, какие вести ждут его…

Помолчав с минуту, комиссар продолжил:

– Я пошлю к отцу покойного своего сотрудника, все-таки надо позвать его, както подготовить, мало ли… Переговорю с ним наедине…

* * *

Сумерки уже давно опустились. Рахман дремал в постели, как вдруг ночную тишь разбередил осторожный стук. Кто-то тихо, стараясь не разбудить всю округу, постучался в калитку Рахмана. Он тут же вскочил с постели и прислушался. Стук повторился. «Господи, кого несет в полночный час?! Боже, что случилось?!». Ноги Рахмана подкашивались. Кое-как одевшись, он поспешил к воротам. «Сынок, сынок, сыночек мой… Неужто пуля, предназначенная мне, угодила в тебя?! Боже мой, господи… Нет, только не это, отсохни мой язык», – твердил себе Рахман, отворяя трясущимися от волнения руками калитку. Сердце его бешено колотилось и, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– Есть кто дома?!

Рахман дрожащей рукой потянулся к засову. Еле продрав глаза спросонья, он разглядел в полумраке УАЗик военного комиссариата и знакомое лицо офицера. Сердце Рахмана ёкнуло. Решив, что догадки его подтвердились, он пошатнулся и наверняка рухнул бы на землю без чувств, если бы сотрудник военкомата не подхватил его под руки.

– Что случилось, сынок, умоляю, говори, не тая. Что принесло тебя в столь поздний час. Есть вести от Шахина, да?

Рахман от волнения еле ворочал языком. Губы его дрожали.

Сотрудник комиссариата, пытаясь приободрить несчастного старика, произнес:

– Возьми себя в руки, отец! Чего ты скис. Ничего не случилось. Я пришел по поручению начальства. Комиссар велел доставить тебя. У него к тебе дело…

– Какое дело может быть среди ночи, сынок? – заволновался Рахман.

– Он был очень занят весь день, потому и не успел встретиться с тобой, а сейчас вот освободился. Что тут странного?

– Сынок, сынок, по глазам вижу, ты от меня что-то скрываешь. Прошу тебя, молю, сынок, говори, как есть…

– Что сказать, дядя Рахман?! Комиссар хочет вас видеть, вот и прислал меня. Только и всего. Может, поедем уже? Теряем время…

– Хорошо, сынок. Будь по-твоему. Погоди, я только накину что-нибудь.

Бурча молитву под нос, Рахман вернулся в дом, надел плащ и поспешил к машине.

Военный комиссариат находился за поворотом, в конце улицы, где жил Рахман. От его дома до комиссариата было метров пятьсот, но сегодня дорога казалась ему мучительно долгой. Вся жизнь пронеслась перед глазами Рахмана. «До чего долог путь! Боже, спаси и сохрани», – причитал Рахман, отгоняя мрачные мысли. Отец солдата надеялся распознать причину столь позднего приглашения, взглянув в глаза комиссару. Но, к его удивлению, комиссар был само спокойствие.

– Ради Бога извините, что побеспокоили вас в столь поздний час. Знаю, вы готовитесь к свадьбе. Поздравляю! Счастья молодым! Дай Бог, и сыновей женишь… – комиссар выдавил из себя улыбку.

… «Дай Бог, женишь сыновей… Сыновей…». Рахман прокручивал в голове эту фразу. «Сыновей… Сыновей…» – твердил он, как заговоренный. Ему хотелось подскочить к комиссару, обнять его, как родного, а потом разрыдаться. Он едва сдерживал себя и всё нашептывал: «Хвала тебе, Господи. Спасибо… Сыновей…Значит, все-таки сыновей…»

Вдруг комиссар изменился в лице и отчего-то перешел на еле слышное бормотание.

– Послушай, я позвал тебя в такое время неспроста. Подумал, лучше сам скажу тебе, а то мало ли… Значит, мы получили телефонограмму. На передовой была перестрелка. Армяне опять перешли в наступление, но, получив достойный ответ, отступили. Некоторые наши солдаты получили ранения, и среди них Шахин…

В глазах Рахмана потемнело, он попытался подняться, но тут же сполз на стул. Голова шла кругом.

– Рахман, дорогой, он жив, жив, понимаешь. Твой сын в госпитале, на лечении, не переживай, чего ты… – Рахман пристально глядел на комиссара и в этом взгляде читались сотни вопросов. – Послушай… Завтра свадьба твоей дочери, такое событие. Вот я и подумал, дай позову Рахмана, мало ли, что люди наболтают. Лучше скажу, как есть. Теперь ты все знаешь. А то услышал бы не бог весть что, отменил бы свадьбу в замешательстве. Не волнуйся, мы часто звоним в госпиталь. Потом как-нибудь сам навестишь сына. Ты давай это, не раскисай, соберись, возьми себя в руки, в конце концов. Знаю, нелегко, но ты битый мужик, справишься. Домашним пока не сообщай, особенно молодым, мало ли, что надумают. Пусть ничто не омрачает свадебное торжество. Думаю, Шахин тоже не захотел бы этого.

* * *

На следующий день у дома старого Рахмана выстроился свадебный кортеж. Машины с красными ленточками заполонили двор. Возглавлял торжественное шествие автомобиль молодоженов. Под звуки «Вагзалы» Шахназ в подвенечном платье вышла из дома под руку с женихом. Рахман крепко пожал руку зятю, поцеловал дочь, дал свое благословение. В белоснежном платье Шахназ походила на величавую лебедь. Опустив голову, Рахман тихонько заплакал. Слезы предательски катились из глаз. Шахназ тоже всплакнула. Она хотела обнять отца, смахнуть слезы с глаз его, но он отпрянул. В этот момент к Рахману подошла миловидная женщина примерно его возраста и, протянув охапку конфет, радостно воскликнула:

– Вот и породнились! Возьмите эти сладости, пусть жизнь молодых будет такой же сладкой. Дай Бог, погуляем на свадьбе ваших сыновей!

Все желали молодым счастья, напутствовали их. Под звуки свадебного «Вагзалы» молодые и гости расселись по машинам. Кортеж тронулся под протяжный гул сигналов, возвещавших о свадебном торжестве. Глядя вслед уносящимся вдаль машинам, Рахман тяжело вздохнул.

* * *

Спустя некоторое время на дороге, ведущей к дому старого Рахмана, показались два автомобиля. Они ехали неспешно, словно пытаясь отсрочить печальные вести. В одной из машин Рахман признал вчерашний УАЗик военного комиссариата. За ним следовал грузовик. Никто и представить себе не мог, к чему всё это. В кузове грузовика лежал гроб, завернутый в национальный флаг.

Рахман издали заприметил машины, но пока они не подъехали к калитке, в душе его еще теплилась надежда. Но вскоре она угасла…

Защемило сердце старого Рахмана. Догадался он, в чем дело, и еле сдержался, чтобы ни броситься под колеса.

Первым притормозил автомобиль комиссара, а следом за ним и грузовик. Из кабины выскочила женщина средних лет, судя по выправке – офицер. Комиссар протянул Рахману руку в знак приветствия и тут же отвел глаза, не проронив ни звука. Женщина-офицер решила сразу сказать всё, как есть, поскольку ожидание усиливало волнение отца солдата. И, словно сбросив тяжелую ношу, выпалила, едва сдерживая слезы:

– Крепись, отец, твой сын пал шехидом. Мужайся! – голос ее дрогнул. – Твой сын, рядовой Шахин и молодой офицер вчера ночью погибли в боях за Родину. Поверь, я знаю, что такое боль утраты – мой единственный сын, лейтенант Сардар, пал шехидом. Главное, чтобы Родина жила! Храни Бог нашу землю!

Нависла леденящая тишина. Кровь стыла в жилах.

Пожилой Рахман смотрел на офицера немигающим взглядом.

«Берегите мать-Отчизну, берегите! Сыновья-игиды вновь придут на этот свет, только матери-земле не возродиться!» – вспомнил Рахман слова, которые читал или слышал когда-то. Слова матери шехида и возникшие в памяти строки придали сил и стойкости несчастному отцу. Собрав волю в кулак, поднял он голову и, печально взглянув на грузовик, произнес:

– Где мой сынок? Когда это случилось? Я же только вернулся от него…

Горе Рахмана разбередило былые раны женщины-офицера. Два ручейка слез потекли по щекам ее.

– Рахман киши, наш офицер поведала тебе лишь часть истории своей жизни. Эта на редкость мужественная и стойкая женщина потеряла на войне мужа и единственного сына. Ее сила духа и отвага – пример всем нам. Когда пришла весть о смерти мужа, она записалась в армию добровольцем. … Мужайся, отец, крепись! Твой сын Шахин пал героем, защищая родную землю. Мы верим, что ты стойко перенесешь эту утрату и будешь гордиться сыном-героем. Хвала матери-земле, взрастившей таких сыновей!

Мысли Рахмана несли его далеко прочь отсюда.

– Будь неладна эта Седая скала, сынок! Угодила в тебя вражеская пуля, угодила. Почему я не умер там, среди снегов, почему эта проклятая пуля попала в тебя, а не в меня?! Ай, сынок, сынок! Как пережить мне это горе, Шахин! – причитал несчастный Рахман киши.

Забыв о чине, женщина-офицер оплакивала погибших азербайджанских бойцов, среди которых были ее муж и сын.

– Да буду я жертвой тебе, братец! Крепись, молю тебя, мужайся. А что мне тогда делать – осталась одна-одинешенька, муж погиб, а сын скончался у меня на руках. Неизбывно твое горе, но надо держаться…

Вдруг одна из женщин, рыдая, произнесла баяты:

Боли я не утаю,
Боли я не утолю.
Выйду прямо на дорогу,
Боль с прохожим поделю.

Обхватив гроб руками, точно обняв сына в последний раз, Рахман нашептывал:

– Как же ты подоспел к свадьбе сестры, Шахин! Или, может, на выручку пришел? Пропади пропадом эта скала, с которой вероломный враг пустил тебе пулю в грудь! Как же так? Как же так, сынок?! Ты ведь…

И рухнул без чувств на полуслове.

* * *

Рахман сидел у озера и, задумчиво глядя вдаль, бросал камешки в воду. Стоявший поодаль Амрах подошел к отцу и дрожащим голосом произнес:

– Поднимайся, отец, пойдем. Нас ждут. Не сиди здесь, простынешь…

Рахман поднялся. Выстроившиеся в ряд у кладбища машины отчего-то показались ему свадебным кортежем.

– Возьми, сынок. Это свадебные сладости Шахина, – сказал убитый горем отец, протянув Амраху камешки на ладони.

* * *

...Послышался лязг ключей. Предрассветную тишину пронзил крик новорожденного. Родился мальчик – защитник Родины своей…

ГЮЛЕМАИЛ МУРАД

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ВЫСОТА ЛАЛЕЛИ[1]

О, Всевышний, спасибо, спасибо тебе!
Пядь Отчизны вернули мы в жаркой борьбе –
Этот луг, что раскинулся в синей дали –
Мне вернул мой солдат высоту Лалели!

Нечисть в нечисти пакостной сгинет вдали.
Мы надежду опять на добро обрели.
Для меня эти маки и розы взошли –
Мне вернул мой солдат высоту Лалели!

Пусть бахвалится враг –
час придет и вернем
Все сады, и поля, и отеческий дом
И могучие горы родимой земли...
Мне вернул мой солдат высоту Лалели!

Что врагу остается? Отмщеньем грозить?..
Храбрый воин наш должен в бою победить!
Все вернем мы высоты родимой земли,
Как вернули сейчас высоту Лалели!

[1] Лалели – поросшая маками (азерб.).

НАМАЗАЛИ МУСТАФАЕВ

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ О ЖИВОЙ СТАРИНЕ…

Памяти академика Мамедаги Ширалиева

Азербайджанские ученые во все времена вносили большой вклад в развитие тюркологической науки.

С огромным интересом беру в руки изданный в 1970 году первый номер журнала «Советская Тюркология» и знакомлюсь с его содержанием.

Меня воодушевил тот факт, что такого высочайшего уровня научно-теоретический журнал, деятельность которого была регламентирована Постановлением Президиума Академии Наук СССР «Об издании всесоюзного журнала» Советская Тюркология», впервые начал издаваться в нашем родном городе Баку, и главным редактором этого издания был наш соотечественник, выдающийся ученый – Мамедага Ширалиев.

Первый номер открывает передовая статья академика М.Ширалиева в соавторстве с профессором С.Асадуллаевым «Советская тюркская филология и задачи журнала», где были определены цели и многогранные направления издания по развитию тюркской филологии.

В этой связи у меня появилось желание обратиться к научной деятельности этого крупного ученого, различным этапам его жизни, встретиться с его коллегами, поговорить о нём с его учениками.

Академик Мамедага Ширалиоглу Ширалиев родился 13 сентября 1909 года в древнем азербайджанском городе Шемахе, в семье служащего.

Среднее образование получил в бакинской школе № 18.

В 1927 году юноша поступил на языковедческое отделение восточного факультета Азербайджанского Государственного Университета, преобразованного в 1930 году в Педагогический институт, по окончании которого был направлен в Агдамский район Азербайджанской ССР на педагогическую работу.

Начавший трудовую деятельность в Агрохимическом техникуме г. Агдам, М.Ширалиев в 1931-1933 гг. работал учителем азербайджанского языка, а также заведующим учебной частью техникума.

Именно в эти годы он проявляет глубокий интерес к науке о так называемой живой старине, то есть о диалектах и говорах.

В своей статье «Новые диалектные данные для истории тюркских языков» М.Ш.Ширалиев писал: *«… Неслучайно крупные языковеды, анализируя язык письменных памятников, многие возникавшие при этом спорные вопросы языка решали, обращаясь к диалектным материалам»*.

Крупный российский востоковед П.М.Мелиоранский по этому поводу отмечал, что *«… современные диалекты сохраняют часто, как показало уже неоднократное наблюдение, многие формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют таким образом драгоценное, часто незаметное, пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников»*.

Молодой ученый активно участвует в различных экспедициях на территории Закавказья и в районах Азербайджана, где собирает материалы о диалектах и говорах, интересуется проблемами взаимовлияния азербайджанского и кавказских языков.

М.Ш.Ширалиев, как и его сотоварищи, талантливые молодые ученые А.Демирчизаде и М.Гусейнзаде, являлись аспирантами известного азербайджанского языковеда Бекира Чобанзаде, ставшего впоследствии жертвой репрессий, который направлял их научные поиски в различных областях языкознания.

В мае 1941 года М.Ширалиев представляет свое фундаментальное исследование «Бакинский диалект», посвященное изучению тюркских диалектов и говоров, на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 13 мая на заседании Ученого Совета Азербайджанского Государственного Университета им. С.Кирова присутствующие на защите официальные и неофициальные оппоненты дали высокую оценку представленной диссертации.

Крупный украинский ученый, доктор филологических наук, профессор А.В.Багрий – основатель такого направления в Азербайджане, как шевченковедение, работавший в те годы деканом филологического факультета и присутствовавший на защите, внес предложение о присуждении молодому ученому степени доктора филологических наук.

Комиссия, в составе которой были известные востоковеды П.Жузе и П.Тумбиль, весьма высоко оценила труд тридцатидвухлетнего азербайджанского диалектолога, представляющий важное научное значение. Это предложение поддержали и другие присутствующие ученые – профессора П.Ростовцев, Н.Дмитриев и доцент А.Демирчизаде. Ученый Совет большинством голосов (19 – за; 9 – против; 1 – воздержался) принял решение об утверждении М.Ш.Ширалиева в ученой степени доктора филологических наук.

Таким образом М.Ш.Ширалиев стал первым в Азербайджане языковедом-азербайджанцем, заслужившим эту ученую степень, и самым молодым доктором наук в СССР в этой области.

Молодой ученый, один из самых талантливых аспирантов известного тюрколога Б.Чобанзаде, благодаря недюжинному дарованию, большому трудолюбию и безграничному интересу к своему предмету уже серьезно заявивший о себе, воодушевленный крупным научным успехом, ещё больше погрузился в океан науки и знаний. В своей научной деятельности он не стал замыкаться в национальных границах, а решительно шагнул своими инновационными исследованиями в международную среду.

В 1941 году М.Ширалиев пишет статью «Диалог и речь азербайджанского языка» (на русском языке), где впервые представляет научную классификацию диалектов азербайджанского языка на основе географического принципа.

Эта статья дала возможность широко представить азербайджанского ученого на всесоюзном уровне, раскрыть его отношение к взаимосвязи между азербайджанскими диалектами и говорами и кавказскими языками с их различными диалектами, определить основные проблемы развития советской тюркологии.

Представленная классификация в дальнейшем нашла свое отражение в изданной UNESCO в 1959 году книге «Fundamental türcice».

Однако война, развязанная фашистской Германией против СССР, не позволила осуществиться многим научным планам молодого ученого.

Несмотря на неимоверные трудности военного времени, многие представители науки, культуры и искусства Азербайджана, оставшиеся в тылу, внесли значительный вклад в представляемые ими сферы. Свою скромную лепту в дело общей Победы внес и молодой азербайджанский ученый М.Ш.Ширалиев. В 1942-1945 гг. он работает заведующим кафедрой азербайджанского языкознания и деканом филологического факультета, а с 1945 года – проректором АГУ.

В эти годы, работая в университете, он оказывает руководству вуза содействие в создании групп самозащиты из числа студентов, в формировании взводов народного ополчения, курсов медсестер, в организации и проведении регулярных занятий

по военной подготовке, перестройке всей деятельности факультета. Одновременно в центре его внимания находятся вопросы комплектования студенческих рядов университета.

В это трагическое для советского народа время он продолжает уделять внимание и своей научной деятельности.

Так, в 1942 году из печати вышла книга ученого «Азербайджанская диалектология», в которой им впервые было дано описание звукового состава и фонетических явлений азербайджанских диалектов и говоров, их морфологических особенностей, охарактеризованы их отличия от литературного языка.

В 1943 году Высшая аттестационная комиссия ВКВШ при СНК СССР присудила Мамедаге Ширалиеву ученую степень доктора филологических наук и звание профессора. Это в определенной степени способствовало тому, что ученому была предоставлена квартира в центре города, в Доме ученых, расположенном рядом с бакинским бульваром.

За свой ратный труд в тылу профессор М.Ширалиев был награжден медалями «За оборону Кавказа» (1944 г.), а также «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне»(1946 г.).

В 1945 году в жизни нашей республики произошло крупное событие. 27 марта 1945 года правительство Азербайджанской ССР утвердило постановление о создании Академии Наук Азербайджана.

В этот период профессор М.Ш.Ширалиев работал проректором АГУ.

В 1947 году в «Известиях ОАЯ АН ССР» М.Ширалиев публикует свою новую статью «Изучение диалектов азербайджанского языка», в которой впервые освещаются проблемы взаимосвязи между диалектами и говорами азербайджанского языка и кавказскими языками, приводится ряд новых фактов в подтверждение наличия кыпчакских элементов в азербайджанском языке. В этой же статье ученый определяет некоторые проблемы дальнейшего развития советской тюркологии, раскрывает важную роль в изучении истории языка. Данная статья ученого заняла достойное место как в советских, так и в зарубежных монографиях. Имя профессора М.Ширалиева становится известным не только в Азербайджане, но и за его пределами.

В 1949 году профессор М.Ширалиев избирается членом-корреспондентом АН Азербайджанской ССР и в этом же году назначается первым директором Института языка АН.

Его монография «Бакинский диалект» в 1949 году вышла отдельной книгой и впоследствии была переиздана. В своем отзыве на эту книгу академик АН СССР Н.К.Дмитриев писал: *«М.Ширалиева с полным основанием можно назвать основателем азербайджанской диалектологии, стоящей на уровне современной науки»*.

В 1950 году профессор М.Ш.Ширалиев приступает к сравнительному изучению диалектов и говоров азербайджанского языка. Результаты своих исследований он описывает в научной работе «Изучение диалектов азербайджанского языка (на фонетическом материале)».

В этой связи представляется интересным мнение крупного казахского языковеда, академика НАН Республики Казахстан Ш.Сарибаева, который писал: *«В казахской диалектологии существует много противоречивых вопросов, одним из которых является классификация диалектов. Известный тюрколог Азербайджана М.Ширалиев определил эту цель в тюркском мире»*.

В 1951 году под руководством профессора М.Ш.Ширалиева в Институте литературы и языкознания АН впервые создается отдел диалектологии, и он же становится его первым руководителем.

В 1953 году по приглашению правительства Болгарской Народной Республики профессор М.Ш.Ширалиев переходит на работу в Софийский университет, где в 1953/1954 учебном году заведует кафедрой турецкой филологии.

Здесь на основе собранных студентами в турецких селениях материалов ученый написал ряд работ: «Турецкая филология», «Введение в языкознание», которые были им использованы в цикле лекций, прочитанных болгарским студентам. Обе эти работы хранятся и сейчас в Софийском университете в виде рукописей.

Академик НАН Болгарии В.Георгиев в своем письме на имя президента АН Азербайджана в 1959 году писал:

«Профессор М.Ш.Ширалиев был нашим гостем в 1953/1954 учебном году.

… Научный кружок современного турецкого языка и турецкой диалектологии, созданный и руководимый профессором М.Ширалиевым. объединял лучшие силы студентов и долго после этого продолжал свою деятельность по поставленному им тематическому плану. Кружок и сейчас руководствуется его программой».

Наряду с изучением диалектов и говоров азербайджанского языка профессор М.Ш.Ширалиев уделял особое внимание проблемам азербайджанского литературного языка, развития национальной литературы. В своих работах он стремился раскрыть борьбу за литературный язык в XIX – начале XX веков.

Так, в 1956 году профессор М.Ш.Ширалиев опубликовал в «Известиях АН Азербайджанской ССР» статью под названием «Революция 1905 года и борьба за народность азербайджанского литературного языка».

В другой статье, «К вопросу развития азербайджанского литературного языка в советский период» (1957), были отражены пути развития современного азербайджанского литературного языка.

Кроме этого он обращается к литературному творчеству великого азербайджанского поэта М.А.Сабира и создает труд «Заметки о языке Сабира», в котором в сжатой форме раскрывает характерные особенности литературного языка начала XX века на базе взаимоотношений языка поэта с общенародным языком и диалектами.

Фундаментальные исследования профессора М.Ширалиева, связанные с развитием азербайджанской диалектологии, получили высокую оценку многих международных организаций не только на всесоюзном, но и на мировом уровне.

Так, в 1957 году уже известный в мире ученый принимает участие в качестве делегата в работе VIII съезда Турецко-Лингвистического Общества (Türk Dil Kurumu), где избирается членом-корреспондентом и почетным членом этого Общества.

В 1952-1960 гг. профессор М.Ш.Ширалиев работал заведующим отделом диалектологии Института литературы и языка им. И.Насими АН Азербайджанской ССР и одновременно профессором кафедры азербайджанского языкознания АГУ им. С.М.Кирова. В 1960-1968 гг. М.Ш.Ширалиев возглавлял Институт литературы и языка им. И.Насими, а с февраля 1968 года являлся академ-секретарем Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР.

Одной из фундаментальных работ профессора М.Ш.Ширалиева является его капитальный труд «Основы азербайджанской диалектологии», изданный в 1962 году.

Эта книга – результат многолетнего изучения диалектов. Она содержит глубокий теоретический анализ особенностей азербайджанских диалектов и говоров, их специфические и общие черты. Здесь азербайджанские диалекты освещаются в сравнении с другими тюркскими языками. По своему научному весу это единственная в мире работа в области тюркских языков.

В 1962 году профессор М.Ш.Ширалиев избирается академиком АН Азербайджанской ССР, и в этом же году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки».

В 1969 году он был назначен первым директором Института языкознания им. И.Насими АН.

В это время под его руководством в Институте начинается издание Общесоюзного периодического сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков», который успешно издавался в течение десяти лет.

За свой монументальный научный труд в области развития диалектологии академик М.Ш.Ширалиев в 1972 году был удостоен Государственной премии Азербайджанской ССР.

Академик М.Ш.Ширалиев активно популяризировал советскую и азербайджанскую науку на различных международных конференциях, симпозиумах и конгрессах, проходивших не только в Советском Союзе, но и в различных странах мира.

Его выступления получили высокую оценку как на всесоюзном уровне, так и в мировом масштабе.

Так, с глубоким интересом было воспринято его выступление в 1947 г. в МГУ им. М.В.Ломоносова на тему «Первые шаги Сабирабадской диалектологической экспедиции» (Доклады АН Азербайджанской ССР, 1947 г., № 7).

По приглашению Института востоковедения Польской Академии Наук М.Ш.Ширалиев предоставил вниманию научной общественности цикл лекций и докладов, посвященных актуальным вопросам советской тюркологии, в Варшавском Университете, а также в Институте востоковедения в Кракове на тему «О составлении диалектологических атласов» (1963 г.). В дальнейшем доклад был опубликован на французском языке в 1966 году в издаваемом в Кракове востоковедческом сборнике.

С глубоким интересом были восприняты его выступления:

– на VII Международном конгрессе тюркологов и этнографов в Москве;

– на Всесоюзном диалектологическом совещании в г. Баку (1965 г.);

– на научной сессии в Кишиневе на тему «Советская тюркология на новом этапе», обсуждавшей проблемы развития национальных языков, доклад был опубликован в трудах Института языка и литературы АН Молдавской ССР(1967 г.);

– на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве с докладом «Об азербайджанской диалектологии» (1980 г.) и др.

М.Ш.Ширалиев является автором идеи изучения тюркских языков путем географического языкознания. С именем академика М.Ш.Ширалиева связано составление первого диалектологического атласа и словарей азербайджанского языка.

Один из крупнейших тюркологов академик АН СССР А.Н.Кононов в своей статье «Мамедага Ширалиоглу Ширалиев», опубликованной в журнале «Советская Тюркология», отмечал: *«… Изучение тюркских языков методом лингвистической географии вплоть до 50-х годов оставалось одним из самих слабых звеньев в тюркологии»*.

Следует отметить, что ещё в 1960 году М.Ш.Ширалиев в статье «Азербайджанская диалектология на новом этапе» изложил научные основы и пути создания диалектологического атласа азербайджанского языка и добился его издания.

Именно поэтому на состоявшемся в Баку Всесоюзном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков возглавить всю работу по составлению диалектического атласа было поручено именно академику М.Ш.Ширалиеву (1965 г.).

Уже в 1966 году на проходившем в Анкаре XI съезде Турецкого лингвистического общества выдающийся ученый выступил с докладом «О состоянии конкретных задач составления диалектологического атласа турецких языков». Полный текст этого доклада был опубликован в Турции в сборнике материалов съезда.

Под руководством академика М.Ш.Ширалиева азербайджанские диалектологи в течении 20 лет смогли создать и опубликовать «Диалектологический атлас азербайджанского языка» (1980 г.). Редакторами атласа являлись академик М.Ш.Ширалиев и профессор М.Исламов. Издание атласа стало первым шагом в мировой практике и было высоко оценено тюркологами мира.

Так, Президент АН Туркменской ССР Р.Азимов писал: *«Туркмены создали свой диалектологический атлас на основе школы М.Ш.Ширалиева»*.

Как известно, в 1959 году проводилась Всесоюзная перепись населения, в результате чего было установлено, что на территории Советского Союза в тот период проживало 23 тюркоязычных народа, насчитывающих 25 миллионов человек, среди

которых были: казахи, узбеки, азербайджанцы, туркмены, киргизы, татары, башкиры, чуваши, тувинцы, якуты, алтайцы, хазары, кумыки, карачаевцы, болгары, ногайцы, каракалпаки, гагаузы и др.

На этой территории были представлены все тюркские языки, кроме турецкого. По численности людей, говорящих на них, тюркским языкам принадлежало второе место после восточнославянских языков.

Безусловно, что к 70-м годам XX века коренное население пяти союзных и автономных тюркоязычных республик заметно увеличилось.

В это время в СССР г. Баку был признан Центром тюркологической науки.

Принимая во внимание большой вклад азербайджанских ученых в развитие тюркологии, а также в целях дальнейшего развития советской тюркологии было принято постановление Президиума АН СССР «Об издании всесоюзного журнала «Советская Тюркология», целью которого было объединение усилий ученых-тюркологов, обеспечение широкого обмена идеями и опытом, результатами исследований, освещение проблем взаимодействия тюркских языков с другими языками, публикация материалов о многовековых литературных и культурных связях между тюркскими народами и др. И естественно, что главным редактором этого всесоюзного научно-теоретического журнала был назначен академик М.Ш.Ширалиев. Журнал издавался с 1970 по 1987 гг. За этот период вышло в свет более 100 номеров этого издания.

На страницах этого издания было опубликовано большое количество теоретических статей, рецензий, отдельных монографий ведущих ученых, республик и областей бывшего СССР, материалов юбилейных конференций и симпозиумов и др.

Так, проблема взаимообогащения тюркских и иных языков рассматривалась на состоявшейся в 1971 году в Киеве научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения крупного востоковеда и слависта, исследователя истории тюркоязычных народов и украинской диалектологии, писателя и переводчика, академика АН Украинской ССР А.Е.Крымского.

М.Ш.Ширалиев своей содержательной научно-педагогической деятельностью на протяжении долгих лет вносил ценный вклад в развитие образования в Азербайджане. Огромные заслуги ученого широко известны и в области издания фундаментальных трудов, составления учебников, различных учебных пособий и программ по диалектологии. Его многие труды были неоднократно переизданы и широко используются учеными и студентами вузов и сегодня.

Он успешно передавал свой научный и педагогический опыт не только студентам в Азербайджане, но и в зарубежных странах. Так, еще в 1953/1954 учебном году, работая в Софийском университете в должности заведующего кафедрой турецкой филологии, он создает программу и учебники для нескольких курсов.

Под его руководством и при соавторстве с известными языковедами написан ряд учебников для высших школ.

Следует отметить, что программа и учебник для вузов республики по диалектологии впервые были также написаны академиком М.Ш.Ширалиевым.

Академик М.Ш.Ширалиев сыграл большую роль в подготовке высококвалифицированных кадров в области языкознания как для Азербайджана, так и для многих республик СССР и зарубежья.

Многочисленные воспитанники ученого успешно представляли нашу страну за ее пределами.

«Мамед Ширалиевич, – писал еще в 1959 году член-корреспондент АН СССР Б.А.Серебряников, – *имеет многочисленных учеников и по праву считается основателем своей школы тюркологов»*.

Так, в области азербайджанского языка им было подготовлено 10 докторов и свыше 50 кандидатов наук.

Он являлся научным руководителем многих из них.

Среди них академики Агамуса Ахундов, Тофик Гаджиев, доктора филологических наук Мирза Рагимов, Исмаил Мамедов, Газанфар Пашаев, Рахиля Магеррамова, Муса Исламов, Газанфар Кязимов, Мусеиб Мамедов.

При его непосредственном участии защитили докторские диссертации 9 узбеков, 2 башкира, 2 татарина; было подготовлено кандидатов наук, по одному – балкару, гагаузу, каракалпаку, карачаевцу и казаху.

Он – инициатор написания в сравнительно-сопоставительном плане научных работ по тюркским языкам и воспитания кадров в этой области.

Благодаря вниманию академика М.Ш.Ширалиева к вопросам подготовки научных кадров в нашей республике выросли молодые специалисты-ученые в области взаимодействия азербайджано-узбекского, азербайджано-туркменского и азербайджано-татарского языков. Его последователи сегодня работают в Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Молдавии, Карачаево-Черкессии, Каракалпакии и других регионах бывшего Советского Союза.

За активную работу в подготовке научных кадров академик М.Ш.Ширалиев был награжден Почетной грамотой Министерства высшего и среднего образования Узбекской ССР (1977 г.), а также в связи с 70-летием со дня рождения – Почетной Грамотой Каракалпакской автономной республики Узбекской ССР (1979 г.).

Одним из талантливых и ярких учеников и последователей выдающегося ученого является Заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, прекрасный знаток востоковедения и фольклора, крупный исследователь, активный общественно-политический деятель, известная личность не только в Азербайджане, но и во многих странах мира, человек, который успешно занимается благотворительностью, профессор Газанфар Пашаев.

Газанфар муаллим является первым аспирантом академика М.Ш.Ширалиева, неутомимым последователем его научного направления.

В те далекие годы прошлого столетия, когда я был студентом европейского факультета англо-азербайджанского отделения Азербайджанского Педагогического института иностранных языков им. М.Ф.Ахундова, Газанфар муаллим преподавал нашим студентам лексику английского языка.

Поэтому мне было вдвойне приятно ещё раз встретиться с нашим преподавателем, узнать из первых уст о неизвестных страницах из жизни его учителя и научного руководителя.

Вот как вспоминает о выдающемся ученом профессор Г.Пашаев:

«В 1962 году академик М.Ш.Ширалиев утвердил тему моей кандидатской диссертации – «Керкукский диалект азербайджанского языка».

Перед моей поездкой в Ирак он пригласил меня к себе и передал мне свое исследование «Программа для монографического исследования и говоров азербайджанского языка», а также свое фундаментальное исследование «Бакинский диалект». При этом он обратил мое внимание на то, что керкукский диалект иракских туркменов является основным доказательством того, что они являются азербайджанцами. Мы не должны отказываться от этого направления!».

В статье академика М.Ш.Ширалиева «Новые диалектные истории тюркских языков», напечатанной в журнале «Советская Тюркология» № 5 (1970 г.) и посвященной изучению азербайджанских диалектов, отмечается:

«…В 1956 году в Иракской республике была опубликована работа Аттара Тарзибаша («Керкукские песни»), а также работа нашего аспиранта Газанфара Пашаева, который находился в течение двух лет в Ираке и изучал керкукский диалект азербайджанского языка. Эти работы свидетельствуют об употреблении в керкукском диалекте деепричастий с личными аффиксами…».

Мне представилась возможность познакомиться с книгой профессора Г.Пашаева «Borcumuzdur bu ehtiram», изданной автором в 2010 году.

Особое внимание в книге привлекает очерк об академике М.Ш.Ширалиеве.

Осуществляя напутствие своего учителя, профессор Г.Пашаев впервые издал ряд интересных книг, посвященных широкой пропаганде керкукского диалекта.

Коллектив Института языкознания им. Имадеддина Насими НАНА, где долгие годы работал выдающийся ученый, свято хранит память и проявляет особую заботу о сохранении научного наследия выдающегося ученого.

Знаменательно, что в этой работе активное участие принимают многие известные ученые института.

Так, в этой связи, мне представилась интересной глубокая и многогранная статья доктора филологических наук, профессора Газанфара Кязимова «Основатель азербайджанской диалектологической науки», посвященная 100-летию со дня рождения академика М.Ш.Ширалиева.

Долгие годы профессор Г.Кязимов возглавлял созданный в Институте языкознания академиком отдел диалектологии и способствовал развитию многих его направлений, определенных выдающимся ученым.

В данной статье автор раскрывает очень интересную мысль крупного российского востоковеда Мирзы Казембека, изложенную в его «Турецко-татарской грамматике», где впервые публикуются факты о губинском диалекте, дербентском говоре, а также Южно-азербайджанских диалекте и говоре.

Также в статье отмечается, что глубокое исследование говоров и диалектов в Азербайджане начиналось еще в первые годы Советской власти.

Великий азербайджанский писатель А.Ахвердиев, возглавлявший в 20-е годы прошлого столетия историко-этнографический отдел в Обществе исследования и изучения Азербайджана, созданном по инициативе известного партийного и государственного деятеля Наримана Нариманова, также активно привлекал лучших представителей азербайджанской интеллигенции к работе по сбору диалектов и говоров.

Именно в этот период был собран богатый лексический материал о наличии диалектов и говоров в Азербайджане.

По инициативе азербайджанского правительства в Страну огней был приглашен член-корреспондент АН СССР Н.Ашмарин – крупный ученый-тюрколог, под руководством которого в 1926 году был опубликован труд «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи».

Предполагалось издание тридцатитомного словаря диалектов, однако было издано всего 2 тома, охватывающих буквы «А» и «Б».

Отрадно, что о роли выдающегося ученого М.Ш.Ширалиева и сегодня вспоминают на международных симпозиумах и конференциях.

Так, в этой связи особо хотелось бы отметить состоявшийся в октябре 2014 года в Баку 1 Международный симпозиум тюркологов на тему «Предшественники и последователи», посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося мыслителя и лингвиста Алибека Гусейноглу Гусейнзаде и 105-летию со дня рождения языковеда и тюрколога с мировым именем академика Мамедаги Ширалиоглу Ширалиева.

Организаторами форума были Институт языкознания им И.Насими НАН Азербайджана и Университет «Кавказ».

Международный симпозиум проводился в соответствии с распоряжением Президента Азербайджанской Республики И.Алиева «О проведении 150-летнего юбилея Алибека Гусейнзаде».

Выступивший на открытии форума директор Института академик Т.Гаджиев отметил, что азербайджанские ученые являются либо учениками профессора М.Ш.Ширалиева, либо учениками его учеников.

Перед участниками симпозиума выступил Государственный советник Президента по межнациональным, мультикультуралистическим и религиозным вопросам

Кямал Абдуллаев, который рассказал участникам о роли Алибека Гусейнзаде в развитии азербайджанского языкознания и тюркологии и выразил уверенность, что данный международный симпозиум объединит тюркологов всего мира.

На мероприятии присутствовали около 40 представителей из 12 стран мира, где было заслушано более 90 докладов, в том числе доклады ученых из Турции, Украины, Великобритании, Казахстана, Болгарии, Польши, Албании, Афганистана, Китая, Узбекистана.

Также было приятно услышать теплые и искренние слова об академике М.Ш.Ширалиеве на юбилейной научной сессии, состоявшейся в октябре 2019 года в Институте языкознания им. И.Насими НАНА, на тему «Мамедага Ширалиев и азербайджанское языкознание», как об опытном, высокопрофессиональном и креативном руководителе-ученом, всегда готовом помочь людям.

В своем вступительном слове директор института академик Мохсун Нагисой отметил: *«… В азербайджанском языкознании первым академиком в области языкознания был Мамедага Ширалиев, он больше был известен как диалектолог мирового масштаба. Эта область науки принесла ему мировую славу»*.

Кроме того, 10 декабря 2019 года на телевизионном канале ATV зрители увидели передачу, посвященную научно-образовательной деятельности выдающегося ученого, в которой приняли участие Директор Центра Ататюрка в Азербайджане академик Низами Джафаров, академик Мохсун Нагисой, а так же профессор Исмаил Мамедли.

Творчеству академика Мамедаги Ширалиева особое внимание уделяют многие азербайджанские ученые, которые всегда высоко ценили его монументальные научные исследования. Среди них следует отметить академиков Гамида Араслы, Агамусу Ахундова, Тофика Гаджиева, члена-корреспондента Абдулазала Демирчизаде, профессоров: Мирза Рагимова, Газанфара Пашаева, Юсифа Сеидова, Вагифа Асланова, Рахилю Магеррамову, Максуда Махмудова, Айдына Нагдалиева и др.

За плодотворную научную деятельность академик М.Ш.Ширалиев был награжден орденами: «Знак Почета» (1954 г.) и «Дружбы народов» (1975 г.).

Однажды его старый друг, академик Н.К.Дмитриев сказал о Ширалиеве, что он «…тюрколог-врач по всем болезням».

К сожалению, 16 апреля 1991 года всемирно известного ученого-языковеда не стало.

Я собрал об этом ученом скромный информационно-просветительский материал, встретился со многими его коллегами и учениками, которые направляли мои поиски в нужное русло, приоткрыл для себя неизвестные страницы его творчества.

Я счастлив, что очень много узнал об этом Гражданине и Человеке, оставившем яркий след в отечественной науке, который был не во все времена и не у всех народов.

Но я хотел бы, чтобы о нем узнали ещё больше, в особенности новое и будущие поколения, которые помнили бы о нем и его деятельности.

Хочется поблагодарить Президента страны И.Алиева за сохранение памяти о выдающемся ученом, за вклад в дело распространения и популяризации культурного наследия тюркских народов.

ГУСЕЙНБАЛА МИРАЛАМОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Повесть

Прекрасный лик твой – неземной цветник,
Рубины уст твоих – живой родник.
Разлука наша – это пламень ада.
С тобой в разлуке я зачах и сник.

Имадеддин Насими

Стояла весна 1408 года. Поэт-хуруфит из Ширвана Имадеддин Насими, устав бродить по чужбине, ночевать в мечетях, караван-сараях и святынях, беседовать с дервишами, богомольцами, апостолами, учёными и путешественниками, возвращался в родную Шемаху. Он твёрдо решил провести остаток жизни на земле предков вместе с братом Шахханданом и хотел, чтобы Шаххандан переписал и упорядочил все его творения, созданные на протяжении многих лет.

Шаххандан, который всегда боготворил стихи поэта, переписывал их и безвозмездно раздавал в мечетях и медресе, ещё в возрасте семи-восьми лет обучился каллиграфии и книжному переплету и благодаря этому ремеслу зарабатывал на жизнь.

Шаххандан часто переписывал Священный Коран, благодаря чему знал наизусть шесть тысяч шестьсот шесть аятов и сто четырнадцать сур священного Корана и несмотря на весьма молодой возраст, пользовался особым почтением и уважением среди имамов, ахундов и мулл. Его иногда приглашали и на престижные духовные собрания и церемонии.

У Сеида Али Имадеддина Насими, получившего в Ширване титул «Поэт всех поэтов», и его брата Шаххандана были две замужние сестры. Сёстры по очереди навещали младшего брата Шаххандана раза два в месяц, приносили гостинцы, справлялись о его здоровье.

А ежедневно Шаххандану прислуживала соседка, тётя Гюльназ, за что получала жалованье – три-четыре дирхама в месяц, не считая дополнительных поощрений...

Ближе к полудню соседские детишки, наигравшись в прятки и догонялки и вволю сразившись крутыми крашеными яйцами, прибежали к дому Шаххандана и закричали в один голос:

– С тебя магарыч! Прибыл твой брат!

Счастью Шаххандана не было предела. Открыв мешок со сладостями, он щедро раздал детворе изюм, конфеты и различные сухофрукты.

Сеид Али Имадеддин Насими дважды в год садился на верблюда и направлялся то на запад, то на восток, терзаемый вечными сомнениями, бушующими в его душе; бунтарский, жадный до знаний ум кидал его в разные страны, где он стремился узнать побольше о мире, и в каждой стране проповедовал он собственное убеждение – хуруфизм. Теперь его неожиданное возвращение на родную землю зародило в душе Шаххандана проблеск надежды: «Может, он уже перестанет упорствовать и женится наконец? Ему скоро сорок лет, и давно пора обзавестись семьёй!»

Ещё в годы учёбы в медресе Сеид Али влюбился в красивую девушку по имени

Хусния, но свои чувства он хранил втайне ото всех. Застенчивый поэт, не сумевший открыть сердце и объясниться в любви, воспевал свои чувства, томясь в бесконечных страданьях. Воистину, неисповедимы пути Господни – через некоторое время сад его души, украшенный цветами любви, был поражён листопадом печали...

Шестнадцатилетнюю Хуснию, не ведавшую о любви Сеида Али, родители забрали из медресе и насильно выдали за другого. Юная девушка пустила в душе Сеида Али такие глубокие корни, так сильно запечатлелась в его сердце, что больше никто не мог занять это место. Все мысли и воображение поэта, его счастье и духовное богатство были связаны лишь с его любовью.

* * *

Весть о внезапной смерти в феврале 1405 г. Тамерлана, завоевавшего бесчисленное количество стран и разрушившего множество царств, погрузила Ближний Восток и Среднюю Азию в выжидательное, напряженное молчание. Страны и царства, воспринявшие это событие, как хороший подарок судьбы, свободно вздохнули, начали постепенно восстанавливаться и развиваться.

Одним из первых воспрянул духом Гара Юсиф, считавший себя потомком племени Бахарлы и долгие годы томившийся в темнице в Египте. Смерть Тамерлана сильно обрадовала египетского султана – услышав эту весть, он освободил Гара Юсифа из темницы, подарил ему мешок золота и коня и, дав ему провожатого, повелел:

– Ты свободен! Ступай на свою родину и взойди на престол, если сможешь.

Гара Юсиф вскочил на коня и с благодарностью взглянул на султана:

– Я никогда не забуду, что вы вернули меня к жизни. Уверяю вас, вы никогда не пожалеете об этом. Ибо не верю, что после Тамерлана и Тохтамыша кто-то может одержать верх надо мной.

– А как же тимуриды, джалаиры? – с иронией напомнил султан. – Ты пока что одинок на поле боя, а они расставили в Тебризе огромные полчища.

Воздев руки к небу, Гара Юсиф промолвил:

– Достопочтенный султан, если человек умен, силён и смел, то у него будут и полчища, и победы. До свидания! Сочту за честь как-нибудь пригласить вас в гости – надеюсь, не откажете.

Ухмыльнувшись, султан отшутился:

– Вряд ли... Стоит мне оставить араба без присмотра хоть на один день, то один Аллах ведает, что он натворит...

Гара Юсиф был сильно истощён – как физически, так и духовно. Он решил на некоторое время остаться в Египте и отдохнуть. По утрам он заваривал кофе на раскалённом песке, любовался боем верблюдов, в полуденный зной дремал в тени финиковых деревьев у бассейнов с кристально чистой водой, сверкающей под солнечными лучами, как алмаз, а по вечерам наслаждался искусством танцовщиц и предавался любовным утехам, словно отыгрываясь за тяжёлые дни, проведённые со связанными руками на каменном полу темницы...

Невзирая на оптимистичные пророчества колдунов и мистиков, предвещающих победы, Гара Юсиф не хотел ехать в Тебриз поспешно, без надлежащей подготовки. Именно поэтому он потратил часть золота, подаренного египетским султаном, на гонцов и дал им поручения:

– Пусть каждый из вас въедет в Азербайджан с разных сторон, объедет города и сёла и оповестит народ о моём приезде, чтобы готовились встретить меня!

Отпустив гонцов, Гара Юсиф принялся готовиться в путь. К нему отовсюду присоединялись честолюбивые искатели приключений, грезящие о подвигах; они клялись ему в верности до гроба и выражали желание бороться до последней капли крови во имя единой цели. Когда Гара Юсиф прибыл к Нахчывани, вокруг него было

не менее пятидесяти тысяч бойцов, вооружённых до зубов. Мираншах, чувствовавший себя в Тебризе после смерти Тамерлана как рыба в воде, перегородил путь Гара Юсифу на берегу Аракса, но, не решившись сразу же вступить в бой, отправил своему внезапно появившемуся неприятелю письмо следующего содержания: «Египетский султан, который всегда с пеной у рта твердил о верности и доверии, совершил большую ошибку, освободив тебя из темницы. За это он будет наказан по всей строгости. А тебе я советую сдаться! Какая тебе разница – тюрьма в Каире, или темница в Тебризе?!»

Письмо Мираншаха не на шутку разгневало Гара Юсифа. Приказав немедленно отрубить посланцу голову, он проскакал во главу войска и протянул руку в сторону врага:

– Этот недоумок считает, что унаследовал у своего хромого отца его дух и доблесть!

Промолвив эти слова, Гара Юсиф хлестнул коня и стрелою помчался на врага. Тимуриды, не удержавшись перед натиском доблестных бойцов Гара Юсифа, бросились врассыпную. В итоге Мираншах, потерпевший поражение в первом же бою после смерти Тамерлана, пропал без вести и его не удалось найти.

Однако опытный Гара Юсиф, проявив терпение и стойкость, не совершил поход на Тебриз даже после этой быстрой и триумфальной победы, так как его посланцы принесли весть о том, что оставшиеся войска Мираншаха стянулись к городу и расположились вокруг него, так что пробиться через эту преграду невозможно. По этой причине Гара Юсиф – полководец новой эпохи возрождения династии Гарагоюнлу – решил не двигаться с места, пока не будет полностью уверен в своей победе, и тщательно подготовиться к решающему бою...

* * *

Именно в тот период гордость Азербайджана, великий поэт Сеид Али Имадеддин Насими, прибыл в Шемаху на навьюченном верблюде. Шаххандан встретил брата возле городских ворот.

Сеид Али сошёл с верблюда и обнял брата.

– Слава Аллаху, – сказал он, – как ты вырос... И если вместе с ростом возросла и твоя мудрость, то...

– Клянусь Аллахом, брат, – серьёзно ответил Шаххандан, – я не могу судить ни о своём росте, ни о мудрости. Тебе виднее...

Сеид Али внимательно оглядел брата:

– Вот я и вижу, что вырос, Шаххандан... – и неожиданно спросил: – А кто сейчас шах в Тебризе?

Шаххандан, радостно взволнованный, что видит брата, осторожно ответил:

– Братец, дай-ка нам доехать до дома и потом уже задавай свои вопросы. Какая тебе разница, кто там шах?

– Что значит «какая разница», родной? Если кончики усов у шаха повисли вниз, то повиснут вниз и усы у всех мужчин. Наоборот, если усы у шаха направлены вверх, то у всех мужчин будет то же самое. То есть положение усов жителей страны зависит от направления кончиков усов одного человека. Теперь понял?

– Понял.

– Вот и прекрасно. Теперь ответь – кто в Тебризе шах?

– Никто.

– Как это – никто?

– Уже несколько дней, как между Гара Юсифом и Мираншахом идут бои не на жизнь, а на смерть. И ещё неизвестно, кто из них одержит верх.

– Ясно. Значит, положение усов ещё не установлено.

Оба рассмеялись.

Сеид Али порывисто обнял брата, так что у того слетела с головы тюбетейка.

Открыв деревянные ворота, они вошли во двор. Пёс по кличке «Гачалан», увидев своего хозяина – Сеида Али, потянулся, попрыгал, льстиво помахал хвостом и не забыл полаять на верблюда, которого он видел впервые.

Сеид Али обратился к Шаххандану:

– Ну что ж, братец, милый, ты разгружай верблюда, а я пройдусь по саду, погляжу, все ли деревья целы...

Шаххандан принялся снимать поклажу с верблюда – переметные сумы, расшитые разноцветными нитями, были набиты до отказа. Показывая Сеиду Али мешок, полный драгоценностей, Шаххандан сказал:

– Все пути-дороги кишат бандитами и разбойниками... Как же тебе удалось провезти столько драгоценностей в целости и сохранности?

– А вот это, братец мой, тайна! Хочешь, раскрою...

Шаххандан взглянул на брата с явным любопытством:

– Раскрой!

– Значит, так: все эти богатства, эти драгоценности мне подарили сами же бандиты и разбойники. Вашего покорного слугу...

Шаххандан растерялся:

– Бог с тобой, братец... – перебил он в изумлении.

– Так вот, вашего покорного слугу знают повсюду. Увидев меня, все прибегают, сажают на почетное место, восклицают: «Подарки поэту! Вознаградите поэта!»

– А ты как? Принимаешь эти богатства, приобретённые нечестным путём, набиваешь в сумы и тратишь направо-налево?

– Ошибаешься, братец! Разумеется, вернуть эти драгоценности их подлинным хозяевам невозможно... Однако я могу раздать их неимущим и нуждающимся. Я привёз их беднякам Шемахи – раздай их, но постарайся, чтобы шах и богачи не узнали об этом.

Оба рассмеялись.

– Если хочешь, раскрою тебе ещё одну тайну, – сказал Сеид Али.

– Конечно, хочу, – поспешно ответил Шаххандан.

– Ты хоть знаешь, как эти бандиты и разбойники любят стихи и газели?

– Ты шутишь?

– Нет! Всё так и есть. Стоит прочесть для них один стих, уже не отстают, кричат, требуют: «Давай ещё! Прочти ещё! Ещё хотим!»

– А ты, слава Аллаху, кладезь поэзии...

– А куда я денусь... Впрочем, я не против! Главное – затронуть кому-то душу...

– Интересно, а как на них действуют твои стихи?

– На каждого по-разному... Кто-то плачет навзрыд, кто-то не понимает, некоторые погружаются в раздумья... Один из них мне сказал: «Ты единственный, кто пишет правду, служит истине и справедливости». «Откуда знаешь?» – спросил я. На что он ответил: «Ну вот, ты говоришь: *В меня вместятся оба мира,\Но в этот мир я не вмещусь.* Это действительно так. Человек не стоит на одном месте – если сегодня ты мысленно на востоке, то завтра – на западе, если сегодня на юге, то завтра – на севере! Человеку мало этого мира». Каждый из них выражает свое личное и довольно-таки своеобразное отношение.

– Братец, родной, – сказал Сеид Али, помолчав, – ты не смотри на их злодеяния – у них в глубине души царят искренние, порой даже нежные чувства! Будь я шахом, я за один день наставил бы их на путь истинный. Ну да ладно... За садом, как я вижу, ты ухаживаешь неплохо. Посадил новые деревья. Да и розы расцвели, переливаются изумительными оттенками. Черенки расцветут, если не в этом, то в следующем году точно.

– Один из них уже пустил почки...

– Я что-то не заметил...

– Прямо под листьями.

– Прячется?

– Видимо, да...

– Значит, плод будет нежным...

– Тебе лучше знать, братец...

Сеид Али поменял тему:

– Братец, я преодолел долгий путь. Проголодался, да и истосковался по вкусным шемахинским блюдам.

– Тётя Гюльназ только что приготовила жаркое, – сказал Шаххандан. – Принести?

– Конечно, принеси!

Шаххандан развернул скатерть на балконе, разложил жаркое по тарелкам, положил зелень и сыр, наполнил пиалы шербетом. Промолвив «бисмиллах», братья сели обедать.

Уплетая жаркое, которое он давно не отведывал, Сеид Али спросил:

– Значит, говоришь, Гара Юсиф и Мираншах, сидя один в Тебризе, другой в Нахчыване, огрызаются друг на друга?

Шаххандан нахмурился, опасливо проговорил:

– Братец, это говоришь ты, а не я!

– А что, испугался? – промолвил Сеид Али с лёгкой ухмылкой.

– А как же? Я ведь не Сеид Али Имадеддин Насими, чтобы не бояться высказывать всё, что в голову взбредёт. В Шемахе даже стены имеют уши.

– Ты прав, братец, – ответил Сеид Али серьёзным тоном. – Мир уже не тот... Большинство людей словно появились на свет с одной-единственной целью – ябедничать Ширваншахам.

Он вытер рот платком и, помолившись, опустошил пиалу с шербетом.

С изумлением и горечью глядя, с каким аппетитом брат уплетает жаркое, как жадно, залпом выпивает шербет, Шаххандан прослезился и невольно шепнул: «Да убережёт нас Аллах от испытаний на чужбине!»

Наконец Сеид Али встал.

– А теперь убери скатерть, напои верблюда, – дал он брату поручение, – а затем расскажешь, какие события произошли в Ширване за время моего отсутствия.

Шаххандан внезапно вскричал:

– Вай-вай!.. Я же тебе кофе готовил... Наверно, уже весь выкипел...

Он ринулся к очагу и вернулся с туркой – к счастью, кофе не выкипел.

Налив кофе в пиалу, Шаххандан поднес её брату:

– Братец, ты выпей, а я уберу скатерть и займусь верблюдом...

Глядя на застывшую белую пену кофе, Сеид Али вдруг вспомнил свою первую любовь – Хуснию, кувшин с водой на её плече, когда она шла с родника, и мак, вплетённый им в её чёрные косы, и в глубине души ощутил ноющую боль...

В это время Шаххандан вошёл в комнату:

– Ну, брат, верблюд твой спит, то есть, закрыл глаза, но челюсть беспрерывно шевелится, как мельничный жернов – видимо, ему приглянулся трёхлистный клевер...

Сеид Али рассмеялся:

– Шаххандан, родной, оставь верблюда в покое, расскажи мне о Ширване...

– А что мне рассказывать о Ширване? Этот Ибрагим совсем голову потерял... Одним глазом уставился на Тебриз, а другим – на Нахчыван...

Оглянувшись, Сеид Али шепнул:

– Вот это уже твои слова!

Оба одновременно переглянулись.

– Да что ты такое говоришь? Это же уму непостижимо – как может быть у одного человека два хозяина?

– Клянусь твоей головой, это правда. Об этом ведает вся Шемаха.

– Но ведь это крах чести и достоинства Ибрагим-шаха?!

– А он давно потерял и честь, и достоинство...

– В этих вопросах хорошо разбирается мой умный верблюд – вот проснётся, спросим. Но если это действительно так, то Ибрагим-шах играет в опасную, двойную игру. Посланец Мираншаха может поехать в Тебриз и сказать, что Ибрагим-шах отсылает дань Гара Юсифу. А гонцы Гара Юсифа прибудут в Нахчыван и объявят, что этот идиот платит дань Тебризу. То есть у Ибрагим-шаха семь пятниц на неделе. Глупая затея...

Шаххандан, всё это время терпеливо выслушивающий брата, неожиданно вышел из себя:

– Ей-богу, братец, меня не интересуют ни Ибрагим-шах, ни Гара Юсиф, ни Мираншах! Ты лучше скажи – женишься ли ты хоть на этот раз? Или так и будешь до конца жизни сочинять газели, посвящённые выдуманным красавицам? Хватит уже, – принялся он упрекать брата сродни пожилым людям, – хорошего понемножку. Ты хоть знаешь, какие небылицы выдумывают про тебя люди за глаза?

– И какие же? – с удивлением спросил Сеид Али.

– Говорят, что якобы ты во время своих путешествий предаёшься любовным утехам с турчанками и арабками – аж так стараешься, что по прибытии в Шемаху у тебя не остаётся сил, чтобы жениться...

– Прямо так и говорят?

– Да, так и говорят!

– Братец, душа моя, – вздохнул Сеид Али, – я уже сказал своё слово. Ни на ком, кроме Хуснии, я не женюсь!

Шаххандан, словно ожидая этих слов, решил выложить всё по порядку:

– Братец, ты хоть знаешь, что произошло после твоего отъезда?

Сеид Али побледнел:

– Что произошло? – взволнованно спросил он. – Неужели...

– Нет, не скажу. С тебя магарыч!

– Какой ещё магарыч? – рассердился Сеид Али. – За что магарыч?! – затем вынул из кармана два динара и протянул Шаххандану: – Ответь немедленно – что с Хусниёй?

Шаххандан, шутя и ёрничая, постучал монетами о зубы, как бы проверяя подлинность, затем, довольный, положил их в карман и, качая головой, проговорил:

– Это долгая история, но весьма интересная, так что расскажу... Значит, муж Хуснии – муфтий Абубакр – вынес фетву о казни двух последователей конфессии исмаилитов. Этот приговор был утверждён как Ширваншахом, так и кадием. И, разумеется, этих людей повесили.

Сеид Али рассердился не на шутку:

– Шаххандан, к чёрту Ширваншаха, кадия, Абубакра, исмаилитов, к чёрту виселицу... Ты лучше скажи, что с Хусниёй?

Шаххандану хотелось рассказать обо всём подробно, разложить всё по полочкам, но, почувствовав нетерпение брата, он перешёл к сути рассказа:

– Не торопись, братец, имей терпение, иначе запутаюсь... Значит, через месяц после казни из Дагестана прибыли несколько всадников, подожгли в квартале Девечиляр дом муфтия Абубакра и убили его вместе с детьми от первого брака.

– А Хусния?

– Хусния потеряла сознание. Они сочли её мёртвой и не тронули. После того, как всё успокоилось, Сальминаз...

– Какая Сальминаз?

– Овдовевшая подруга Хуснии... Она забрала Хуснию к себе домой. Та до сих пор у Сальминаз.

– Вот оно что... Да, весьма печальный, несчастный случай... Ну, хорошо, маленький ты хитрец, а за что же ты взял с меня магарыч?

– Как за что? Ведь Хусния жива... По-твоему, эта весть недостойна магарыча?

– Что правда, то правда... Даже двух динаров мало за такую весть...

– Тогда гони сюда ещё один динар! Не скупись! Знал бы ты, сколько динаров я потратил на магарыч тем, кто принёс весть о твоём прибытии!

– Знаю, братец, знаю!

Внезапно вспомнив о чём-то, Сеид Али встал:

– Завтра ведь четверг, нет?

– Да, а что?

– Сходим на кладбище, помолимся, помянем родителей и других усопших.

– Конечно, сходим... Ты сюда смотри...

– А что там?

– Глянь-ка, кто там, на улице?

Сеид Али подошёл к окну и узнал человека, на которого показывал брат – это был Кафиаддин, что учился вместе с ним в медресе и никому не давал проходу. Держа на спине огромный кувшин с айраном, он созывал клиентов. Воистину, неисповедимы пути Господни – Кафиаддин, забияка и силач, некогда бросавший вызов не только своим сверстникам, но и старшим по возрасту, нынче зарабатывал на жизнь, горбясь под тяжёлым кувшином.

– А голос всё тот же... – шепнул Сеид Али Шахxандану.

– Голос тот же, а от смелости и мужества и следа не осталось...

– Почему так думаешь?

– Знал бы ты, как он боится своей жены... Все, что зарабатывает, выкладывает ей. Хочешь, позову его, нальёт нам айрана?

– Не нужно, он смутится.

– Наоборот, обрадуется. Для него главное – деньги.

– Да ладно тебе, не преувеличивай. Ему станет стыдно...

– Он забыл, что значит это слово.

– Я же сказал – не нужно. Я лучше спущусь в сад – не успел вдоволь насмотреться.

Кое-как протиснувшись сквозь заросли шиповника, Сеид Али остановился под высокой ветвистой яблоней:

– Здравствуй, мой плодовитый, щедрый зелёный мир! Слава Аллаху, ты подрос, ветви твои аж к небу тянутся...

Затем он притронулся к стволу миндального дерева толщиной в кисть руки:

– Я помню, как посадил этот миндаль несколько лет назад. По моим расчётам, он должен дать плоды уже к этой осени. Да и расцвёл он очень хорошо – даже если ветер сдует половину, оставшейся половины нам вполне достаточно. А это грецкий орех. А ты чего не вырос? Чего тебе не хватает? У тебя вдоволь земли, воды, воздуха, солнца, ещё и ухаживают за тобой, как за младенцем, холят и лелеют... Почему же ты не растёшь? Вроде, неплохо начал, но потом остановился... Наверно, корни где-то уткнулись в камень... Ничего страшного, проверим.

Но сколько Сеид Али ни старался занять себя деревьями, все его помыслы, все его грёзы были о красавице Хусние. Интересно, чем она сейчас занята? Знает ли она, что на этой земле живёт несчастный человек, который всегда грезит о ней с пламенем в сердце, и этот человек не знает, что ему делать, как ему жить без неё...

Шахxандан стоял на балконе и качал головой, прислушиваясь к словам брата, обращенным к деревьям; он понимал состояние брата, догадывался, что все его

мысли заняты Хусниёй...

Летний день длился так долго, будто солнце никак не желало покинуть небосвод. С далёких гор исходило прохладное вечернее дуновение.

Сеид Али лежал на балконе на большой древней тахте, вспоминая страны, где он побывал, мечети и караван-сараи, святые места, которые он посещал, дервишей, богомольцев, имамов и путешественников, с которыми он беседовал; в его ушах раздавался мелодичный звон колокольчиков, висящих на шее верблюдов. Холодное дуновение с гор Пирдиряйи, мычание скота во дворах, бесконечный лай собак, ржание лошадей – всё это было таким родным и близким... После трёхлетней разлуки он вновь находился рядом с братом, в родной Шемахе, где он родился и вырос. За это время брат переписал его диван *(Диван – сборник стихов восточных поэтов* – **ред.**) в нескольких экземплярах и переплёл прочной кожей – словом, потрудился на славу, выполнил большую работу. Теперь он думал о раздаче этих томов во дворцах и мечетях.

Сеид Али нежился в мягкой постели, избавляясь от усталости долгих дней, проведённых на лошадях и верблюдах.

Шаххандан жарил на костре миндаль – хотел, чтобы брат отведал его горячим. Но увидев, что Сеид Али сладко спит, не стал его будить.

* * *

Яркие звёзды шумной шемахинской ночи развели на небе огромный костёр, и порой казалось, что с неба сыплются искры от этого костра. Два брата – Сеид Али и Шаххандан – беззаботно спали на открытом балконе. А сторожить дом и двор, как всегда, было вверено Гачалану, выросшему в этом дворе. Он усердно лаял, будто стараясь перелаять соседских собак, показывая собственное рвение.

Поздно ночью раздались стуки. Шаххандан открыл глаза: «Опять началось...» – шепнул он про себя. Стуки раздались вновь, нарушая наступившую ночную тишину, а через некоторое время эти монотонные стуки уже раздавались беспрерывно и долго не прекращались.

Шаххандан вздохнул и покачал головой. Соседские дети каждую ночь закидывали их дом камнями. К счастью, камни были мелкие и не могли пробить черепицу, но их беспрерывно раздающиеся стуки сводили с ума.

Шаххандан присел в постели и взглянул на сладко спящего брата.

К этому стуку камней о черепицу ему было не привыкать – уже долгое время, как избалованная детвора не оставляла его в покое ни ночью, ни днём, обзывая «богохульником», «братом богохульника», а встретившись с ним в безлюдном месте, то и дело норовили проучить его. Всему виной, разумеется, были стихи его брата. Как ни странно, эти газели, гасиды и гиты *(газели, гасиды и гиты – виды восточного стихосложения)* служили для братьев и источником заработка, и яблоком раздора с окружающими. На самом деле эта вражда началась с тех пор, как Сеид Али был признан в Шемахе учеником Наими *(Фазлуллах Наими (1340-1401) – восточный поэт и философ XIV века, основоположник хуруфизма.)* и стал Имадеддином Насими, а подстрекателями являлись Гулам Али, Рашид Ягуби, Бахлули, Гаим Ширвани, Ахмед Касираддин и другие довольно-таки посредственные поэты Ширвана. Они то и дело распространяли подлые слухи о Сеиде Али, писали пасквили в его адрес, искажали его творения и ложно толковали их. Они даже писали клеветнические письма Ибрагим-шаху и кадию Абдулвахабу, требуя наказать «богохульника всех богохульников» – именно так они называли Сеида Али Имадеддина Насими. К счастью, ни Ибрагимшах, ни кадий Абдулвахаб не обращали внимания на их злонамеренные обвинения – наоборот, они повсеместно хвалили великого поэта, приглашали его на влиятельные собрания и награждали его.

Бóльшую часть года Сеид Али проводил в Баку, Тебризе, Халебе и Багдаде, поэтому больше всего от этих наговоров и издевательсв страдал его младший брат – Шахxандан. И ему не оставалось ничего, кроме как терпеть...

Правда, у этого «юного мудреца» было немало друзей и родственников в городских кварталах Абдаллар, Халчачылар и Мисгярляр, но он и думать не хотел о том, чтобы вмешивать их в этот бессмысленный конфликт. Одного только бесстрашного дяди Хейраддина, никогда не слезавшего с коня, было достаточно, чтобы угомонить всех раз и навсегда. Но гордому Шахxандану не хотелось обращаться к дяде по такому ничтожному поводу.

* * *

Спустя некоторое время стук камней прекратился, и Шахxандан погрузился в глубокий сон. Гачалан всё ещё продолжал яростно лаять вслед негодникам, бросавших в их дом камни, но его лай не нарушал сон сладко спящих братьев...

* * *

Утром Шахxандан проснулся довольно поздно. Не увидев Сеида Али в постели, он очень удивился – ему казалось, что брат, уставший с дальней дороги, проспит до самого полудня. Но поэт всех поэтов, как всегда, встал ни свет ни заря. Ещё с детства он выработал привычку: стоило лечь в постель, сразу же засыпал и так же быстро и рано просыпался. А крепче всего ему спалось, разумеется, в родной постели, оставшейся на память от матери...

Шахxандан встал, оделся и, прихватив тетрадь со стихами брата, спустился во двор.

– Братец, – бодро воскликнул он, – некоторые твои газели и гасиды мне не нравятся. Поэтому я не буду переписывать их.

Сеид Али нахмурился и вопросительно взглянул на брата.

– Смотри, – сказал Шахxандан, как бы отвечая на вопросительный взгляд брата, – тут ты написал две газели, очень похожие друг на друга.

– Где? – спросил Сеид Али. – Покажи!

Поэт всех поэтов поставил на землю кувшин с водой и забрал у брата бумаги со стихами:

– Да, ты правильно заметил... Они внешне похожи, но по сути совершенно разные. Ты перепиши обе.

– Нет, братец, я перепишу вот эту – она лаконична и написана на нашем родном тюркском языке. Когда ты пичкаешь свои стихи арабскими и персидскими словами, мне хочется разорвать их в клочья. Ведь какой смысл писать стихи, которые никому не понятны?

– Братец, – серьёзно промолвил поэт всех поэтов. – Это хорошо, что ты вникаешь в текст и переписываешь их не поверхностно – ведь моё письмо не лишено ошибок и их необходимо исправлять. Но мысли мои не трогай – перепиши их как есть, даже если они тебе не нравятся. Люди разные, их предпочтения – тоже. А что делать, если стих, не понравившийся тебе, будет по душе другому?

Не внемля увереньям старшего брата, Шахxандан решил поступить по-своему – переписал один из двух похожих стихов, а второй спрятал.

Сеид Али умылся, вытерся и уселся на ступеньке:

– Ну ладно, братец мой родной, прочти эти стихи, которые ты считаешь похожими...

Шахxандан вошёл в дом и достал спрятанный им стих. Другой, понравившийся ему стих, он уже успел выучить наизусть. Вначале он прочитал газель, которая ему не понравилась:

В коралловых устах прохлада рая кроется,
И на твоих губах вода живая кроется.

Хоть с губ твоих порой слетают птицы слов,
В них сокровенных тайн, я знаю, стая кроется.

Владычица моя, в моей душе больной
Давно твоя душа, меня сжигая, кроется.

Пустила ты стрелу, и рана с той поры
На сердце у меня, меня терзая, кроется.

В тени твоих кудрей сияет светлый лик,
Так в облаках ночных луна, мерцая, кроется.

Я, Насими, постиг: в тебе болезнь моя,
Но и в тебе моё леченье, знаю, кроется.

Лечи меня, мой врач, иль вовсе откажись,
Поняв: во мне болезнь чрезмерно злая кроется.

(Перевод Н.Гребнева)

– И что же тебе здесь не понравилось? – с любопытством спросил Сеид Али.

– Братец, эта газель очень разрозненна, содержание искусственно затянуто и, кроме того, как я уже отметил, в ней слишком много арабских и персидских слов. Это сложный стих, суть окончательно не ясна.

– А как тебе другая газель?

– Прочесть наизусть?

– Конечно...

Шаххандан начал декламировать вторую газель:

Лицо твоё на вешний сад походит,
На сад, когда цветёт гранат, походит.

С тобой разлука наша на шипы,
Что уколоть нас норовят, походит.

Твой лик божественный – Аллаха лик.
На взгляд Всевышнего твой взгляд походит.

На солнце светлый твой походит лик
И на восход, и на закат походит.

Нет на земле похожих на тебя,
Хоть, может, кто-то, говорят, походит.

Твои ресницы на лихих людей,
На тех, что по ночам шалят, походят.

Факих – святоша глупый, на осла,
Как будто бы на брата брат, походит.

Факих не радуется ничему,
Он на вместилище утрат походит.

Моя любовь на полную луну,
На звёзды, что в ночи горят, походит.

Сам Насими – сокровище, и он
На жемчуг, на бесценный клад походит.

(Перевод Н.Гребнева)

Сеид Али с изумлением поглядел на брата, восхищаясь его поэтической памятью, воображением, его нескрываемой любовью к поэзии, строгими вердиктами, не соответствующими его юному возрасту, его вкусом и рассудительностью.

– Хочешь, я раскрою тебе ещё одну тайну?

– Конечно, хочу, братец, – с готовностью отозвался Шаххандан.

– Вторая газель, которую ты прочёл, понравилась разбойникам и грабителям, о которых ты так нелестно отзывался.

У обоих на лице появились улыбки. Сеид Али, обняв брата, продолжил:

– Но ты пока не трогай первую газель, оставь, как есть. А теперь иди, перекусим и пойдём на кладбище. Позже мы не сможем навестить могилы родных из-за нашествия гостей...

* * *

По дороге на кладбище Сеид Али внезапно обернулся к Шаххандану и с любопытством спросил:

– А кто это ночью забрасывал наш дом камнями?

– А я думал, ты не слышал, – удивился Шаххандан.

– Я всё слышал, – ответил Сеид Али. – Просто ждал, чтобы увидеть, чем всё это закончится. А ты знаешь тех, кто бросал камни?

– Знаю... Это детишки с улиц...

– А зачем они это делают? Что, с ума посходили?..

– Они везде кричат о том, что ты – богохульник.

– Опять начались эти глупые разговоры? Они же дети, откуда им знать, что значит «богохульник» или «верующий»? Значит, эту мысль им в голову вбили взрослые...

– Конечно... Я даже знаю, кто вбил.

– И кто же?

– Мулла из медресе.

– Да, наверное, ты прав... Такие, как он, способны на это. К счастью, есть Ибрагим-шах, иначе невозможно было бы подступиться к Шемахе из-за этих диких мракобесов...

* * *

Наконец они прибыли на кладбище. Здесь, в этой земле, залитой ярким, щедрым солнечным светом, тихо и мирно лежали бок о бок люди, которые еще недавно враждовали не на жизнь, а на смерть. Сеид Али читал молитву над могилой матери. Внезапно он почувствовал на себе взгляды стоявших неподалёку людей, но не подал виду. В это время у входа на кладбище остановились два вооружённых всадника, они спешились, подошли к молле Зульфигару и что-то спросили у него. Молла указал на Сеида Али и Шаххандана. Вооружённые люди прошли по извилистым тропинкам

между могилами, подошли к братьям, и с почтением стали ждать, пока Сеид Али завершит чтение молитвы. Люди, бывшие на кладбище, с любопытством смотрели на них. Закончив читать молитву, Сеид Али поздоровался с ожидавшими его, и они некоторое время о чём-то тихо говорили. Затем вооружённые люди вернулись теми же извилистыми тропами обратно, сели на коней и уехали...

Сеид Али радостно обратился к брату:

– Ну что же, брат, готовься, вечером шах ждёт нас в гости.

Шаххандан слегка покраснел – заметив это, Сеид Али улыбнулся:

– Не бойся, родной, шах покровительствует нам. Ты знай, что я не богохульник и не безбожник. Наоборот, я верующий человек – во всех своих стихах я воспеваю веру в Аллаха, его величие. Поэтому тебе не нужно кого-либо остерегаться из-за моих творений – ни когда я рядом, ни в мое отсутствие.

Братья покинули кладбище и встали возле его ворот – у кладбища были всего одни ворота, и это было и входом на кладбище, и выходом. Среди прохожих были знакомые люди – некоторые здоровались, а некоторые молча, не обращая на них внимания, проходили мимо...

– Пошли домой, – сказал Сеид Али.

– Братец, я беспокоюсь за тебя, а не за себя, – сказал Шаххандан, когда они отошли от кладбища на приличное расстояние. – Если честно, со мной никто не враждует. Что касается уличной детворы, то их я отпугиваю именем двоюродного брата. Всё моё беспокойство – о тебе, так как богохульником считают не меня, а тебя. Я знаю, что ты ничем не заслужил такого прозвища, но люди-то не знают. Кто-то где-то проговорился, что ты – безбожник, и слухи разошлись, расползлись, как змеи. Твои газели и гасиды настолько сложны, мысли настолько глубоки, что безграмотный люд не понимает их и ему ничего не остаётся, как соглашаться, когда служители религии называют тебя богохульником.

Беседуя, они приближались к дому. Поэт всех поэтов прослезился:

– Родной мой, ты уже рассуждаешь как взрослый человек.

Шаххандан взглянул брату в глаза:

– Я вырос на твоих творениях и неоднократно переписывал священный Коран.

Не доходя до дома, Сеид Али вдруг предложил:

– Пойдём-ка на базар, посмотрим, что там... А тётя Гюльназ, наверное, уже пришла – приготовит что-нибудь, пообедаем. А вечером, иншаллах *(иншаллах – если на то будет воля Аллаха)*, нас ждут на пиршестве у шаха – посмотрим, чем нас угостит дворцовый повар...

– Братец, ты на самом деле собираешься отвести меня на пиршество?

– Конечно, ты ведь не случайный человек, а известный писарь! Мирза Шаххандан!

Оба воспрянули духом от этих слов.

Они прошли мимо харчевни, кузницы, мастерских портного, шапочника, медника и гончара. Сеид Али здоровался с каждым, кто шёл навстречу – кто-то отвечал, а кто-то молча кивал и проходил мимо. Внезапно возле мастерской шапочника появился мужчина с маленькой головой на длинной шее и обнял поэта всех поэтов. Это был словоохотливый мастер Суджаддин:

– Добро пожаловать, – радостно воскликнул мастер. – Я слышал, что ты и в Египте побывал... Скажи-ка, удалось ли шаху Салахаддину изгнать христиан из священных мест?

Сеид Али смущённо покачал головой:

– Мастер, всё это было давно и былью поросло. И потом – зачем тебе это? Ты лучше скажи, за сколько дней ты сможешь сшить для моего брата хорошую папаху?

Измерив взглядом Шаххандана, шапочник Суджаддин схватил его за руку и потянул за собой в лавку.

– Куда ты его повёл? – спросил Сеид Али.

– Сделаю замер головы и отпущу...

Усадив Шаххандана на дубовую табуретку, мастер поднял вверх три пальца, давая знать, что папаха будет готова через три дня.

Шаххандан вернулся к брату, и они прошлись по базару. Сеид Али купил масла, мёда, сливок, халвы, риса, шафрана, имбиря и корицы и наполнил ими корзину.

– А на что нам столько продуктов? – с удивлением спросил Шаххандан. – Ты же ещё утром накупил много чего...

– Ничего страшного, у нас могут быть гости... Пускай наше застолье выглядит побогаче... С нас не убудет.

Шаххандан то и дело оглядывался, дабы удостовериться, что никто не преследует брата. Внезапно он заметил странного пучеглазого юношу с луком и стрелами на плече – тот беспокойно дёргался, суетился. Почуяв неладное, Шаххандан не спускал с него глаз. Среди толпы опасаться было нечего, но будь они наедине, неприятностей было бы не избежать...

Сеид Али, не ведая о происходящем, беседовал с продавцами, шутил, смеялся...

На базаре было шумно, а голоса дервишей, читающих гасиды, заглушали все звуки вокруг. Они прохаживались между длинными прилавками и, увидев богачей или известных людей, не давали им прохода и, читая гасиду, знаками выпрашивали деньги...

Взглянув на переполненную корзину, Сеид Али спросил:

– Интересно, мы ничего не забыли?

Побледневший Шаххандан ответил:

– Конечно, забыли. Дай на ухо скажу. За тобой следит какой-то юноша с луком и стрелами на плече и, если честно, не думаю, что у него благие намерения. На местных он не похож – наверняка кто-то его послал следить за тобой, будь осторожен. – И добавил: – Послушай, братец, тебе лучше войти через переднюю дверь этой лавки и выйти через заднюю. Ступай домой, а я за тобой. А этот человек пускай ждёт тебя, сколько хочет...

Сеид Али вошёл в большую лавку Гаджи Мухтара, торговавшего шелком, и, выходя через заднюю дверь, задумался: «Значит, дело серьёзное. Меня уже преследуют. За время моего отсутствия здешние муллы настроили людей против меня. Вечером на пиршестве мне нужно будет обо всём рассказать Ибрагим-шаху, чтобы он что-нибудь предпринял – другого выхода нет. К счастью, эти негодяи не тронули до сих пор Шаххандана. Ну что здесь творится, что за мракобесие?!»

С такими невеселыми мыслями Сеид Али вернулся домой. Шаххандан дошёл до дома раньше, по прямой дороге, и уже ждал брата у дверей. Они вместе вошли во двор. Тётя Гюльназ уже прибралась в доме, навела порядок. В кастрюле дымилась вкусная еда.

Сеид Али обратился к Шаххандану:

– Интересно, кто этот сукин сын?

– Не знаю. По дороге я сообщил градоначальнику. Выяснят, кто это был, найдут его. Возможно, он понял, что мы его раскусили, и дал дёру... Кстати, братец, а ведь ты перепугался не на шутку... И правильно, надо быть осторожным... Тебе неплохо бы умыться...

Сеид Али умылся, вытерся чистым, белоснежным полотенцем и сказал:

– За всё это время твой брат встречал на пыльных дорогах столько преступников, и столько раз он смотрел смерти в глаза, что сейчас не каждый может напугать его. Просто мне стыдно быть затравленным и оскорблённым в родной Шемахе, на глазах у родственников, друзей и знакомых. И потом, я беспокоюсь за тебя.

Пятидесятилетняя тётя Гюльназ обняла и расцеловала его:

– Добро пожаловать, мой великан! Добро пожаловать, мой султан!

Шаххандан перебил женщину:

– Тётя, с великаном всё понятно, а при чём тут султан?

– А что ты думал?! – гордо ответила Гюльназ. – Мой сын – султан поэзии! Во всём Ширване нет более прославленного, именитого поэта, чем он! Ты думаешь, тётя Гюльназ безграмотная и ничего не понимает? Когда ты переписываешь его стихи, ты читаешь их вслух – неужели ты думаешь, что я глухая, не слышу их? Некоторые из них даже запечатлелись у меня в памяти:

Избави бог, чтобы моя душа
Роптала на тебя, о госпожа...

(Перевод Н.Глазкова)

Но есть стихи, смысл которых мне непонятен, так как ты употребляешь в них непонятные слова, чуждые нашему языку. Неужели нельзя писать на понятном для всех языке?

Замечание было верным, и Сеид Али покраснел. Шаххандан покачал головой:

– Вот видишь, братец? Об этом говорю не только я... Это мысли простолюдинки.

Сеид Али вытер слезу тыльной стороной правой руки:

– От этих правдивых мыслей мне и смешно, и обидно за себя.

Тётя Гюльназ решила прекратить этот разговор:

– Ну ладно, я пойду, займусь обедом. Вы наверняка голодны...

После обеда Сеид Али лежал на балконе на деревянной кровати, погрузившись в мысли. Он с сожалением думал о сегодняшнем происшествии; ведь окончательно решил навсегда вернуться на свою прекрасную родину – в Ширван, обзавестись семьёй и провести остаток жизни здесь, среди родных и близких, жить и творить на земле предков. Однако он сильно разочаровался, увидев, как ширванцы ополчились против него. Он просто не подавал виду, дабы не напугать своего брата – словно все произошедшее не было достойно внимания. Но на самом деле всё было довольно серьёзно и опасно. Шутка ли – следуют за тобой по пятам, клеймят богохульником... Значит, оставаться тут невозможно. Изменить взгляды, мнение невежественного народа не так уж и легко. Об этом, по крайней мере, должен принять решение муфтий или кадий и объявить его невиновным, провозглашая об этом в местах тесного скопления людей. Но и этого недостаточно – никто не может гарантировать, что в один не самый прекрасный день он не подвергнется на улице нападению какого-нибудь религиозного фанатика...

... Стоял один из долгих летних дней. Шаххандан занимался любимым делом – переписывал диван. Тётя Гюльназ мыла внизу посуду. Гачалан, положив голову на лапы, чутко дремал, временами вздрагивал.

Сеид Али проснулся ближе к закату. Вышел во двор, умылся и пожаловался Шаххандану:

– Кажется, я проспал... Приготовься, пойдём.

Они прошли по извилистым улицам, через кварталы, названные именами различных ремесленников, и наконец прибыли к высокой, роскошной ограде вокруг дворца Ширваншахов из красного кирпича. На смотровых башнях, установленных возле дворца, сторожили по два вооружённых человека. Сеид Али держал Шаххандана за руку и тянул к воротам дворца. Увидев это, молодой страж вскрикнул:

– Эй, стойте! Вы куда?

Указав на величественное здание дворца, Сеид Али вскрикнул:

– Во дворец!

Неопытный страж торопливо спустился со смотровой башни, схватился за меч и попытался перегородить им путь, но в это время главный охранник Латифи прошёл вперёд и буркнул на молодого:

– Пропусти их! Кажется, ты не узнал известного поэта Сеида Али Имадеддина Насими!

Молодой послушно попятился, услышав строгий упрёк. Сеид Али и Шаххандан вошли внутрь. Возле дворца копошилась дворцовая челядь в различных одеяниях – они шептались, суетились, давали друг другу поручения, что-то уносили и приносили. У лестницы стоял дворцовый служащий Абдулсалех Дербенди – увидев поэта, он поспешил к нему навстречу:

– Где ты пропадаешь, великий человек? То говорят, что ты в Каире, то в Дамаске, Халебе, Багдаде... А в Ширван когда прибудешь? Клянусь Аллахом, я глазам своим не верю. Имя твоё всё время на устах его величества – он то и дело говорит, что мотыльки обычно спешат на свет, а наш мотылёк избегает света.

Сеид Али хотел ответить ему, но Абдулсалех Дербенди перебил его:

– Что ж, добро пожаловать! Проходи во дворец – все гости и лично его величество Ибрагим-шах ждёт тебя.

Сеид Али и Шаххандан разулись у входа и прошли во дворец. Все гости были в сборе. Во главе, в свете остроконечных свечей, разукрашенных драгоценными камнями, сидел широкоплечий человек среднего роста и слушал стоящего рядом с ним человека в голубом одеянии. Увидев стоящего у дверей Сеида Али, он движением руки приказал всем замолчать, и громко позвал поэта:

– Сеид Али, прошу сюда!

Все присутствующие изумлённо обернулись к Сеиду Али и Шаххандану, на которых до сих пор никто не обращал внимания.

Шаххандан отошёл от брата, чтобы остаться на месте, не ходить с ним. Увидев это, Ибрагим-шах приказал:

– Приведи и брата! Столь талантливый каллиграф должен сидеть на почетном месте.

Сгорая от смущения, Шаххандан последовал за братом, ступая заплетающимися ногами по толстому ковру. Почувствовав смущение брата, поэт всех поэтов слегка сжал ему руку и тихо шепнул:

– Успокойся, возьми себя в руки. Шах – наш друг.

Когда братья подошли к Ибрагим-шаху, тот встал. Тут же встали и все присутствующие. Ибрагим-шах сперва поприветствовал Сеида Али, затем – Шаххандана, обнял обоих и обратился к поэту:

– Почему ты так равнодушен к своей родине, дорогой мой? Одиннадцать месяцев в году ты проводишь на чужбине – так хотя бы месяц побудь рядом с жителями Ширвана.

Увидев, что шах ждёт от него ответа, Сеид Али ободрился:

– Я скажу причину того, почему не остаюсь тут, если на то будет позволение вашего величества.

Ибрагим-шах сначала обратился к присутствующим:

– Садитесь, – сказал он и сел сам, указав место Сеиду Али и Шаххандану. – Во-первых, скажи мне – вот ты приехал несколько дней назад, так почему же не навещаешь нас? Да и самого тебя найти невозможно...

На лице Сеида Али появилась улыбка:

– Ваше величество, ваш покорный слуга прибыл в Шемаху лишь вчера вечером, а сегодня первым делом прибыл на это пиршество. Не является ли это знаком уважения к вашему величеству?

– Ну уж нет, – усмехнулся правитель, услышав эти слова. – Меня не проведёшь. Этим утром ты навестил старое кладбище, а затем побывал на шемахинском базаре.

Сеид Али, удивившись осведомлённости Ибрагим-шаха, решил не упускать удобного случая:

– Значит, вы уже знаете, что утром я успел сходить на старое кладбище и навестить могилы родителей, а оттуда пошёл на базар. Получается, вы осведомлены и о том, что меня всюду преследуют недоброжелатели, а по ночам наш дом закидывают камнями.

– Не может быть! О чём он говорит? – промолвил Ибрагим-шах и с изумлением взглянул на сидящих рядом с ним мусаллима и кадия. Мусаллим Мугтадир Огуз, словно ожидая этого разговора, решил прояснить ситуацию:

– Да, ваше величество, поэт прав. Некогда один из его недоброжелателей злонамеренно пустил слух, что, якобы, Сеид Али Имадеддин Насими является богохульником, врагом Ислама, противником Аллаха. Это не что иное, как гнусное проявление зависти...

Кадий Фазли Фаридзаде снял папаху и вытер платком выбритую голову. Увидев, что Ибрагим-шах ждёт объяснения и от него, он принял озабоченный вид:

– Всё верно, ваше величество. Дело в том, что Гаим Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Бахлули...

– А кто такой Бахлули? – перебил его Ибрагим-шах.

– Ширван кишит поэтами, ваше величество, – ответил кадий. – Их не счесть. Каждый, кто умеет срифмовать пару слов, норовит называться поэтом. Бахлули – один из таких самозванцев.

– И что потом?

– А потом эти проходимцы всюду болтают всякую ерунду, настраивают невежественный народ против поэта.

– Но на каком основании ?

– Нет ничего трудного в том, чтобы искажать сложные, неоднозначные и замысловатые строки поэта, ваше величество!

– Ну, допустим, – кивнул Ибрагим шах, – и что теперь надо делать, чтобы предотвратить всё это?

Мусаллим Мугтадир Огуз ответил:

– Естественно, выделять для поэта отдельную охрану бессмысленно, так как это может вызвать у людей лишние подозрения – дескать, настолько сильно поэт согрешил, что повелитель обеспечил его охраной. Лучше всего вывести эти наглые выдумки на чистую воду на собраниях и площадях, уничтожить их – а для этого необходимо распространять стихи и газели поэта, воспевающие величие Аллаха, Ислама, священного пророка.

Ибрагим-шах с иронией обратился к придворным:

– Пока вы будете разгуливать по собраниям и пытаться изменить мнение людей, читая стихи, какой-то негодник сделает своё чёрное дело и навредит поэту, – сказав это, Ибрагим-шах взглянул на кадия Фазли Фаридзаде.

– Ваше величество, эти вопросы уже в полномочиях Мугтадира Огуза.

Мусаллим Мугтадир Огуз слегка поклонился Ибрагим-шаху и провёл рукой по чёрным, кудрявым волосам:

– Ваше величество, в таком случае прошу дать мне пару дней – я обязательно найду тех, кто чернит и позорит поэта, и брошу к вашим ногам.

Ибрагим-шах с довольным видом подкрутил кончики усов:

– Вот это другое дело, – произнес он и взглянул на Сеида Али: дескать, не беспокойся, теперь всё в порядке. Затем протянул руку к большому блюду на длинных стеклянных опорах, взял горсть чёрного изюма и подал знак Фарруху, стоящему возле дверей. Не прошло и минуты, как вошли юноша и девушка в голубом и красном одеяниях, с удом и каноном *(Уд, канон – восточные струнные музыкальные инструменты)* в руках и, усевшись на плоские подушки, устремили ожидающие взоры на Ибрагим-шаха. Ибрагим-шах подал знак, и юноша начал медленно играть на уде, затем к нему присоединилась девушка с каноном...

Увидев, что гостям музыка нравится, Ибрагим-шах обратился к Сеиду Али:

– А теперь слово за тобой, – сказал он, – Покажи, за что тебя невзлюбили шемахинские бездарные поэты.

Сеид Али от удовольствия прикрыл глаза. Это было сладкое, божественное мгновение. Немного помолчав, он начал читать свою газель, попадая в ритм звучания уда и канона:

Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова,
Забудь незрелых дум разброд, – вино в кувшинах бродит снова!
«Внемли, – мир тайн ко мне воззвал, – здесь все твое: уста красавиц,
И хмелем брызжущий фиал, и сад, расцвеченный пунцово!»
Пусть суфий чистый хмель не пьет – не обращай к нему укоров:
Ему дан высший дар щедрот – осадок, пенная основа!
Порог торгующих вином дыханием Исы овеян,
Иди за данью в этот дом – под сень их благостного крова!
Радетель истинной красы! Вкуси багряного настоя –
Стал купой роз огонь Мусы, и соловей поет бедово.
Что вечный век для головы, любви не ведавшей вовеки?
Такие головы мертвы, а мертвый груз таскать не ново!
Не дремлют недруги твои, твой каждый грех подстерегают -
О сердце, горе затаи, о тайне мук моих – ни слова!
О, пей же, мудрый весельчак, под звуки чанга, уда, ная, –
«Прекрасна радость райских благ!» – взывает глас господня зова.
К чему, душа, пустой вопрос, как я страдал минувшей ночью, –
Да только ли вчера от слез терзался в муках я сурово?
Дай, кравчий, суфию вина – у нас в чертоге исцеленья
Вином навек исцелена душа глупца и пустослова.
О Насими, пока ты пьешь, уста возлюбленной лобзая,
Ты перед ханжеством святош главу не склонишь бестолково!

(Перевод С.Иванова)

Сеид Али с наслаждением прочёл стих до конца и медленно опустил голову.

Гости вздрогнули от восклицания Ибрагим-шаха:

– Какая прелесть!

К чему, душа, пустой вопрос, как я страдал минувшей ночью, –
Да только ли вчера от слез терзался в муках я сурово?

И, тихо аплодируя поэту, добавил:

– И после этого ты удивляешься, почему этот бедолага Гаим Ширвани, несчастный Ахмед Кесиреддин, полоумный Бахлули хотят тебя убить? Да ты же сам их уничтожаешь своим творчеством, заживо хоронишь.

Гости встретили эти слова Ибрагим-шаха бурными аплодисментами. В это время один из придворных – хозяин каравана Ярахмед – нашёл в себе смелость высказать своё мнение:

– Ваше величество, смысл некоторых строк нам непонятен. С вашего позволения, попросил бы поэта разъяснить эти строки.

– А какие именно строки? – спросил Сеид Али.

– Например, строки, где упоминается Иса.

Сеид Али взглянул на Ибрагим-шаха:

– С вашего позволения...

– Конечно, прошу...

Сеид Али повторил эти строки:

Порог торгующих вином дыханием Исы овеян,
Иди за данью в этот дом – под сень их благостного крова!

Все гости замерли в ожидании объяснения.

– Здесь нет ничего непонятного, – принялся объяснять Сеид Али. – Я обращаюсь к тем, кто скептически относится к моим словам, и говорю, что все мои слова пропитаны дыханием пророка Исы. Ибо в священном Коране говорится, что дыхание Иисуса способно воскресить мертвеца. Но на этих скептиков это дыхание не подействует, так как они не склонны воспринимать истину, не в силах признавать её.

Гости вновь поаплодировали поэту. Ибрагим-шах обратился к Ярахмеду:

– Голова твоя хоть и небольшая, но работает на славу, размышляет.

Гости разразились смехом. Рассмеялся и сам Ибрагим-шах.

– Прочти ещё одну газель! – обратился он к поэту.

Сеид Али приложил ладонь к глазам в знак повиновения и кивнул музыкантам. Те начали играть мугам «Шуштар», да так искусно исполнили, что поэт, позабыв обо всём на свете, окунулся в таинственный, колдовской мир мугама. Музыкант, играющий на уде, подал ему знак, и поэт начал чтение:

Где те друзья, что верно держат слово?
Где сердце, что правдивым быть готово?

Где в этом мире сердце без изъяна,
Где есть динар без блеска показного?

Где тот, кто доказать сумеет людям,
Что нет к неправде в его сердце зова?

Где тот поборник чести, чтущий правду,
Чьей речи молвить истину не ново?

Как отыскать такую из жемчужниц,
Где был бы жемчуг редкого улова?

Где тот, кто служит истине любовно,
Где тот, кто справедливость чтит сурово?

Кто не хмелён от зелья зла и кривды,
Чья голова среди хмельных здорова?

И где блюститель слова и обета,
Достойный похвалы от славослова?

Да где же в мире, о, творец, муж чести,
В ком тайн-сокровищ спрятана основа?

Кто праведным – наперсник в сокровенном?
Кто горемыкам в бедах – вместо крова?

Где тот Мансур, кто, верой предан правде,
Готов на смерть от жребия лихого?

И если Насими стал другом другу,
Что за печаль ему от остального!

(Перевод С. Иванова)

Поэт кончил читать и воцарилась тишина. Ибгарим-шах нахмурился. После недолгого молчания он обратился к поэту:

– Твой мятежный дух проявляется именно в этой газели – она полна бунтарства. Причём ты выбрал эту газель в такт с ритмом «Шуштара». Обвинил эпоху в неверности, весь мир – в ненадёжности и вероломстве. Ты имеешь на это право, так как поэт – это непоколебимый дух своего народа, и он всегда должен стремиться к вершинам. Вот ты говоришь: *Где в этом мире сердце без изъяна...* На мой взгляд, словами «без изъяна» ты скрываешь свою истинную мысль. Но в этом нет необходимости. Поэтому я бы попросил тебя изменить эту строку следующим образом: *Где в этом мире сердце без обмана...*

Сеид Али с удивлением взглянул на Ибрагим-шаха.

– Можно ли так? – смущенно спросил шах. – Не нарушает ли это стихотворный ритм?

Поэт улыбнулся:

– Нет, не нарушает.

Гости вновь поаплодировали Ибрагим-шаху.

– Естественно, все эти аплодисменты посвящены великому поэту, – улыбнувшись, скромно промолвил правитель.

Затем Ибрагим-шах обратился к сидящему у дверей придворному в тюбетейке:

– Махмуд Каракурт, награду поэту и его брату!

Махмуд Каракурт вскочил с места и торопливо исчез за дверью. Пиршество продолжилось до поздней ночи...

* * *

А в это время в далеком горном селе Шемахи, в застеклённом доме, окружённом высокими деревьями, проходило собрание, организованное хозяйкой дома – богатой Рабией-хатун.

За трапезой сидели двенадцать человек разного возраста в разном одеянии и спокойно пили вино и шербет. Шестеро из них были поэты, а остальные – муллы, кудесники, цирюльники и лоту.

По предложению круглолицого Бахлули с вечно красными глазами Рабия-хатун принесла Коран, положила на него руку и торжественно провозгласила:

– Клянусь священным Кораном – никогда, нигде и никому не раскрою эту тайну и не перестану преследовать Имадеддина Насими до тех пор, пока этот гнусный богохульник не будет брошен в темницу или убит.

После Рабии-хатун руку на Коран поочерёдно положили местные поэты – Бахлули, Гуламали, Гаим Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Таджаддин Ширвани, Маил Фадаи, а затем – мулла Рухнаддин Халили, Сеид Магомед, цирюльник Насреддин Забани, кудесник Юсиф Сабаи и лоту Исфандияр Гутлуг – и повторили слова хозяйки дома. Когда очередь дошла до лоту Камала Маруфа, он неожиданно заплакал.

– Что с тобой, сынок? – заботливо спросил самый пожилой среди присутствующих, Гаим Ширвани.

– Дядя Гаим, я боюсь. Я не могу клясться на священном Коране!

Увидев, как Камал Маруф проливает горькие слёзы, присутствующие удивлённо переглянулись. Длиннобородому мулле Сеиду Магомеду стало жалко его:

– Ну ладно, успокойся, не плачь, сейчас подумаем, что можем сделать...

Но увидев, что лоту Камал Маруф разрыдался ещё громче, мулла Сеид Магомед обратился к инициатору и руководителю собрания Гаиму Ширвани. Опытный Гаим, немало повидавший на своём веку и на протяжении многих лет игравший на свадьбах на зурне, ласковым тоном обратился к Камалу Маруфу:

– Сынок, Камал, возьми себя в руки и успокойся. Здесь нет ничего страшного. Коран – священная книга, символ истины и справедливости. Как может лоту бояться

богохульника? Не бойся – подойди, положи руку на Коран и повтори мои слова.

Но Камал Маруф не переставал плакать. Рабия-хатун, которой эта выходка Камала вконец надоела, обратилась к присутствующим:

– Ну ладно, оставьте его в покое, у меня сердце не выдержит. Придумайте что-нибудь другое...

– Тогда, сынок, – Гаим Ширвани положил руку ему на плечо, – не нужно клясться на Коране. Просто повтори наши слова!

– Слушаюсь!

Камал Маруф опустился на колени и робко оглянулся. Затем, вытерев слёзы тыльной стороной ладони, поспешно повторил услышанные слова:

– Клянусь могилой отца – никогда, нигде и никому не раскрою эту тайну и не перестану преследовать Имадеддина Насими до тех пор, пока этот гнусный богохульник не будет брошен в темницу или убит.

То, как Камал Маруф поспешно, с излишней готовностью повторил клятву, вызвало смех у гостей. Известный своей вероломностью Гаим Ширвани, округлив глаза, потряс пальцем перед его носом:

– Ты до сих пор много раз клялся могилой своего отца, но ни разу не сдержал клятву. Но на этот раз не отвертишься... Если не будешь держать язык за зубами и проговоришься где-нибудь о нашем собрании, я собственными руками придушу тебя и отправлю к твоему отцу, – пригрозил он.

– Ты что, дядя Гаим, ты же знаешь меня...

– Да, я хорошо тебя знаю! Потому и предупреждаю!

Высказавшись, Гаим Ширвани уселся и, сердито наполнив бокал вином, залпом выпил. Вытерев усы платком, он перешёл к делу:

– Покуда этот подлый прохвост жив и находится в Шемахе, спокойной жизни и шахских пиршеств нам не видать. Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Двенадцать человек, находящихся в доме, повторили его слова, как заклинание:

– Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Услышь кто-нибудь посторонний эти страшные восклицания где-нибудь на безлюдной ночной улочке, то от страха убежал бы, куда глаза глядят...

– Мой отец и мой дед зарабатывали на жизнь стихами – с нескрываемой злостью промолвил Гаим Ширвани. – Но теперь этот гнусный богохульник отнял у нас хлеб, прикрывая свои подлые мысли красивыми словесами и чаруя не только народ и правителей Ширвана, но и всех восточных эмиров и придворных. Поэтому я твёрдо решил: Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Двенадцать участников собрания вновь повторили эти слова:

– Имадеддин Насими должен или умереть, или быть выслан из Ширвана!

Затем Гаим Ширвани обратился к толстоусому кудеснику Юсифу Сабаи, прослывшему во всем Ширване «колдуном»:

– Когда намечается наше первое мероприятие?

Юсиф Сабаи, прежде чем ответить, наполнил бокал вином и, прикрыв глаза, выпил залпом. Затем, поцеловав бокал, ответил:

– В одну из ближайших ночей... Мы вонзим стрелу в дверь дома Имадеддина Насими. И это будет стрела строгого предупреждения.

Гаим Ширвани обратился к присутствующим:

– Ну ладно, а кто же вонзит эту стрелу?

Неожиданно Камал Маруф встал и, ударяя себя в грудь, воскликнул:

– Я хочу вонзить стрелу!

На лице у Гаима Ширвани появилась улыбка:

– Вот это другое дело!

После этих слов Камала Маруфа у гостей отношение к нему, рыдавшему и отказывающемуся поклясться на Коране, резко поменялось.

Гаим Ширвани вновь обратился к гостям:

– Ну ладно, а что потом? А если Имадеддин Насими не обратит на это внимания, чем тогда всё это обернётся? Что мы дальше будем предпринимать?

В разговор вмешался Ахмед Кесиреддин:

– Пока что нам поручили сделать только это. И того, кто это сделает, ждёт щедрая награда, которая будет вручена ему на очередном собрании.

– Совершенно верно, – подтвердил его слова Гаим Ширвани. – Наставник сам поручил передать эти слова всем вам.

– Дядя Гаим, – Камал Маруф встал, – а когда мы увидим наставника? Когда мы накажем этого богохульника, – продолжил он, понизив голос, – Ибрагим-шаха?

– Тише... – грозно взгянул на него Гаим Ширвани. – Сядь! Не забывай, что петуху, кукарекующему до рассвета, отрывают голову. Во-первых, мы не сможем увидеть наставника до тех пор, пока...

– Пока... что? – Камал Маруф вытянул шею в ожидании ответа.

– Пока этот деревенщина не будет свержен с престола...

У однокомнатного дома, одна из стен которого была общей со стеной базара, дверь открывалась во двор. В комнате напротив друг друга сидели двое: мусаллим Мугтадир Огуз с каменным лицом, на которое было страшно смотреть, и лоту Камал Маруф.

– Ну, Камал Маруф, расскажи, с чем пришёл? Что они задумали? Какова их дальнейшая цель?

Камал Маруф, который ещё вчера проливал горькие слёзы в доме Рабии-хатун и прикидывался дурачком, сейчас был в совершенно ином облике и болтал без передышки:

– Всё прошло так, как мы и хотели. Сегодня вечером я должен вонзить стрелу в дверь дома Сеида Али Имадеддина Насими.

– С какой целью?

– Чтобы напугать и предупредить его.

– Чего они хотят добиться?

– Они хотят изгнать его из Шемахи или же, при возможности, убить. Поэты Ширвана приняли это решение единогласно. А намерение наставника совершенно иное.

Камал Маруф промолчал, глядя на каменное, ничего не выражавшее лицо мусаллима Мугтадира Огуза.

– Иное? – переспросил мусаллим Мугтадир Огуз. – Какое же?

– Наставник намеревается свергнуть этого деревенщину с престола.

– Ясно, – мусаллим потёр подбородок и прищурился. – А известно ли, кто такой этот наставник?

– Это известно только поэту Гаиму Ширвани, он сам признался.

– Мы должны заклевать их, не торопясь, по одному. Скажи мне – ты в детстве видел, как твоя мать перебирает рис?

У Камала Маруфа потеплел взгляд:

– Конечно! – ответил он. – Видел много раз.

– И как она это делала?

– Она сыпала на один край подноса рис и убирала сор и камушки на другой край.

– То есть очищала рис от сора. Именно это будем делать и мы. Ты этой ночью сходи, вонзи стрелу в дверь дома поэта. Не беспокойся – его мы предупредим. Наши

люди следят за членами вашего собрания, наблюдают, мы знаем, где они видятся, о чем говорят... Как только мы выявим крупную рыбу, в ту же ночь заточим всех в темницу, в том числе и тебя.

У Камала Маруфа округлились глаза. Не желая его пугать, мусаллим Мугтадир Огуз смягчился:

– Не бойся – наши люди тебя знают, ты свой человек. Они создадут условия, чтобы ты сбежал. А теперь ступай, займись делом.

* * *

Вечером в дверь дома Сеида Али постучались.

– Кто там?

Раздался детский голос:

– Открой!

– А кто ты?

– Мирхас.

– Какой ещё Мирхас? – Шаххандан отворил дверь.

За дверью стоял мальчик лет тринадцати-четырнадцати в тюбетейке и поясе из красного сукна. Шаххандан удивился:

– Чего тебе? – спросил он.

– Меня прислал мусаллим... – шепнул мальчик.

– Мусаллим?

– Да, мусаллим Мугтадир Огуз.

Услышав беседу, Сеид Али подошёл к ним:

– Что тут происходит, дружище?

Осмотревшись, мальчик шепнул:

– Этой ночью в дверь вашего дома вонзят стрелу. Меня прислали предупредить вас, чтобы вы не беспокоились.

Сообщив это, как ему было велено, мальчик убежал.

Сеид Али взглянул на Шаххандана:

– Ну что, братец, ситуация сложная... Получается, что и мусаллим, и глава правопорядка знают обо всём, но отчего-то не спешат что-либо предпринять. Значит, нам надо быть осторожными. Но сидеть дома целый день не получится – нужно сходить на базар, потом ещё найдутся дела... Кроме того, вчера я сообщил мусаллиму, что собираюсь сходить в мечеть на пятничный намаз.

Шаххандан побледнел:

– А ты не боишься, что возникнут неприятности?

– Нет, мне незачем бояться – те, кто за мной следит, так же, как и я, находятся под слежкой...

* * *

Рано утром возле дверей Сеида Али собралась толпа. Люди изумленно смотрели на вонзённую в дверь стрелу.

Кто-то спросил:

– Сеид Али, что бы это значило?

Сеид Али, зевая, попытался отшутиться:

– Это всё дети... Проказники, дразнят Шаххандана.

Увидев безразличное отношение хозяина дома к произошедшему, толпа разошлась.

– Братец, даже несмотря на это предупреждение, ты собираешься в мечеть?

– Конечно!

– Тогда и я с тобой!

– Что ж, пойдём вместе, я не против.

Они вышли во двор и заперли дверь. Гачалан спокойно лежал возле конуры, положив голову на лапы.

Сеид Али погладил пса:

– Эх, Гачалан, Гачалан... Ты неисправим... По ночам спать не даёшь, а сейчас дрыхнешь...

Гачалан встал, потянулся и залаял, словно подтверждая слова хозяина.

– Говорит, ты прав... – пояснил, смеясь Шаххандан. – Моя работа ночью, а лаять – моя постоянная обязанность.

Сеид Али с удивлением взглянул на Шаххандана:

– И всего двумя лаями он сказал столько слов?

– А как же?! Каждый лай собаки – это несколько предложений.

– Ты это сам выдумал или слышал от кого-то?

– Конечно, сам выдумал.

Поэт покачал головой:

– Ей-богу, ты смышлён не по годам – похвальная сообразительность...

После полудня братья отправились в мечеть в селении Сарыторпаг. В мечети было полно людей, пришедших на пятничный намаз. Сеид Али заметил в толпе своего старого друга Гара Гаплана Секмена и подошёл к нему. Друзья обнялись. В это время мулла Захир ибн Салех прошёл сквозь толпу на своё место, расстелил небольшой коврик с печатью и джанамазом и, обернувшись, взглянул на людей – дескать, приготовьтесь, начнём вместе.

Справа от Сеида Али стоял Гара Гаплан Секмен, а слева – Шаххандан. Промолвив «Ла Илаха Иллалах», они шёпотом повторили слова муллы и приступили к намазу. Не прошло и десяти минут, как внезапно встали со своих мест двое юношей, спустя мгновение встали ещё двое и попытались напасть на братьев. В руках нападавших блеснули кинжалы, и в мечети поднялись крики.

Один из нападавших, окруженный толпой, осознав, что пройти дальше ему не удастся, с размаху швырнул двухклинковый кинжал в стоящего спиной к нему Сеида Али. Размах был несильным, но оружие всё же долетело до цели. От внезапного удара поэт пошатнулся, но не упал. Шаххандан испуганно вскрикнул. В мгновение ока злоумышленников схватили и скрутили. Люди тут же окружили поэта. Гара Гаплан Секмен обратился к замершему от неожиданности мулле:

– Ничего страшного! Принеси чистый лоскут!

Затем взглянул на Шаххандана:

– Этот хитрец знал, что может случиться что-то подобное, поэтому привязал к спине войлок. Он его и спас – клинок не вонзился в спину.

– А откуда тогда кровь? – плача от страха, спросил побледневший Шаххандан и подобрал брошенный кинжал преступника. – Если бы не войлок, то клинок проколол бы лёгкие....

Обоих преступников связали, и когда их уводили, те крикнули в сторону поэта:

– Подлый богохульник, в этот раз тебе удалось спасти свою поганую жизнь! Но будь уверен – в следующий раз ты сдохнешь как собака!

Не обращая внимания на боль, поэт помахал рукой им вслед:

– *О ты, богохульником меня назвавший!*

Я не богохульник! Люблю я! Постыдись!

Затем поэт обратил свое побледневшее лицо к Гара Гаплану Секмену и, пытаясь улыбнуться, сказал:

– Конечно, я знал... Куда бы я ни шёл, я стараюсь быть осторожным, уберечься от покушений. Но я не ожидал, что этот подлец так метко прицелится...

Гара Гаплан Секмен остановил фаэтон для поэта и его брата, а сам вернулся в мечеть и продолжил прерванный намаз.

По дороге Сеид Али шепнул брату:

– Мусаллим Мугтадир Огуз говорил мне о возможности чего-то подобного... Интересно, а откуда он знал об этом?

– Это он тебе посоветовал привязать к спине войлок?

– Нет, это я сам придумал...

– А он не кусал тебе тело в такую жару?

– Нет, под войлок я надел льняную рубашку.

– А почему ты мне не говорил об этом?

– Во-первых, я не знал, что покушение обязательно произойдёт. Во-вторых, не хотел тебя пугать.

– Ладно, а кто прислал охрану?

– Конечно же, мусаллим Мугтадир Огуз.

– А если бы они опоздали, что тогда?

– Это судьба... Что мы можем поделать?

Фаэтон мчался то по песчаным, то по каменистым дорогам Шемахи, поднимая пыль. Молодому Шаххандану нравился стук колёс и подков.

– Братец, а куда делся кинжал? - спросил он поэта. – Я видел его – он был острым, как бритва...

– Ну да... Не будь он острым, не пробил бы войлок.

– Больно?

– Конечно. Дома надо будет поменять повязку. Попрошу тётю Гюльназ, чтобы смазала рану.

Когда фаэтон доехал до их дома, Сеид Али и Шаххандан увидели, что большая толпа соседей, услышав о происшествии, собралась возле их ворот...

* * *

Заговорщиков долго не держали – после коротких расспросов их заточили в темницы неподалёку от Галайбугурта. Мусаллим Мугтадир Огуз думал, как их наказать, и наконец, сел на коня и направился во дворец, чтобы узнать мнение Ибрагим-шаха по этому поводу.

Ибрагим-шах собирался отдохнуть после обеденной трапезы. Узнав, что мусаллим Мугтадир Огуз прибыл с важной вестью, он разрешил ему войти в комнату отдыха.

Когда мусаллим Мугтадир Огуз вошёл в комнату отдыха, Ибрагим-шах лежал, облокотившись на подушку, и листал толстую книгу. Не вставая с места, правитель спросил:

– Какие новости?

Подробно рассказав о произошедшем, мусаллим Мугтадир Огуз сказал:

– Я пришёл, чтобы узнать ваше мнение о том, как поступить с этими двумя преступниками.

После недолгих раздумий Ибрагим-шах вздохнул и произнес:

– Честное слово, я даже не знаю, какое наказание им назначить... Если казнить, то муллы провозгласят, что они шехиды во имя религии. Если держать в темнице, то остальные бандиты, узнав, что преступники живы и недостаточно наказаны, тоже начнут покушаться на жизнь поэта. Лучше всего посоветоваться с самим поэтом, и пусть он сам скажет, какое наказание будет справедливым.

Мусаллим Мугтадир Огуз, недовольный в душе решением шаха, всё же не посмел перечить ему и, поклонившись, удалился. По дороге он решил послать кого-нибудь к Сеиду Али и оповестить его о словах правителя. Он вызвал правоохранителя Хейраддина.

– Если не ошибаюсь, Сеид Али Имадеддин Насими приходится тебе племянником, не так ли?

– Совершенно верно, многоуважаемый мусаллим. Однако мы видимся довольно редко – можно сказать, раза два в год.

– Очень плохо! Это нехорошо с твоей стороны! Ты же знаешь, что он – один из самых ярких, талантливых и почитаемых личностей Ширвана; его творения передаются из уст в уста во всех тюркских и персидских землях. А ты без стыда и зазрения совести признаёшься, что редко видишься с ним. Неужели ты опасаешься невежд?

– Вы правы, господин мусаллим, я признаю свою ошибку.

– Возьми эту бумагу и сейчас же передай племяннику. Пускай он напишет ответ на этой же бумаге и вернёт через тебя. Я жду.

Хейраддин забрал бумагу, вышел и вскочил на коня. Дорогой он лихорадочно соображал, чем объяснить Сеиду Али своё отсутствие в течение столь долгого времени, чтобы тот не обиделся. Его мучали угрызения совести.

На стук к двери подошла тётя Гюльназ:

– Кто там?

– Это я, сестра!

Тётя Гюльназ открыла дверь. Хейраддин привязал коня во дворе и вошёл в дом.

– Как давно тебя не было... Какими судьбами, Хейраддин?

– Я знал, что услышу этот вопрос. Ей-богу, так сильно заработался, что никак времени не мог найти.

Пока Хейраддин беседовал с Гюльназ, Шаххандан, увидев дядю, удивился, подошёл к нему.

Хейраддин радостно обнял племянника:

– Ну что, племянничек, позабыл ты дядю! Никак не наведаешься, о здоровье не справишься...

– Ей-богу, каждый раз, встречая Джамаледдина, спрашиваю о тебе. А что, он не передаёт тебе, что я справлялся?

– Конечно, передаёт... Спасибо... А как поживает Сеид Али? Я слышал, что он приехал... А почему не ищет родного дядю? Я-то занят ворами и карманниками, а он-то что?

Услышав это, Сеид Али вышел во двор, и поняв, что дядя пытается свое упущение свалить на них, улыбнулся:

– Дядя, мы – люди маленькие, это ты должен нас искать.

Хейраддин направился к племяннику:

– Да кто я такой... Слава Аллаху, твоё имя знают и стар, и млад, оно известно и на Западе, и на Востоке.

Шаххандан предложил дяде сесть.

– Дядя, кажется, ты что-то хочешь сообщить, – сказал Сеид Али. – Я слушаю тебя...

– Совершенно верно, – ответил Хейраддин. – Мне есть, что сказать.

Достав из кармана сложенную вчетверо бумагу, он протянул её Сеиду Али:

– Это передал господин мусаллим Мугтадир Огуз, он немедленно ждёт ответа.

Сеид Али развернул бумагу и, внимательно прочитав, задумался.

– Сейчас напишу, – промолвил он наконец и унёс бумагу в дом. Через пять минут вернулся и, сложив бумагу так же, как было, протянул дяде.

Получив ответ от Сеида Али, мусаллим Мугтадир Огуз направился в темницу и, следуя письму поэта, получил у заговорщиков расписку о раскаяньи, в которой преступники, выходящие на свободу, признались, что не имеют никакой личной вражды к Сеиду Али и покушались на него по поручению наставника, которого сами они не видели никогда в жизни. Единственным человеком, знающим имя наставника, был мусаллим Мугтадир Огуз!..

* * *

В доме Рабии-хатун проводилось очередное совещание заговорщиков – поэтов Ширвана. Члены группировки во главе с Гаимом Ширвани были сильно обеспокоены сложившейся ситуацией. Во-первых, потому, что Сеид Али Имадеддин Насими всё ещё был жив и здоров, находился в родной Шемахе, посещал дворцовые собрания и, как говорил Ахмед Кесиреддин, получал награды за свои богохульные стихи, направленные против религии.

Гаим Ширвани сразу перешёл к сути вопроса:

– Господин Кесиреддин, дело в том, что этого человека каждый раз спасает случай. Вы только представьте – на глазах у охраны мусаллима Мугтадира Огуза ему в спину вонзается кинжал, а он остаётся жив. Говорят, будто бы под чуху он надел войлок – иначе кинжал отправил бы этого богохульника в преисподнюю...

– Надел войлок? В такую жару? – усмехнулся Камал Маруф, которого все присутствующие считали придурковатым.

Гаим Ширвани взглянул на него округлёнными глазами – Камал Маруф тут же замолчал и прикрыл рукой рот.

Рабия-хатун вошла в комнату и поставила на скатерть вино и айран. Затем она коснулась тюбетейки на голове у Камала Маруфа и сердито взглянула на Гаима Ширвани:

– Не смей обижать моего сына!

Разумеется, она неспроста ласково обращалась с Камалом Маруфом, которого называла «сыном». Гаим Ширвани, не подавая виду, что понял её, сменил тему:

– Ну ладно, теперь давайте обсудим, как мы можем устранить этого подлеца?

Длинноволосый и пышнобородый Гуламали, похожий на дервиша, выпил пиалу шербета и воодушевлённо промолвил:

– О Гаим, двое наших самоотверженных героев поклялись священным Кораном и отреклись от нас. Теперь я не знаю, что предпринять? Кто впредь будет выполнять поручения?

– Насчёт людей не беспокойся, Гуламали! Есть немало моджахедов и фанатиков Ислама, готовых отдать свою жизнь ради богоугодного дела. Но мне в голову пришла мысль: может, мы сами как-нибудь попытаемся устранить его? Пусть поднимут руку те, кто согласен. Если это не удастся, то найдутся еще соображения… хоть отбавляй...

Многие согласились с этим решением. Гаим Ширвани взглянул на человека с круглой и жёлтой, как айва, головой – цирюльника Керима Забани:

– На этот раз твоя очередь, о, мастер бритв!

Цирюльник Керим Забани судорожно сглотнул, и уставился на мясистое лицо Гаима Ширвани:

– А что я могу поделать, Гаим? Я же простой человек, брадобрей...

– А что среди нас делает простой человек? И потом – ты можешь обращаться с острой бритвой...

Цирюльник Керим Забани понял, к чему клонит Гаим Ширвани, и, побледнев, невольно покачал головой.

– Это очень опасная затея, Гаим! Люди узнают и закидают меня камнями...

– Не бойся, тебя вовремя спрячут.

– А потом? – не унимался цирюльник. – Как я потом вернусь в Шемаху, покажусь на люди?

– Если не сможешь вернуться в Шемаху, то уедешь в Баку.

– А как же мой дом, семья, дети?

Тут вмешался в разговор поэт Таджаддин Ширвани:

– Это невыполнимая затея. Вы разве не знаете, что Сеида Али Имадеддина Насими всегда бреет его брат? А наставник знает об этой нашей затее?

– Нет, – признался Гаим Ширвани. – Это моя личная инициатива. И потом, если даже вы поддержите наше решение, его можно будет осуществить только с согласия наставника.

Он наполнил бокал вином, жадно выпил и закусил жареным миндалём. Воцарилась тишина. Наконец Гаим Ширвани вытер рот платком с цветочными узорами и продолжил:

– Меня удивляет вот что: его словно оберегает какая-то таинственная сила, кто-то оповещает его о наших намерениях, – он помолчал, обвёл взглядом всех присутствующих и, колеблясь, нерешительно предложил: – Может, нам отравить воду в их колодце? Хотя это может навредить и его невинному брату Шаххандану, который совершает богоугодные дела. И потом – я не знаю, согласится ли на это наставник? Как вы думаете?..

Собрание длилось до поздней ночи... Гости разошлись, так и не придя к общему решению. Расходясь, договорились собраться снова через два дня...

* * *

Сеид Али сидел во дворе в тени дерева и читал «Джавиданнаме». Временами он ненадолго закрывал глаза и погружался в раздумья.

Шаххандан сидел на балконе и переписывал сборник стихов. Наблюдая за братом, он то качал головой, то улыбался и делал выводы про себя: «Наверно, раздумывает над премудростями учителя».

Шаххандану не нравилось это произведение Наими – возможно, потому, что его сознание ещё не было готово воспринимать изложенные в нём суждения. А его брат – поэт всех поэтов – просто обожал эту книгу, никогда не расставался с ней и листал её всегда, даже передвигаясь на верблюде по пустыне.

Неожиданно Шаххандан услышал голос Сеида Али:

– Какие новости о Хусние?

– А с чего это вдруг ты вспомнил про Хуснию?

– Она мне приснилась этой ночью... Интересно, как мы можем найти её?

– Говорят, она каждый четверг бывает на кладбище.

В это время из гостиной послышался голос тёти Гюльназ:

– Помойте руки и идите обедать.

Стояла полуденная тишина, которую порой нарушал лишь треск крыльев стрекоз. Под дуновением ветра на землю падали поспевшие сочные груши. Сосед, пышноусый Джабраил, погрузившись в свой никому не ведомый мир, напевал «Баяты-кюрд». Гачалан возле конуры, урча, разгрызал кости. Соседка, тётя Бановша, громко звала Махмудали. Было обеденное время, и почти во всех домах Шемахи люди готовились к трапезе. Сеид Али и Шаххандан помыли руки и поднялись на балкон.

* * *

На следующий день, ближе к полудню Сеид Али и Шаххандан, придя на кладбище, встретили двух женщин в паранджах. Это были Хусния и Сальминаз.

Сальминаз, увидев прибывших, обратилась к Хусние:

– Посмотри-ка, кто пришёл?

Одной рукой придерживая паранджу, Хусния расчищала детскую могилу от сорняков. Обернувшись, она взглянула на Сеида Али – они долго смотрели друг на друга.

– А твой любимый даже не состарился, – промолвила Сальминаз. – Клянусь Аллахом, мне кажется, что он всё ещё холост из-за тебя... А почему ты так покраснела?

– Перестань, прошу тебя, не надо на меня наговаривать.

– Клянусь Аллахом, я это искренне говорю, поверь мне!

Хусния не знала, что люди наставника уже встретились с Сальминаз и тайно поручили ей возродить и воспламенить любовные чувства Хуснии к поэту, не зная даже, что в этом не было нужды, – их сердца и без того полыхали неистовой любовью друг к другу на протяжении многих лет.

Сеид Али взволнованно промолвил Шаххандану под взглядами любимой:

– Всё, братец, я пропал!

– Очень зря! Она смотрит на тебя с такой же искренней любовью, как и ты на неё. Вам только нужно скрепить ваш союз.

– Нет, братец, я уже не в силах читать молитву... Лучше вызови муллу Рамазана, пусть он прочтёт.

– Конечно, вызову...

А Сальминаз в это время подзадоривала Хуснию:

– Ей-богу, он же сохнет по тебе. Я не понимаю, чего ты ждешь...

– Довольно, Сальминаз, это уже ребячество с твоей стороны... Я же не могу ни с того ни с сего пойти и броситься к нему в объятия!

С трудом сдерживая смех, Сальминаз шепнула:

– Ну пойми же ты наконец – он не решается посылать сватов. Нам как-то надо дать ему понять, что ты согласна...

И вдруг, вспомнив о чём-то, она радостно вскрикнула:

– Придумала! Тётя Гюльназ! – и, прищурив глаза, взглянула на подругу: – Значит, все эти годы ты, будучи замужем, хранила его в своей душе?...

Лицо Хуснии горело алым пламенем.

– Клянусь Кораном, – виновато промолвила она. – Я и сама не понимаю причину.

Сальминаз достала серебряную монету и протянула мулле, читавшему молитву. Затем обратилась к Хусние:

– Отныне вы не можете жить врозь, – настойчиво произнесла она. – Это будет большим грехом перед Аллахом.

– Сальминаз, мне не подобает такое! Я и с места не сдвинусь, пока он сам не подойдёт ко мне с признаниями.

– А я для чего?! Так всё устрою, что сами «спасибо» скажете...

– Нет, прошу тебя, не нужно вмешиваться в открытую...

– Ты что, с ума сошла? Ты хоть помнишь, сколько тебе лет? Ты не сравнивай себя со мной – меня «любят» исключительно ради моего богатства. А тебя любят от всей души – причём, любит столь известный человек. Не беспокойся, беру это на себя, твоя сестра всё устроит. Пойдём, нам пора...

Хусния перебросила свои длинные косы на спину, закрылась паранджой и направилась к выходу с кладбища.

Поэт, не в силах оторвать взгляд от отдаляющейся любимой, шептал про себя:

Пусть те глаза, что незнакомы с ней,
Совсем не видят мира и людей.
Забудешь обо всех благоуханьях,
Вдыхая аромат её кудрей.

Не успел Шаххандан запомнить эти строки, как Сеид Али начал читать следующие:

От локонов ее кудрявых, пышных,
Становится на сердце веселей.
Коль от любви истлеет наше тело,
Наш прах о той любви расскажет ей.

(Перевод Н.Глазкова)

В ответ на горестные признания поэта Шаххандан потянул его за полу чухи, и тихо сказал:

– Если ты захочешь, она мигом прибежит к тебе...

– Ты о чём, братец?

– А что, я не прав? Ты разве не видел, как страстно она смотрела на тебя? Ты лучше поделись своими чувствами с тётей Гюльназ!

Беседуя, Сеид Али и Шаххандан пошли домой. Но тёти Гюльназ нигде не было. На верхней полке стенного шкафа лежало письмо – видимо, она попросила кого-то из соседских детишек написать его: «Сынок, я приболела. Плохо себя чувствую, ушла домой. Всё приготовила для вас».

Сеид Али швырнул письмо на тахту:

– Вот видишь? Я же говорил, что этой мечте не сбыться... Весь мир против меня!

– Ну ладно, не делай из мухи слона. Она же ушла не навсегда, завтра придёт.

Но Гюльназ не пришла ни завтра, ни послезавтра...

* * *

В тот день дома у Рабии-хатун вновь проводилось собрание. От шума и галдежа закладывало уши. Гости бурно обсуждали любовную историю Сеида Али, ставшую притчей во языцех по всему городу. Каждый выдумывал своё, высказывал свои досужие домыслы. Большинство озлобленных поэтов хотели испортить, навредить любовным отношениям Сеида Али и Хуснии.

Сорокалетний поэт из Баку Абдулла Камиль, рано поседевший и выглядевший намного старше своего возраста, облокотился на красную шелковую подушку и пробормотал:

– Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы какой-то богохульник, нарушивший наш покой и всюду порочащий наши имена, обрёл счастье и жил припеваючи.

– Мы не можем действовать вопреки указанию наставника, – грозно промолвил лоту Исфандияр, пролив на скатерть вино.

Поэт Абдулла не унимался:

– Наставник не будет против, если мы примем единогласное решение.

– Ну хорошо, Абдулла Камиль, скажи – что плохого этот человек сделал лично тебе?

Абдулла Камиль с удивлением оглянулся на присутствующих:

– Что значит – «что плохого сделал»? Этот человек занимается богохульством и, отождествляя себя с Богом, пишет:

Я божие сиянье, райский сад,
И ангел я, и страж у райских врат.
Я – «каф» и «нун», начало всей Вселенной,
Сура Корана и её айат.

Человек, сравнивающий себя с Аллахом и священным Кораном, и обожествляющий какую-то женщину, сравнивая её внешность с красотой Вселенной, является врагом каждого из нас.

– Господин Абдулла Камиль, – на этот раз к нему обратился Мулла Сеид Магомед, – неужели в ваших стихах нет ни одной строки, воспевающей красоту и в то же время противоречащей религии?

– Да простит меня Аллах! – Абдулла так хлопнул себя по колену, что на этот раз пиалу с шербетом уронил Юсиф Баба. Воцарилась тишина.

Наконец Гаим Ширвани вынес вердикт:

– Пока что наставник не давал нам поручения по поводу того, чтобы навредить Сеиду Али Имадеддину Насими, Хусние или служанке Гюльназ. Повторяю – никто из присутствующих здесь не испытывает к этому богохульнику Имадеддину Насими такой сильной неприязни, какую испытываю я. Его газели, гасиды, двустишия лишили нас всех хлеба насущного, и больше всего от этого пострадал я, так как до него я был придворным поэтом. Наша главная цель: изгнать этого богохульника из Ширвана раз и навсегда. А служанку Гюльназ надо строго-настрого предупредить, чтобы она никоим образом не вздумала налаживать отношения Имадеддина Насими и Хуснии.

– Ну ладно, допустим, мы перетянули на свою сторону служанку Гюльназ, даже спрятали её на несколько дней, а как же её сын? – спросил лоту Камал Маруф.

– Им займёшься лично ты.

– Каким образом?

– Спрячешь его у себя дома.

– А если он спросит про мать?

– Скажешь, что Имадеддин Насими отправил её по важному делу в Баку.

Абдулла Камиль, который всё это время с недовольным видом слушал, вновь вмешался в разговор:

– Ну ладно, допустим, Имамеддин Насими не встретится с Хуснией... И что из этого?

– Я не знаю, что из этого, но полагаю, что от наставника поступит важное поручение касательно Имадеддина Насими. После этого всё и выяснится.

– Неужели сам наставник встретится с ним?

– Нет, он передаст свое решение через цирюльника Керима Забани. Господа, на сегодня всё!

– Я не понимаю, почему наставник так церемонится с этим богохульником, – сказал Абдулла Камиль и, допив вино, встал.

Рабия-хатун проворчала вслед ему:

– Кто этот прожорливый хвастун? С какой стати он ведёт себя так нагло?

Гаим Ширвани взял тетрадь и, направляясь к дверям, ответил:

– Его послали из Баку, он прибыл на наше собрание с особым поручением.

* * *

Братья ждали тётю Гюльназ до самого вечера. Но только ближе к ночи один из соседей сообщил, что женщина и её сын пропали без вести. Сеид Али томился в тревоге, проклиная судьбу. Он уселся на лестнице и погрузился в раздумья.

– Ладно, не мучайся, – попытался утешить брата Шаххандан.

– А как нам узнать причину? У кого узнать точные сведения?

– Например, о чём?

– О состоянии Хуснии...

– Рано утром я пойду и всё разузнаю.

Ночь выдалась душная, ни малейшего дуновенья ветерка. Сеид Али и Шаххандан лежали на балконе, но у братьев сна не было ни в одном глазу. Поэт, томясь в печали, всю ночь терзался одной мыслью: если бы не поддержка Ибрагим-шаха, то его, Сеида Али, или убили бы, или изгнали бы из города. А если с Ибрагим-шахом что-то случится или он уедет на некоторое время, то что будет с ним? Ну вот, служанку похитили... Интересно, не убили ли бедняжку? Завтра в любом случае что-то выяснится. А пока необходимо оповестить мусаллима Мугтадира Огуза. Но время в этой ночной духоте словно замерло, утро никак не хотело наступать...

Сеид Али уснул лишь ближе к утру...

В отличие от брата, поэт, утомлённый ночными волнениями, проснулся довольно поздно. Открыв глаза, он торопливо поднялся и воскликнул:

– Шаххандан!

Со двора раздался голос:

– Я здесь!

– Уже полдень! Почему ты не разбудил меня?

– Меня не было дома, я пришёл только что...

– А где ты был? – тревожно спросил Сеид Али.

Шаххандан многозначительно покачал головой:

– Я же ночью обещал тебе... Я был у Хуснии.

– Ты шутишь? – воскликнул поэт. – Не может быть!..

– Честное слово, не шучу.

– Смог увидеть Хуснию?

– Конечно... А зачем я ходил?

– Интересно... И о чём вы говорили?

– Вкратце: обо всём...

Поэт поспешно оделся и спустился во двор:

– А теперь по порядку – о чем вы беседовали?

Шаххандан протёр лоб:

– Я сказал ей: «Ты знаешь, что мой брат сходит по тебе с ума? Даже не спит по ночам...» Она взволновалась, покраснела... И призналась честно, открыв свое сердце: «Я тоже люблю его и согласна выйти за него замуж. Но при одном условии…»

Сеид Али вздрогнул, сердце его бешено забилось.

– А что за условие? – спросил он, стараясь взять себя в руки.

– Её условие таково, чтобы после женитьбы вы никогда не покидали Шемаху.

– А ты что ответил?

– Я ответил, что ты согласен, так как приехал навсегда.

– Ты так ответил, не узнав моего мнения?

– Братец, своё мнение ты выразил в день приезда, ты обещал жениться. И потом, кто тебе дороже – мюриды Халеба или Хусния?

Сеид Али только сейчас заметил, что на голову брат накинул женский платок.

– А это что? – с удивлением спросил он.

– А ты не понял? Как иначе я мог тайком подступиться к замку Сальминаз-хатун?

– У меня просто слов нет, – вздохнул Сеид Али. – А теперь расскажи всё по порядку.

– Значит, рано утром в двери замка Сальминаз-хатун стучится молоденькая девушка. Как ты уже понял, эта девушка – я.

Дверь открывает здоровенный слуга и спрашивает:

– Тебе кого, девушка? Что тебе нужно?

– Сестричка Хусния заказывала кольцо, вот я и принесла.

– Отдай мне, я передам.

– Не отдам! Мне приказали передать ей лично в руки.

Смерив девушку взглядом, слуга говорит:

– Хорошо, подожди-ка здесь, – и удаляется.

Хусния причёсывалась в своей комнате. Раздаётся стук в дверь.

– Войдите, – говорит она.

В комнату входит слуга:

– Прошу прощения, – говорит он, – какая-то девушка принесла заказанное вами кольцо.

– Какое ещё кольцо? – с недоумением спрашивает Хусния, но, сразу же поняв, в чём дело, поспешно говорит: – Да, я вспомнила... Скажите, пускай принесёт.

Слуга по имени Баламирза удаляется. Спустя некоторое время открывается дверь, и «девушка» входит в комнату.

Шаххандан внезапно вышел из роли, когда пересказывал в лицах свое приключение, и продолжал нормальным голосом:

– Хусния сразу же поняла, что я – парень, и, рассмеявшись, сказала:

– Я узнала тебя... Видела тебя рядом с Сеидом Али... Ты его брат?

– Да, – ответил я, сняв с головы платок. – Меня зовут Шаххандан, я брат любящего вас Сеида Али Имадеддина Насими.

Хусния весело рассмеялась.

– Тот самый Шаххандан, – продолжил я, – который до мозолей на пальцах переписывает стихи брата, посвящённые вам.

Хусния с улыбкой взглянула на меня:

– Сестра, – обратился я к ней. – Вы прекрасно знаете, что мой брат любил вас ещё во время учёбы в медресе. А из Халеба в Шемаху он приехал, мечтая встретиться с вами. Вчера он был сильно взволнован, когда увидел вас на кладбище. Думаю, было бы неплохо, если бы вы встретились. А о том, где и когда вы встретитесь, вы можете сообщить письмом...

Сказав это, я вновь накинул платок и, выходя, встретился у дверей с Сальминаз-хатун.

– Ой, кто эта девушка? – с удивлением воскликнула Сальминаз.

– Здравствуйте, и всего доброго, – промолвил я женским голосом и поспешно вышел во двор.

Слуга долго провожал меня взглядом, я чувствовал этот взгляд у себя на затылке, когда уходил – видимо, он что-то заподозрил. Тогда я обернулся и помахал ему рукой...

– Ясно. – Сеид Али покачал головой. Чувствовалось, что напряжение у него немного спало. – А какие вести о тёте Гюльназ? – внезапно вспомнив, спросил он.

– Наверно, скоро появится, – неуверенно ответил брат.

До вечера от тёти Гюльназ не было никаких вестей.

Наконец Шаххандан, не выдержав, отправился к ней домой. Немного спустя во двор вошла маленькая девочка. Гачалан залаял, а Сеид Али, прикрикнув на пса, подошёл к ребёнку:

– Деточка, ты кто? Что тебе надо?

– Дяденька, вы – Сеид Али? – спросила девочка.

– Да, это я. А что?

Девочка достала клочок бумаги и протянула ему:

– Это вам. От Хуснии...

У Насими пересохло в горле. Взяв листок дрожащими пальцами, он поблагодарил девочку и торопливо пошел к дому. Обернулся – девочки уже не было.

Он развернул адресованное ему первое любовное письмо, где крупными буквами было написано: «Завтра, во вторник, ближе к вечеру постучись в дверь красного кирпичного дома, расположенного за женской баней Гаджи Вейсала». И всё. Всего одно предложение. Не было даже подписи...

* * *

День близился к вечеру. Азан Гаджи Азима разносился по всему кварталу, и поэту, пребывающему в грёзах, казалось, что по небу движется не розовый караван облаков, а нарядный паланкин Хуснии. Ну вот, невеста – писаная красавица мира – выходит из паланкина и направляется к нему, поднимается по ступеням, но ступеньки никак не заканчиваются. Наконец солнце исчезает за горизонтом, и вместе с ним исчезают и розовые грёзы...

Может, это всё мираж или один из снов, приснившихся ему в дороге, в далёких пустынях Сирии? Нет, клочок бумаги – письмо – было у него в руке, и он невольно шепнул:

Хоть и беден Насими, не имеет он богатства,
Но взамен он наделён искренней твоей любовью...

* * *

Внезапно открылась дверь, оторвав поэта от грёз, и Шаххандан вошёл во двор.

– Ну что, ты нашёл тётю Гюльназ?

– Да, она ужинала вместе с сыном.

– Слава Аллаху! А где она была все эти дни?

– Завтра придёт и сама всё расскажет.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– А что ещё ты хочешь услышать?

Увидев письмо в руке у брата, Шаххандан очень удивился.

– А что это у тебя в руке? – и, взглянув на покрасневшего брата, продолжил: – Неужели письмо от твоей любимой Хуснии? Дай-ка сюда...

Поэт протянул листок брату. Шаххандан прочёл краткое письмо и радостно вздохнул:

– Вот видишь? Сватовство оказалось удачным... Но я не знаю, как это воспримут поэты Ширвана, как они переживут это? Сколько бы мы ни скрывали, рано или поздно эта тайна раскроется.

– После того, как всё станет явью, всё образуется...

– Нет, братец, зависть и коварство никогда не исчезают. Эти качества умирают лишь вместе с человеком...

– На меня клевещут поэты. Ты только представь: оказывается, в Шемахе каждый третий сапожник, каждый четвёртый цирюльник и каждый пятый банщик – поэты.

– Братец, я, кстати, далеко не в восторге от воспеваемого тобой хуруфизма.

– Почему же? – спросил Сеид Али. – Я впервые слышу от тебя такое признание...

– Ей-богу, это бессмыслица... Многократно переписывая священный Коран, я выучил наизусть почти все его суры. И ни в одной из них не указано, что имя Аллаха запечатлено на лице человека.

Сеид Али не на шутку рассердился, но не показал вида и попусту спорить с братом не стал.

А Шаххандан беззаботно продолжал:

– Ты пишешь, якобы, на лице у человека имеются семь черт: две брови, четыре ряда ресниц и волосы. Ну и что? Ещё есть усы, борода, подбородок, губы... Ей-богу, это все пустое.

– Братец, всё это сказано и написано не раз и не два и разошлось по всему миру... – тихо, подавляя поднимавшуюся в душе ярость, промолвил поэт.

В это время открылась дверь, и тётя Гюльназ вошла во двор. Шаххандан поспешно принёс для неё табуретку:

– Садись, тётенька, и расскажи поподробнее, где ты была все эти дни?

– Вы не поверите, если расскажу... Мне и несчастному моему сыну завязали глаза и усадили в фаэтон. Мы даже не поняли, кто они, и куда нас везут. И они сами скрывали свои лица платками.

– А почему вы не кричали, не звали на помощь? – взволнованно спросил Шаххандан.

– Они приставили кинжал мне в бок и предупредили, что убьют и меня, и сына, если я хоть пикну. И обещали отпустить нас живыми и невредимыми, если я выполню их требования.

– И что же они требовали? – спросил Шаххандан.

– Требовали, чтобы я передала Сеиду Али, что если он вздумает жениться на Хусние, они его убьют.

Шаххандан удивился:

– И это всё?

– Да, родной.

– Они могли бы сказать это и дома.

– Нет, – оторвавшись от мыслей, промолвил Сеид Али. – Они хотят напугать и тётю Гюльназ, и нас, и показать нам свою силу... Я расскажу об этом случае мусаллиму Мугтадиру Огузу или самому Ибрагим-шаху, чтобы они что-то предприняли. Ибо ничего хорошего всё это не сулит.

* * *

На следующий день Сеид Али сел в фаэтон и направился во дворец. Всю дорогу он бормотал про себя: «Этих наглецов нужно поставить на место, иначе в следующий раз они могут причинить зло Хусние».

Фаэтонщик слышал, как поэт что-то бубнит про себя, и время от времени оборачивался и молча смотрел на него...

Сеид Али вышел из фаэтона возле дворцовых ворот. Увидев его, охрана тут же переполошилась, оповещая дворцовых слуг о прибытии поэта.

По приказу главного надзирателя внутренней службы ворота открылись, и за ними появился длинноший советник Дербенди. Удостоверившись, что прибывший действительно Сеид Али, Дербенди сделал знак стоявшему рядом с ним придворному.

Сеид Али прошёл внутрь и по мраморной лестнице поднялся наверх. Не промолвив ни слова, советник Дербенди сдал его тайному сотруднику приёмной комнаты Мелику Гызылбашу. Попросив гостя подождать, тот удалился.

В просторной, нарядной комнате, украшенной ширванскими коврами, Ибрагим-шах, стоя на маленькой стремянке, брал и рассматривал стоявшие на полках книги. Увидев, как открылась дверь, правитель спустился со стремянки.

– Проходи, Мелик Гызылбаш! Что случилось?

– Прибыл Имадеддин Насими, ваше величество!

– Так рано? Странно...

– Говорит, что по важному делу...

– Ну что ж, впусти его.

Мелик Гызылбаш вышел к ожидавшему у порога Имадеддину Насими и сказал:

– Проходи, государь ждёт тебя.

Сеид Али вошёл к шаху.

– Какими судьбами, поэт, в такую рань?

Слегка поклонившись, Сеид Али сразу же перешёл к сути дела:

– Я в безвыходном положении, ваше величество! Даже не знаю, что мне делать...

– Расскажи, что случилось?

– Вчера похитили нашу служанку...

– То есть, как похитили? – шах удивленно уставился на поэта.

– Вместе с сыном... Им завязали глаза, чтобы они не видели, куда их ведут.

– И что потом?

– Позднее и служанку, и сына отпустили.

– А какова была цель похитителей?

– Они хотели надавить на меня. Они требуют, чтобы я навсегда покинул Шемаху.

– Вот как... – задумчиво промолвил Ибрагим-шах, затем грозно крикнул в сторону дверей: – Мелик, сейчас же вызови ко мне мусаллима Мугтадира Огуза!

– Слушаюсь, – промолвил стоявший у дверей Мелик Гызылбаш и отправился выполнять поручение правителя.

Ибрагим-шах, улыбаясь, взял Сеида Али под руку и подвёл к книжным полкам:

– Незадолго до твоего прихода я искал книгу сирийца Абуль Фараджа. Он наш современник – очень умный, глубокий мыслитель. Ты знаком с его творчеством?

– Знаком, – ответил Сеид Али. – В Халебе я даже встречался с одним из его преемников.

Ибрагим-шах с изумлением улыбнулся:

– Даже так? Счастливчик! Наверно, он так же умён и мудр, как его предшественник?

– Совершенно верно! Он большой учёный...

Беседуя о поэтах и учёных Халеба и Дамаска, Ибрагим-шах и Сеид Али медленно направились к входной двери и оказались на полукруглом крытом балконе.

– Как хорошо, что ты пришёл, – сказал Ибрагим-шах. – Пообедаем вместе. Трапеза ждёт нас.

– Я совсем недавно перекусил, ваше величество... – ответил Сеид Али.

– Так рано? Ты, кстати, вроде, холост... – сказал шах и тоном, не терпящим возражений, добавил: – Садись!

Сеид Али сел. Не успели они промолвить «Бисмиллах» перед обедом, как дверь открылась, и за ней тихо, как тень появился Мелик Гызылбаш:

– Мусаллим Мугтадир Огуз по вашему приказанию прибыл, ваше величество!

– Пусть войдёт!

Сказав это, Ибрагим-шах отправил в рот кусок хлеба, намазанный маслом и мёдом, и поэт с удивлением заметил на руке бывшего пахаря следы от мозолей. Ведь за эти годы Ширваншах с лёгкостью мог избавиться от мозолей...

Это говорило о том, что государь отнюдь не стеснялся своего прошлого, когда собственными руками возделывал и пахал землю...

С удовольствием жуя хлеб, Ибрагим-шах возобновил беседу:

– Мне нравятся несколько анекдотов Абуль Фараджа. Один из них я часто вспоминаю и каждый раз не могу удержать смеха.

Догадываясь, какой именно анекдот имеет в виду правитель, поэт всё же, в знак уважения желая показать свою заинтересованность, спросил:

– А какой анекдот?

В это время в комнату вошёл мусаллим Мугтадир Огуз и поклонился.

Улыбка исчезла с лица Ибрагим-шаха в одно мгновение.

– Ты хоть знаешь, какие события происходят в городе? – грозно спросил он.

– Знаю, ваше величество! – ответил мусаллим.

– Если знаешь, тогда доложи...

– В городе появился отряд заговорщиков против Имадеддина Насими.

– А ты стоишь в стороне и наблюдаешь, да? – с иронией отметил Ибрагим-шах. – Ждёшь, чтобы в один прекрасный день похитили и тебя?

– Нет. Я выжидаю время, чтобы выявить их личности.

– И как? Выявил?

– Разумеется...

– И кто же они?

– Поэт Бахлули, Ровшан Ягуби, Гуламали, Гаим Ширвани, Таджаддин Ширвани, Ахмед Кесиреддин, Мулла Халил, цирюльник Забани, кудесник Юсиф Сабаи, лоту Ис-

фандияр Гутлук, а также поэт Абдулла Камиль, который приехал из Баку пару дней назад и примкнул к ним.

– Ясно, – сердито возвысил голос Ибрагим-шах. – Если сегодня эти люди посмели так открыто, без зазрения совести покушаться на величайшего поэта Ширвана, то кто может гарантировать, что завтра они не совершат ещё более тяжкое преступление? Почему же тебе не наказать их, не заточить в темницу?

Мусаллим Мугтадир Огуз покраснел, но, не подав виду, что рассержен, принялся спокойно объяснять:

– Ваше величество, среди них имеются мои верные люди, которые регулярно оповещают меня обо всех их намерениях.

– Что ж, отлично! Тогда скажи, какие шаги они намерены предпринять?

– Пока что их единственная цель – помешать воссоединению поэта с любимой женщиной и добиться его изгнания из города. Этого с особым усердием требует Абдулла Камиль от имени бакинских поэтов.

Услышав это, шах с улыбкой обратился к Сеиду Али Имадеддину Насими.

– Значит, ты собираешься жениться? Что ж, поздравляю! Заранее скажу – очень мудрое решение.

Сеид Али смутился. Ибрагим-шах, не отрывая от него взгляда, добавил:

– Прекрасное решение – поддерживаю! – и вновь обратился к мусаллиму Мугтадиру Огузу приказным тоном: – Сегодня же все эти заговорщики должны быть заточены в темницу. Ноги – в кандалы, и никого к ним не впускать!

– Слушаюсь! – поклонившись, ответил мусаллим Мугтадиру Огуз. – Сегодня же ночью все они будут сидеть в темнице.

– А почему ночью? Днём нельзя?

– Ваше величество, сейчас они – кто где, их надо разыскать, найти, преследовать, задержать... Одних возьмем, остальных спугнем, спохватятся, скроются... А ночью заберём всех их по одному, комар носа не подточит...

– Ну хорошо, я понял... Как только выполнишь приказ – сообщи мне!

– Слушаюсь!

– Можешь идти! – шах отпустил мусаллима и обратился к Сеиду Али: – Как ты думаешь, долго ли ещё Гара Юсиф и Мираншах будут грызть друг другу глотку?

– Думаю, да... Они никак не угомонятся...

– Очень плохо... Казна опустошается, все деньги уходят на войну. Жаль, что у меня сейчас встреча с иностранными послами – иначе поговорили бы мы с тобой вволю... Если бы ты знал, как сильно я нуждаюсь в мудрых наставлениях. Ну ничего, в другой раз... Но смотри – не забудь пригласить на свадьбу!

– Да какая свадьба в моём возрасте, ваше величество? – шутливо ответил поэт.

– Не прибедняйся... Ты ещё достаточно молод!

* * *

Поздно вечером Сеид Али с душевным трепетом постучался в дверь дома, указанного Хусниёй. Из дома раздался долгожданный, такой милый голос:

– Кто там?

– Это я, Сеид Али.

Дверь слегка приоткрылась.

Они встретились как юные любовники. Сели напротив друг друга при свете свечи и долго молча, не в силах оторвать взглядов, смотрели друг на друга. Внезапно поэт всех поэтов поднял голову и что-то прошептал.

– Что это ты шепчешь про себя? – спросила Хусния.

– Я благодарю Аллаха за сегодняшний день, за то, что мои частые желанные

сны сбылись. И за то, что подарил мне тебя, такую молодую и красивую.

– Значит, будь я старше, ты бы не полюбил меня?

– Я бы полюбил тебя любую. Слышишь?

Коль нет тебя, мне небосвод зачем?
Мир этот или даже тот зачем?

– И что дальше? – счастливая Хусния закрыла лицо платком с цветочным узором.

– Тянусь я лишь к тебе, и без тебя мне
Всё то, что вянет иль цветёт, зачем?

– И всё?

– Твой чистый взгляд я вижу в каждом взгляде,
Всё так, и доказательств гнёт зачем?

– И это всё? – Хусния, смеясь, словно ребёнок, дразнила поэта.

– Я за тебя бы отдал оба мира,
И думать, что нас дальше ждёт, зачем?

– Это всё? – смеялась Хусния

– Я – Насими, тобою опьянённый,
Мне кабала других забот зачем?

(Перевод Н.Гребнева)

– Ну ладно, о, Насими, мною опьянённый, теперь ответь мне – как теперь быть твоей любимой? Весь Ширван враждует с тобой. Где мы сможем при таких обстоятельствах построить дом, создать семейный очаг, чтобы быть вдали от твоих врагов?

– По приказу шаха этой ночью все мои враги будут заточены в темницу.

– Все твои враги? Ты хоть знаешь, сколько их? Целое полчище! Боюсь, в темницы они не вместятся. Люди Сальминаз ежедневно передают нам все известия, услышанные в мечетях, на поминках, на базаре...

Сеид Али оторвал взгляд от мотыльков, кружащихся вокруг свечи и падающих с опаленными крыльями.

– Ничего страшного, – ответил он. – Что-нибудь придумаем. Мы поженимся...

– Когда?

– Сегодня!

– Я не знаю, что будет… Очень боюсь… – она с тревогой взглянула в лицо поэта, на котором даже в полутьме отчётливо читалось волнение. – Может, уедем в Дербент? Там у меня надёжные родственники. Да и жильём будем обеспечены.

– Дербент, Шемаха, Баку... какая разница?.. Я боюсь, как бы нам не пришлось уехать подальше... Но пока не будем торопиться – посмотрим, что предпримет Ибрагим-шах...

Сеид Али взглянул на Хуснию и продолжил:

– А разве ты не думаешь так же, как я? Если мы вместе – для нас везде родина, где бы мы ни жили...

– Хорошо, договорились. Свидетель у меня есть. Завтра в это же время приходи вместе со своим свидетелем и муллой...

* * *

Поэт Гаим Ширвани оглядел гостей, сидевших полукругом, и собирался сесть сам, как внезапно во дворе начал громко лаять пёс. Присутствующие насторожились. Пёс не умолкал, лаял всё громче. Гаим Ширвани вышел в коридор и слегка приоткрыл дверь – в комнату вошли Рабия-хатун и незнакомый мужчина. Минуту спустя гости услышали, как Гаим Ширвани начал громко спорить с этим незнакомцем, и внезапно в комнату ворвались несколько вооружённых людей. Они скрутили присутствующих, связали им руки. Шум и возгласы присутствующих потонули в грозном крике мусаллима Мугтадира Огуза:

– Вы арестованы, как члены секретной организации, действующей против государства!

– Наше собрание никак не связано с деятельностью государства, – отовсюду послышались протесты и возражения.

– Так может, вы собрались сюда молиться, совершать намаз?

Строгим взглядом мусаллим Мугтадир Огуз уставился на заговорщиков.

– Абдулла Камиль, ты ведь прибыл сюда из Баку для того, чтобы читать свои газели, не так ли?

Побледневший поэт Абдулла Камиль замер, как истукан. Его толкнули в спину и только тогда он произнёс:

– Совершенно верно! Мы нередко организуем поэтические собрания.

– Поэтические собрания? – мусаллим Мугтадир Огуз, погрозив, чуть не воткнул свой длинный палец ему в глаз. – Иди сюда! Вытряхни все из кармана!

– Пожалуйста... несколько серебряных дирхамов... и всё...

– А что это за бумага? Дай сюда!

– Я впервые вижу эту бумагу.

– Наверно, это твоя жена положила тебе в карман ночью, когда ты спал.

Мусаллим Мугтадир Огуз обратился к стоящему рядом с ним стражнику:

– Бекир!

– Слушаю!

– Всех в темницу, а этого подлеца – прямиком на виселицу!

– Клянусь Аллахом, я ничего не знаю об этой бумаге! – в страхе крикнул Абдулла Камиль и разрыдался.

Мусаллим Мугтадир Огуз обратился к стражнику, уводящему бакинского поэта:

– Стой! – затем обратился к Абдулле Камилю. – Признавайся – с каким преступным намерением ты прибыл в Шемаху?

– Да, я прибыл в Шемаху с намерением… намерением… Но клянусь священным Кораном – ничего против государства я не задумывал.

– Но всё же, какое-то намерение у тебя было...

– Да, такое же, как и у всех.

– И каково намерение всех? Скажите, чтобы мы знали...

– Или убить, или изгнать из города богохульника Имадеддина Насими...

Мусаллим Мугтадир Огуз влепил Абдулле Камилю увесистую пощёчину:

– Молчать, собака! Кто ты такой, чтобы выносить приговор человеку, которому и в подмётки не годишься? – Затем обратился к стражнику: – Пока что его тоже в темницу!

Когда заговорщиков вывели во двор и усадили в тележку, выяснилось, что лоту Камал Маруф сбежал.

– Как это сбежал? – мусаллим Мугтадир Огуз так грозно крикнул, что со страху у стражника пересохло во рту. – Сейчас же обшарить все и найти Маруфа. Он понадобится нам на допросе!..

* * *

На следующий вечер возле дома Сальминаз-хатун, расположенного за женской баней Гаджи Вейсала, остановился фаэтон. Из фаэтона вышли трое – шемахинский кадий Абдулвахаб, известный купец Гара Гаплан Секмен и поэт Сеид Али Имадеддин Насими. В доме сидели две женщины, на лица которых падал неяркий свет свечи: одна из них была Сальминаз-хатун, а другая – красавица Хусния.

Гости поздоровались, женщины учтиво встали.

– Ахсан аль-халигуллах! – промолвил кадий Абдулвахаб и едва заметно улыбнулся.

Хусния, соблюдая традиции, спрятала лицо в красный шёлковый платок. Гара Гаплан Секмен неприлично долго глядел на Сальминаз-хатун, пока Сеид Али не ткнул его локтем.

На столе лежал священный Коран, а вокруг большого кувшина с шербетом были расставлены пять хрустальных пиал.

Наконец Гара Гаплан Секмен сказал:

– Прошу вас, господин кадий!

Гази Абдулвахаб взял перо и бумагу и, промолвив «Бисмиллахир-рахманир-рахим», сначала расспросил Хуснию, а затем – Сеида Али, и начал что-то писать. В комнате царила мёртвая тишина – было слышно лишь дыхание присутствующих и шорох пера, скользящего по бумаге.

Кадий Абдулвахаб записал полученные ответы, и каждый присутствующий поставил свою подпись. Кадий приложил к бумаге печать со своего перстня и, согласно законам шариата, объявил Имадеддина Насими и Хуснию мужем и женой.

Гара Гаплан Секмен поздравил молодожёнов и наполнил пиалы шербетом. Присутствующие по очереди пожелали молодожёнам счастья и долгих лет жизни. Затем Сеид Али и Хусния, держась за руки, вышли из дома и сели в ожидавший их фаэтон. Оставшиеся на прощание долго махали руками им вслед, пока фаэтон не скрылся из глаз. Кадий Абдулвахаб и Гара Гаплан Секмен попрощались с Сальминаз-хатун, сели в свой фаэтон и уехали.

Сальминаз-хатун велела слуге запереть ворота, потом подозвала его, и они вместе вернулись в дом.

В эту знойную летнюю ночь в домах Шемахи царила полная тишина, и только шаги редких прохожих и лай собак изредка нарушали эту тишину...

* * *

Столица Ширвана переживала мятежные, беспокойные дни. По призыву поэтов Шемахи и Баку в город толпою прибывали люди из Тебриза, Ардебиля и Зенджана. Этот тревожный призыв попахивал кровью.

«Дорогие братья, многоуважаемые поэты нашей великой родины! Несколько лет тому назад в Шемахе появился некий поэт-самозванец, который своими богохульными сочинениями не только порочит нашу священную религию, но и нелестно отзывается об Аллахе и пророке, оскорбляя дух нашего народа. Этот мерзавец отрёкся от священных традиций наших поэтов и творит не на великом персидском, а на тюркском, языке черни. Кроме того, пользуясь расположением Ибрагим-шаха, этот негодяй распространяет свои богохульные стихи по всей нашей стране, развращая молодежь, учащихся медресе. Дабы положить конец всему этому позору, призываем вас в срочном порядке собраться в Шемахе. Нам нужна ваша помощь. В последний вторник августа мы намерены осадить дом этого богохульника, изгнать его из Ширвана, а также запретить появляться в Баку и Гяндже».

Под этим письмом подписались все поэты Ширвана.

Гонцы распространили этот призыв во всех областях и провинциях Азербайджана, и немного спустя в Шемаху хлынули толпы рифмоплётов со всех уголков страны.

Как на грех, в это время Ибрагим-шах находился в паломничестве. Разумеется, придворные были осведомлены о происходящем. Однако осторожный мусаллим Мугтадир Огуз не желал предпринимать что-либо без указания Ибрагим-шаха и относился ко всему происходящему равнодушно...

* * *

Однажды вечером, спустя две недели после того, как Сеид Али привёл Хуснию к себе домой, раздался стук в ворота.

– Кто там? – спросил Шаххандан и направился к воротам.

– Это я – Гара Гаплан Секмен.

Шаххандан открыл ворота, и Гара Гаплан Секмен, держа за узду лошадь, завёл её во двор.

– Где Сеид Али? – поздоровавшись, спросил он.

– Дома, конечно же... Где же ему ещё быть?

– Позови его сюда!

Шаххандан вернулся в дом и через некоторое время появился во дворе вместе с братом.

– Дела плохи, – промолвил Гара Гаплан Секмен, качая головой.

– Что случилось? – спросил Сеид Али.

– В Шемаху прибыли поэты из Баку, Ширвана, Гянджи, Карабаха и Дербента и наводнили все дома и дворы Сарыторпага. Как назло, Ибрагим-шах находится в отъезде. Боюсь, как бы до его возвращения...

Сеид Али беспомощно взглянул на Гара Гаплана Секмена:

– И что мне теперь делать?.. А что говорит мусаллим Мугтадир Огуз?

– Он говорит, что если мы преградим путь этой толпе, то кровь польётся рекой. И потом он не хочет действовать без приказа Ибрагим-шаха...

Поэт задумчиво шепнул:

– В этом бренном мире, Насими, всё ложно...
Никому не доверяй. Это безнадёжно.

Шаххандан в страхе от услышанной злой вести невольно выронил из рук кувшин с водой. Гара Гаплан Секмен прикрикнул на него:

– Что ты наделал? Зачем ты пролил воду? Её можно было пить, умыться... Нутро у меня горит от жажды...

– Выходит, полчище завистников и мерзавцев одержало верх, не так ли?

– Да, так! Но не навсегда. Их победа временна…

Поэт взглянул на Шаххандана:

– Родной мой, – сказал он, – может, ты тоже поедешь с нами?

– Нет, братец, нет!

Гара Гаплан Секмен обнял Шаххандана:

– За него не беспокойся, я буду рядом... Один верблюд у вас уже есть, ещё одного я привёл – вот он, во дворе... Но твой верблюд показался мне каким-то грустным. Видимо, он состарился...

– Нет, он молод. Наверно, тоскует по Халебу.

– А когда вы выезжаете?

– Сегодня ночью, ближе к утру... Пока все спят...

Шаххандан прослезился:

– Я догадывался, что всё обернётся именно так. И оказался прав. Ты и сам пишешь в своих стихах – завистники неистребимы! И потом, если честно, невозможно жить в бесконечном страхе и опасности. Живи лишь миг – но живи свободно!

– Братец, родной, зло и вероломство – они не вечны. Как только появится возможность, я вернусь...

* * *

Увидев взволнованного Сеида Али, Хусния не на шутку встревожилась:

– Откуда этот верблюд?

– Это подарок Гара Гаплана Секмена.

– По-твоему, я ничего не понимаю? Нас изгоняют из Ширвана!

Сеиду Али пришлось признаться:

– Да, изгоняют. Но что мы можем поделать?

– А где же твой верный друг Ибрагим-шах? И куда пропал мусаллим Мугтадир Огуз?

– Не волнуйся! Такое бывает... Ибрагим-шаха здесь нет, он в отъезде. И потом: до каких пор он будет охранять нас? Заговорщиков ведь немало... Все мракобесы и невежды собрались в Шемахе, и завтра они собираются осадить наш дом...

Хусния, словно ожидая этих слов, испуганно всхлипнула. Насими погладил её по голове.

– Я и без того неусидчив... Сюда я прибыл, чтобы увидеть тебя и Шаххандана. Поверь, мы не покидаем Ширван навечно, уповая на Всевышнего. У меня много друзей и единомышленников по всей Анатолии, в Дамаске, Халебе, и даже в Египте – их двери всегда открыты для нас! Правители выйдут нам навстречу. И ты не думай, что я просто уговариваю тебя! Всё, что я говорю – чистая правда. А теперь постели нам – уже спать пора. Нам предстоит долгая дорога...

* * *

Десятого августа 1408 года, рано утром, когда на небе вспыхнули первые лучи солнца, по дороге, ведущей из шемахинского квартала Сеидляр к городским воротам, медленно вышли два верблюда, на которых сидели великий поэт Востока XV века Сеид Али Имадеддин Насими и его жена – шемахинская красавица Хусния.

У ворот дома, плача навзрыд, стоял пятнадцатилетний Шаххандан – единственный брат поэта и последний представитель его рода.

Сеид Али Имадеддин Насими покидал Ширван победителем – злоумышленникам не удалось разлучить его с Хуснией и помешать их счастью. А о тайном отъезде поэта они ещё не знали.

Шаххандан плакал, понимая, что больше никогда не увидит брата: ведь это было его последним путешествием!

Сеид Али Имадеддин Насими, невзирая на все свои печали и невзгоды, был счастлив. Он покидал брата и родную землю, но с ним навсегда оставались четыре стихии, делающие человека счастливым: любовь, слава, почтение и Родина!..

Родина навсегда оставалась с ним, в его душе, так же, как оставался с ним навечно родной азербайджанский язык!..

ТОФИК МЕЛИКЛИ

ВЕРЛИБР В ЛИТЕРАТУРЕ ТУРЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Радикальные изменения в поэзии начала XX века сопровождались интенсивными поисками в области художественной формы и неотвратимо вели к созданию новой системы версификации – свободного стиха, одухотворенного новой социально-политической ситуацией и идеологией. Принципы свободного стиха, выработанные Назымом Хикметом, составили основу турецкого верлибра и предопределили его дальнейшую эволюцию. Вот уже более столетия свободный стих является чуть ли не единственной поэтической системой в Турции. Но за этот период ни в самой Турции, ни за ее рубежами не появилось специальной работы, исследующей проблемы турецкого верлибра.

Изучение турецкого верлибра – *озгюр кошук* (букв. «свободный стих») – затрудняется тем обстоятельством, что в турецком литературоведении нет единого мнения о том, что такое свободный стих, а отсюда и терминологическая путаница. Для обозначения свободного стиха употребляются такие термины, как «serbest vezin» – «свободный размер», «serbest ritmik nazım» – «свободно-ритмический стих», «serbest söyleşim» – «свободный рассказ», «serbest çağrışım» – «свободное обращение», «serbest nazım» – «свободный стих» (калька с французского verslibre). Последний термин наиболее часто встречается в работах турецких критиков и литературоведов, например у Сейита Кемаля Караалиоглу, Кязыма Миршана, Рауфа Мутлуая, Сами Акалына и др.

Однако в последние годы вместо термина «сербест назым», выраженного персидским и арабским словами, все чаще употребляется собственно турецкий термин «özgür koşuk». В данной работе используется именно этот термин.

Озгюр кошук в Турции возник в начале 20-х годов. Этому важному явлению в истории турецкой литературы предшествовал довольно длительный подготовительный период, когда совершались перемены в области поэзии и поэтики. Сначала эти изменения коснулись только тематики, затем они произошли и в поэтике.

Некоторые турецкие стихотворцы, оставаясь в целом сторонниками классических поэтических форм и размеров, все же были вынуждены отказаться от ряда устаревших поэтических правил. Первые шаги в этом направлении были сделаны Абдулхаком Хамидом и Реджаизаде Экремом. В частности, Абдулхак Хамид обратился к новой, строфической структуре, пытался изменить и систему рифмовки, принятую в классической поэзии. Однако воплощение нового содержания требовало более радикальных перемен в форме.

В конце XIX в. поэты общества «Сервет-и фюнун», которые внимательно следили за западной поэзией, заметили, что французские символисты создают произведения в новых поэтических формах, в которых сочетаются длинные и короткие строки. По внешнему рисунку эти стихи, именуемые верлибром, напоминали одну из форм аруза – мустезад.

Примером его являются стихи турецкого поэта XVIII в. Недима, написанные в форме мустезада:

Sen Kim gelesin meclise bir yer mi bulunmaz
Baş üzre yerin var.
Gül goncasısın gŭşe-i destar senindir
Gel ey gül-i rânâ.

Если бы ты пришла на наше торжество, разве
не нашлось бы для тебя места?
Ты у нас всегда в почете.
Ты – бутон розы, тебе принадлежит место
во главе стола.
Приходи, прекрасная роза.

Под влиянием французских символистов Исмаил Сафа, Тевфик Фикрет, Дженаб Шехабеттин, а затем и Ахмед Хашим решили расширить рамки мустезада, использовав в нем сразу несколько размеров аруза. Причем употребление этих размеров не подчинялось определенной системе, они чередовались произвольно. Такой вид стиха получил название «свободный мустезад» («serbest müstezat»). Первые стихи в форме свободного мустезада были написаны Исмаилом Сафой и Тевфиком Фикретом в 1896г. Лучшие образцы свободного мустезада, несомненно, принадлежат перу Ахмеда Хашима, который создал такие оригинальные по форме и звучанию произведения, как «Дороги» («Yollar»), «Этот город» («O Belde»), «Ты пришла» («Geldin»), «Умереть» («Ölmek») и др.

Denizlerden
Esen bu ince hava saçlarınla eğlensin.
Bilsen
Melâl-ı hasret-ü gurbetle ufk-ı şâma bakan
bersin!
Ne sen,
Ne ben,
Ne de hüsnünde toplanan bu mesâ,
Ne de âlâm-ı fikre bir mersâ
Olan bu mâi deniz,
Melâli anlamayan nesle âşınâ değiliz...

С морей
Веющий нежный ветер пусть запляшет в твоих волосах.
Если б ты знала,
Как ты прекрасна своей печалью, своими глазами,
С тоской обращенными к горизонту.
Ни ты,
Ни я,
Ни этот вечер, отражающийся в твоей красоте,
Ни это голубое море,
Ставшее причалом для печальных мыслей,
Не могут быть близки поколению,
не понимающему тоску.

(«Этот город»)

По своим внешним признакам стихотворение напоминает свободный стих: здесь отмечается разное количество слогов в строках, изменена система рифмовки

мустезада, разрушена его традиционная строфика. Это дало повод некоторым турецким литературоведам отнести данное стихотворение Ахмеда Хашима к озгюр кошуку. Однако Ахмед Хашим еще не отошел полностью от аруза, а лишь подверг его изменениям. В его стихах было немало лишних слов, затемняющих поэтическую мысль, затрудняющих ее восприятие, но необходимых для реализации метра аруза. Эти «лишние» слова были по преимуществу арабского и персидского происхождения, так как фонетической и морфологической системе турецкого языка был противопоказан аруз. Как бы ни были метрически свободны стихи в форме сербест мустезад, зависимость их от размеров аруза была очевидной. И все же поэты, создававшие сербест мустезад, объективно способствовали возникновению в турецкой поэзии озгюр кошука. Неустанно расширяя метрические возможности аруза, они, однако, все больше убеждались в том, что даже самые радикальные реформы не в состоянии дать арузу «вторую жизнь».

Примечательно, что аналогичное явление наблюдалось и в японской поэзии, где в конце XIX в. появилось движение за стих нового стиля – синтайси ундо, представители которого стремились «найти более соответствующую духу времени поэтическую форму». Не отказываясь от некоторых весьма существенных для японского метрического стиха компонентов, представители синтайси ундо лишь расширяли метрические возможности произведений. И подготовили почву для появления в японской поэзии свободного стиха.

До сих пор турецкие, а также российские исследователи высказывают крайне разноречивые мнения о времени зарождения озгюр кошука. Это происходит главным образом оттого, что многие турецкие и зарубежные исследователи относят сербест мустезад к одному из видов турецкого верлибра. Так, например, турецкие литературоведы Сейит Кемаль Караалиоглу, Хикмет Илайдын и др. выделяют три вида озгюр кошука: 1) «vezinli ve kafiyeli serbest nazım» – «метрический свободный стих с рифмой»; 2) «vezinsiz kafiyeli serbest nazım» – «дисметрический свободный стих с рифмой»; 3) « vezinsiz və kafiyesiz serbest nazım» – «дисметрический свободный стих без рифмы».

Вот как характеризует Сейит Кемаль Караалиоглу первый вид турецкого верлибра: «Свободными метрическими стихами с рифмой называются те произведения, в которых строки не связаны внешними нормативами и могут сокращаться до одного слога, а рифмы расположены по усмотрению самого автора. Эти стихи написаны более свободным **арузом** (*разрядка моя*. – **Т. М**.), чем стихотворения свободного мустезада» [5, 136]. В качестве примера автор приводит стихотворение Ахмеда Хашима «Этот город». Иначе говоря, Сейит Кемаль Караалиоглу относит к свободному стиху те произведения поэтов сербест мустезада, которые написаны в более зрелом периоде. Однако эти стихи, как уже отмечалось, нет оснований причислять к озгюр кошуку, ибо каким бы «более свободным арузом» они ни были написаны, все же они создавались в системе аруза.

Туманно, расплывчато высказывается о появлении свободного стиха в турецкой поэзии и Сами Акалын: «Свободный стих в турецкой поэзии появился в республиканский период». Кто же зачинатель озгюр кошука? Когда и при каких условиях он появился? Эти вопросы Сами Акалын оставляет без ответа.

Известный историк литературы Васфи Махир Коджатюрк считает, что «основоположником и представителем новой турецкой поэзии, использующей свободный стих, является Орхан Вели». Интересно отметить, что в более ранней работе – в книге «Новая турецкая литература» – Коджатюрк придерживался иного взгляда. «Новая стихотворная форма – свободный ритмический стих, **введенный Назымом Хикметом** (*разрядка моя.* – **Т. М.**), – чужда национальной литературе», – писал он. Правда, это высказывание было сделано с целью показать неприемлемость свободного стиха для турецкой поэзии. Однако оно содержит признание, что свободно-рит-

мический стих был введен в турецкую поэзию Назымом Хикметом. В основе столь противоречивой позиции ученого, по-видимому, лежат причины политического характера. Цель автора – умалить значение новаторства Назыма Хикмета. Что же касается Орхана Вели, то он впервые в турецкой поэзии полностью отказался от размера и рифмы и тем самым придал озгюр кошуку новые черты. Зачинателем же и самым крупным представителем озгюр кошука является Назым Хикмет. Ему принадлежат наиболее яркие образцы нового стиха. Еще в 40-е годы историк литературы Нихат Сами Банарлы признавал, что новая поэзия, основоположником которой был Назым Хикмет, открыла перед турецкой литературой новые горизонты.

Радикальные изменения в поэзии Назыма Хикмета сопровождались интенсивными поисками в области художественной формы и неотвратимо вели к созданию новой системы стихосложения, новой поэтики, одухотворенной новой идеологией. Речь идет о разработке и введении Назымом Хикметом новой для турецкой поэзии системы версификации – свободного стиха.

По мнению зарубежных тюркологов, первым стихотворением, написанным озгюр кошуком, в турецкой поэзии было произведение Назыма Хикмета «Зрачки голодных», созданное в 1922 г.:

Değil birkaç
değil beş on
otuz milyon
Aç
bizim.
Onlar bizim!
Biz onların!
Dalgalar denizin!
Deniz dalgaların.
Değil birkac
değil bes on
otuz milyon!
Açlar dizilmiş, açlar!
Ne erkek, ne kadın, ne oğlan, ne kız
sıska, cılız
eğri büyrü dallarıyla
eğri büyrü ağaçlar!
Ne erkek, ne kadın, ne oğlan, ne kız
Açlar dizilmiş, açlar!..

«По дороге из Батума в Москву мы проезжали через голодные районы. Увиденное меня потрясло, но я хотел крикнуть, что даже такой голод не в силах свергнуть революцию. В Москве я попытался написать стихи о голоде, пользуясь размером хедже и даже разнообразными слоговыми комбинациями этого размера, но ничего не вышло. Тогда перед моими глазами возник рисунок стиха, который я увидел в Батуме. Почему-то я был убежден, что это не французский свободный размер, который знал очень хорошо, а нечто совершенно новое; был убежден, что именно так поэт и мыслит; и так же – «волнами» – написал стихи «Зрачки голодных», – писал Назым Хикмет.

А увидел он в Батуме стихотворение В. Маяковского, написанное «лесенкой».

Таким образом, новое содержание, которое невозможно было передать размером хедже и тем более арузом, требовало новых форм стихосложения. И Назым Хикмет под зрительным впечатлением стихов В. Маяковского создает первое на турецком языке произведение, созданное свободным стихом.

Сразу же оговоримся, что это влияние было чисто внешним. В то время Назым Хикмет еще не знал русского языка и потому не мог в полной мере понять особенностей стиха В. Маяковского. Кроме того, известно, что у «Маяковского нигде не было собственно верлибра», и по этой причине нет оснований говорить о его влиянии на свободный стих Назыма Хикмета. Однако внешний рисунок стихов Маяковского, его «лесенка» подтолкнули молодого турецкого поэта окончательно отказаться от хедже и аруза, графически выделить важные в смысловом отношении слова, поместив их в отдельные строки.

Так, в результате многочисленных экспериментов в области поэтической формы, преобразований хедже, начатых еще в Анатолии, под влиянием новых идей и новых тем, а также внешних формальных признаков формировалась у Назыма Хикмета концепция свободного стиха.

Озгюр кошук обладает типологическим сходством с французским и русским верлибрами. Вместе с тем в каждой национальной литературе в зависимости от специфики языка и поэтики свободный стих приобретает особые, присущие только этой поэзии черты.

Прав советский исследователь Х. Курбатов, когда пишет, что «свободный стих в каждом конкретном языке реализуется сообразно фонетико-грамматической структуре последнего, на основе поэтических средств и системы стихосложения, присущих ему (например, с использованием отдельных особенностей квантитативной системы в арабском и персидском, тонической и силлабо-тонической систем в немецком, английском и русском, силлабической системы во французском, турецком, татарском языках)».

Специфику озгюр кошука Назыма Хикмета составляет особая ритмическая организация стиха. Ее определили новые идеи, новые настроения, революционный энтузиазм поэта, его глубокая вера в возможность преобразования действительности, героическая борьба народа за социальное освобождение.

Новаторство Назыма Хикмета в этой области было подготовлено всем ходом развития его творчества. Прежде чем прийти к свободному стиху, к новым ритмам, Назым Хикмет постиг секреты не только классической поэзии, но и поэзии народной. Его стихи, написанные различными размерами хедже, являют собой образцы высокого мастерства. Поэтому неудивительно, что в начальной стадии своего развития верлибр поэта вобрал в себя многие элементы турецкой национальной поэзии.

В свободных стихах, созданных Назымом Хикметом в 20–30-х годах, особенно отчетливо прослеживается влияние народной поэтической системы – хедже.

Поэт иногда вводил в поэтический ряд строки, написанные размерами хедже с тем, чтобы разнообразить ритмический строй произведения и выделить поэтическую мысль. Так, например, Назым Хикмет включает в стихотворение «Сура о постижении мира» («Тебаххур сурасы») строки, написанные семисложником, которые значительно меняют ритмический рисунок произведения:

Verüzgar
Yükseldi ağır ağır, çoğaldı gitgide,
Birikti, birikti ve «ani vakitte»
«A h e d i l d i d e r i n d e n»
Yer oynadı yerinden.
Yıkıldı köprüler kemerinden.
Yazıldı taşlar kapandı yüzükoyun...

Важную ритмообразующую функцию выполняет хедже и в стихотворении «Каспийское море»:

Bakmıyor
kayıga
sapılan
sulara;
Bakmıyor
çatlayıp
yarılan
sulara.

Если мы вернем эти строки в обычное расположение, то получим двенадцатисложник. Такие примеры можно найти и в стихотворении «Смелее, сердце!»: «Sür gemiyi dalgaların gözüne// Kulak asma Fikretin sözüne...»; в «Песне пьющих солнце»: «Akın var//Güneşe akın!// Güneşi zaptedeceyiz// güneşin zaptı yakın!» и т.д.

Творческое использование хедже Назымом Хикметом открывало новые возможности построения озгюр кошука, не отрывая его от национальной почвы. Это и давало повод некоторым турецким ученым, в частности, Ахмеду Кабаклы, утверждать, что «свободный размер» Назыма Хикмета – «это хедже, разбитый на строки» [7, 472]. А между тем озгюр кошук был новой поэтической системой, в основе которой лежали многие важные элементы турецкой поэзии, и в первую очередь хедже. Вот что пишет об этом сам Назым Хикмет: *«Вначале писал стихи классическим и народным размерами и рифмами. Потом стал искать новую форму и писать так называемым свободным размером, говорю "так называемым" потому, что это не совсем то, что мы сегодня понимаем под этим словом. В основе "свободного" размера были все элементы нашего народного размера, и даже аруза»*.

В своем свободном стихе Назым Хикмет широко использовал и богатую традицию в области рифмы и был убежден в том, что турецкая рифма может служить и новой поэзии. «Несмотря на то, что поэт решительно отказался от метра, он в то же время не отрицал значения рифмы, понимал, какое место занимает она в звуковой организации стиха», – справедливо писал Нихат Сами Банарлы.

Возникновение и эволюция рифмы, выработка принципов рифмовки в каждой литературе тесно связаны с законами языка, определяющими развитие стихотворной формы. Турецкий язык, будучи языком агглютинативным, не знает префиксов, словообразование и словоизменение в нем происходят путем присоединения аффиксов исключительно после основы слова. Постоянно и место главного грамматического ударения – оно всегда стоит в конце слова. Эти особенности языка играли решающую роль в структуре турецкой рифмы.

Рифма в современном турецком стихосложении делится на четыре категории:

1. *Полурифма (yarı uyak)* – основана на повторе конечной согласной фонемы.

2. *Полная рифма (tam uyak)* – строится на повторе конечного согласного и предшествующего ему гласного звука, например, кес/хевес.

3. *Богатая рифма (zengin uyak)* – основана на повторе слога или более. Например, define/hazine. Богатую рифму можно строить также путем добавления в полную рифму согласных или гласных звуков.

4. *Каламбурная рифма (cinaslı uyak)* – опирается на сходство слов в звуковом отношении при различии значения:

Niçin kondun a bülbül
Kapımdaki ***asmaya****?*
Ben yarimden ayrılmam
Götürseler ***asmaya****.*

Слово «асма» имеет два значения: «виноградная лоза» и «повешение», от глагола «asmak» – «вешать».

В зависимости от того, насколько совпадают написание и произношение слов, рифма в турецкой поэзии делится на два типа: 1) *зрительная рифма (göz uyağı)*; 2) *слуховая рифма (kulak uyağı)*.

Зрительная рифма опирается на полное графическое совпадение рифмующихся слов. Слуховая рифма строится на фонетическом созвучии. В классической поэзии в основном использовалась зрительная рифма, часто сопровождавшаяся и акустическим тождеством, тогда как в народной поэзии преобладала рифма слуховая. Заметим, что как у турок, так и у других тюркских народов слуховая рифма занимала важное место в общей системе рифмовки. Вот, например, что писал М. Хамраев: «Уйгурская рифма – это рифма слуховая, т.е. в ней решающее значение имеет совпадение фонетического выражения».

Как известно, арабо-персидская рифма основана на зрительном принципе, т.е. на полном совпадении всех знаков. Поскольку классическая турецкая поэзия заимствовала принципы арабо-персидского стихосложения, естественно, она восприняла и графический принцип рифмы.

Исследования советскими и зарубежными учеными поэзии тюркских народов Сибири, а также казахского и киргизского фольклора, где влияние арабо-персидской метрики – аруза – было наименьшим или его вовсе не было, показывает, что в древних тюркских стихах рифма в ее нынешнем понимании отсутствовала, звуковые повторы строились с помощью аллитерации и начальной рифмы (анафоры). Тувинский ученый А. С. Тогуй-оол в работе «Опыт исследования тувинского стихосложения» отмечал, что как в фольклоре, так и в современной поэзии тувинцев аллитерация является главным организующим началом звуковой стороны стиха, что она служит как бы звуковым сигналом новой строки в строфе и выполняет функцию, подобную рифме в других языках.

Исследования по хакасскому, башкирскому стихосложению также показывают, что аллитерация является древнейшим элементом тюркской поэзии, и что она особенно сильно развита в поэзии тех тюркских народов, которые не подверглись влиянию арабо-персидской литературы. Великолепные образцы аллитерации встречаются во многих произведениях тюркского фольклора. Так, например, аллитерации рассыпаны в тексте «Китаби Деде Горгуд»:

Kara pulat uz kılıcım tartmayınca,
Kara börklü koca başın kesmeyince,
Alca kanın yer yüzüne tökmeyince,
Karındaşım Kayan kanın almayınca
Komazım!

Еще польский ученый Т. Ковальский в книге «К вопросам формального изучения поэзии турецких народов» отмечал, что аллитерация и рифма (в ее нынешнем понимании) в поэзии тюркских народов обратно пропорциональны друг другу: «У алтайских народов, стоящих далеко от мусульманской культуры, рифма значительно более примитивна, чем в народной османской поэзии, подверженной перс.-арабским влияниям; зато у первых развита аллитерация. В общем отношение рифмы к аллитерации у турок (*тюрок* – **Т. М.**) обратно пропорционально.

По мере совершенствования рифмы упрощается аллитерация — это несомненный результат влияния персидско-арабской поэтики, знающей рифму, но не аллитерацию».

Академик В. Радлов, рассматривая роль начальных рифм, анафорических аллитераций, морфологических и синтаксических форм анафор, конструкций строф в языке алтайцев, приходит к выводу, что начальные рифмы являются древнейшими формами в организации тюркского стиха.

Башкирский ученый Г. Б. Хусаинов также отмечал, что анафора играет весьма важную роль в поэтике башкирского стихосложения.

Наряду с аллитерацией, анафорой в поэзии тюрок встречается словесный повтор в конце стихов, который некоторые ученые (В. М. Жирмунский, М. Хамраев и др.) именуют «эмбриональной рифмой». Это, конечно, еще не рифма в современном ее понимании. Зачастую она присутствует в стихе в силу фонетических и грамматических особенностей тюркских языков. Вместе с тем нельзя не отметить, что такое созвучие являлось одним из факультативных организаторов звуковой стороны тюркских стихов.

Таким образом, исследования стихосложения тюркских народов убедительно свидетельствуют о том, что аллитерация, анафора, внутренняя рифма, ассонанс являются характерными признаками тюркской поэзии, что в просодии тех из тюркских народов, чья литература испытала на себе наибольшее влияние арабо-персидской поэзии, происходили значительные структурные изменения в системе стихосложения, снижалось значение аллитерации и анафоры, постепенно «из акустического тождества аффиксов рифма развивалась в сторону акустического тождества основ рифмующихся слов, становилась многогранной и сложной с точки зрения структуры». К этому следует добавить, что заимствование аруза и новой структуры рифмы сопровождалось интенсивным проникновением арабо-персидской лексики в поэтический язык тюрок. Эти процессы были взаимосвязаны, ибо фонетический и грамматический строй тюркских языков затруднял утверждение аруза на новой почве.

Все изложенное помогает понять смысл тех изменений, которые произошли в начале XX в. в системе турецкого стихосложения. В этот период в турецкой поэзии началось движение за отказ от аруза и возврат к хедже, за очищение языка от арабо-персидской лексики, т.е. началось обращение к национальным истокам. Вполне естественно, что этот процесс требовал переосмысления многих эстетических категорий, многих важных компонентов поэтики, в том числе роли и значения рифмы в современной поэзии Турции.

При создании своего свободного стиха Назым Хикмет, конечно же, опирался на богатую традицию турецкой поэзии в области рифмы: «Я не испытывал трудностей в рифмовке, поскольку наша классическая литература дала совершенные образцы бесконечной рифмовки. Так что здесь я опирался на традицию», – писал поэт.

Прежде чем остановиться на роли рифмы в верлибре Назыма Хикмета, следует отметить иное, по сравнению с классической поэзией, расположение смыслового материала в его стихах. В арузе единицей стиха является бейт, состоящий из двух полустиший – мысра. В озгюр кошуке Назыма Хикмета такую единицу стиха составляет мысра, которое в смысловом отношении приобретает более законченный характер. «Когда я говорю ,,мысра", то имею в виду целое предложение, которое расположилось между двумя точками», – писал поэт. В результате подобного переосмысления мысра в верлибре Назыма Хикмета в количественном отношении может колебаться от одной до десяти и более строк. Приведем пример из стихотворения «Наши глаза»:

Şeffaf
temiz
damlalarıyla gözlerimiz
bir umman içinde o kadar birleşti ki,
kaynayan suda buzu
nasıl eritirseniz,
işte biz de
bir birimizde
öyle kaybolduk.

Эти стихи составляют одно цельное предложение, по; определению Назыма Хикмета, – одно мысра, которое разбито на девять строк.

В стихах турецкого поэта, созданных в 20-е годы, широко рифмуются окончания строк в пределах одного предложения-мысра. Например, в вышеприведенном мысра зарифмованы слова Temiz – gözlerimiz – eritersınız; biz de – birbirimizde. Особенно пристальное внимание Назым Хикмет уделял именно рифмовке ритмически вынесенных слов в строках. Это давало ему возможность значительно усилить ритмико-интонационную выразительность стиха и смысловую нагрузку рифмующихся слов. Вообще же поэт обращался к рифме только тогда, когда необходимо было усилить ритм, выделить наиболее важное в содержательном плане слово. Поэтому неудивительно, что в одних стихах он широко применяет рифму, а в других – лишь эпизодически. Важное место, например, занимает рифма в стихах «Зрачки голодных», «Наши глаза», «Поэт», «Новое искусство», «Комсомол» и др. Вот строки из последнего стихотворения:

Sende atla kızıltaya,
hazır ol,
komsomol,
kavgaya...
Kavgada kuvvetli, dinç
bir ağrıdan gelen deli bir sevinç.
sıçrar, atlar, köpüklenir, çatlar
kafan-da!!!

А вот строки из стихотворения «Анатолия»:

Kafamızda güneş
ateş
birsarık.
Arık toprak
Çıplak ayaklarımızda çarık.

Здесь поэт применяет как конечные рифмы: güneş/ateş; sarık/çarık, так и внутренние: arık/toprak; çıplak/çarık, а также рифмует конец третьей строки и начало четвертой: sarık-çarık.

В отдельных произведениях поэт как бы специально нагнетает рифмы, как в стихотворении «Смелее, сердце!»:

Amiral
demiral...
Sür gemiyi dalgaların gözüne
Kulak asma Fikret'in sözüne.
Çocuğum anan
olan
denizeinan...

В приведенном отрывке обращает на себя внимание пятая строка. Здесь поэт после слова «çocuğum» ставит слово «anan». Поскольку первое слово является обращением («сын мой!») и после него требуется пауза, поэт должен был выделить его графически, поместив в отдельную строку. Но тогда ему пришлось бы поставить в один ряд слова «anan» и «olan», что, кстати, соответствовало бы логическому развитию смысла в стихе. Однако Назым Хикмет ради рифмы anan – olan – inan вполне осознанно помещает их в отдельные строки.

Со временем поэт начисто отказывается от однородных, банальных рифм, которые обезличивают стихотворение, нивелируют мысль, и находит новые способы рифмовки, поражающие своей неожиданностью, свежестью, увеличивающие ассоциативную сферу стиха. При этом особое внимание уделяется тому, чтобы рифма не мешала естественному потоку речи, чтобы не было натяжек, лишних слов, вставленных в стих только ради рифмы. Прекрасной иллюстрацией к сказанному может служить стихотворение «Песня, спетая за столом солнца»:

Dalgaları karşılayan gemiler gibi
gövdelerimizle karanlıkları yara yara
çıktık, rüzgarları en serin,
uçurumları en derin,
havaları en ışıklı sıra dağlara.
Arkamızda bir düşman gözü gibi karanlığın yolu.
Önümüzde bakır taslar güneş dolu.
Dostların arasındayız!
Güneşin sofrasındayız!
Dağlarda gölgeniz göklere vursun,
göz göze
yan yana
durun çocuklar
Tasları birbirine vurun çocuklar.
Doldurun çocuklar,
doldurun
doldurun
doldur içelim.
Başları
göklere
atalım
serden
geçelim.

Новаторские устремления Назыма Хикмета были направлены и на то, чтобы утвердить в новой турецкой поэзии акустический принцип рифмовки. Впервые в поддержку слуховых рифм выступали в XIX в. Реджаизаде Экрем и Абдулхак Хамид, хотя сами продолжали придерживаться графического принципа. Они позволяли себе лишь более свободное расположение рифм в стихах и некоторые несоответствия в написании и произношении слов. Только начиная с 10-х годов XX столетия турецкие поэты стали широко использовать акустический принцип рифмовки, что было связано с их обращением к хедже и языку народа.

Полное утверждение этого принципа в турецкой поэзии связано с именем Назыма Хикмета. Он рифмовал слова, которые раньше не воспринимались как созвучные.

В спорах о свободном стихе и, в частности, о рифме в верлибре советские исследователи очень часто обращались к поэтической практике Назыма Хикмета.

А. Жовтис в статье «Границы свободного стиха», анализируя произведение Назыма Хикмета «Великан с голубыми глазами» (перевод Д. Самойлова), приходит к выводу, что «переводчик вслед за автором использует рифму, являющуюся в данном случае лишь факультативным приемом (строки 4–5, 10–11, 23–24, 17–20, 28—29); рифма организует мотив „маленького дома с садом" и звучит особенно отчетливо в комплексе других строк, лишенных концевых созвучий». Приведем стихотворение «Великан с голубыми глазами» в оригинале и переводе:

O mavi gözlü bir devdi.
Minnacık bir kadın sevdi.
Kadının hayali minnacık bir evdi
bahçesinde ebruliii
hanımeli
acan bir ev.
Bir dev gibi seviyordu dev.
Ve elleri öyle büyük işler için
hazırlanmıştı ki devin,
yapamazdı yapısını,
Çalamazdı kapısını
bahçesinde ebruliiii hanımeli
açan evin.
O mavi gözlü bir devdi.
Minnacık bir kadın sevdi.
Mini minnacıktı kadın
Rahata açıktı kadın,
yoruldu devin büyük yolunda.
Ve «elveda!» deyip mavi gözlü deve,
girdi zengin bir cücenin kolunda
bahçesinde ebruliii hanımeli
açan eve.
Şimdi anlıyor ki mavi gözlü dev,
dev gibi sevdalara mezar bile olmaz, –
bahçesinde ebruliii
hanımeli
açan ev....

Был великан с голубыми глазами.
Он любил женщину маленького роста.
А ей все время в мечтах являлся маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.
Великан любил
как любят великаны,
он к большой работе тянулся
руками и построить не мог
ей теремок –
маленький дом,
где растет под окном цветущая жимолость.
Был великан с голубыми глазами.
Он любил женщину маленького роста.
А она устала идти с ним рядом дорогой великанов,
ей захотелось
отдохнуть в уютном домике с садом. –
Прощайте! – сказала она голубым глазам.
И ее увел состоятельный карлик в маленький дом,
где растет под окном цветущая жимолость.
И великан понимает теперь,
что любовь великана
не упрятать в маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.

Сопоставление оригинала и перевода показывает, что переводчик не идет «вслед за автором», как это представляется А. Жовтису, а в отличие от Назыма Хикмета, который, за исключением двадцать шестой строки, рифмует все остальные, переводчик значительно сокращает количество рифмованных строк (рифмуются только строки 4–5; 10–11; 17–20; 23–24; 28–29). В результате этого, естественно, снизилась роль рифмы в переводе, и потому она превратилась «лишь в факультативный прием». В оригинале же широко используемая рифма выполняет важную и ритмико-интонационную и композиционную функции.

Однако вывод А. Жовтиса о том, что у Назыма Хикмета рифма является факультативным приемом, в целом верен. Верлибр Назыма Хикмета находился в постоянном развитии и на различных этапах творческой биографии поэта приобретал новые черты, особенности, менялась структура рифмы, ее роль. По достоинству оценивая значение рифмы в звуковой организации стиха, поэт в то же время не хотел превращать ее в главный элемент эвфонии. Поэтому если в начале своего творчества Назым Хикмет широко использовал рифму, то в последующий период, значительно снизив ее роль, он сделал ее одним из многих фиксаторов ритма, в отдельных же произведениях и вовсе отказался от рифмы. При этом заметно возросли функции других элементов эвфонии – аллитерации, лексической и синтаксической анафоры и пр. Пример аллитерации мы находим как внутри строки, так и между стихами. В стихотворении «Поэт» Назым Хикмет употребляет оба вида аллитерации на согласный звук «ш»:

Şairim
şimşek şekillerini şiirlerimin...

Прекрасно использована аллитерация в стихотворении «Новое искусство». Сочетая согласный звук «д» с гласный «а» и повторяя их, поэт пытается передать звучание оркестра:

Dağlarla, dalgalarla, dağ gibi dalgalarla,
dalga gibi dağlarla...

Богаты стихи Назыма Хикмета и ассонансами, например стихотворение «Свет» («Aydınlık»). Здесь мы видим также лексическую анафору и аллитерацию:

Aydınaydınlıkay-dın-lık!..
Aydınaydınlığımbenim.
Gökteaygibideğil.
Gökte yay gibi gerilen ay gibi aydınlatıyorum
tepeden toprakta sınıfların kavgasını.

Вообще, в своей поэзии Назым Хикмет очень широко использовал лексическую анафору. Этот стилистический прием играет важную роль в звуковой организации стиха во многих его произведениях, например в стихотворении «Светоносцы» («Айдынлыкчылар»):

Şu
Şu da
Şurdaki de!
Şurdaki işçilerin hepsi,
şunların yarısı
şu ateşçinin kendisi, kızı, karısı,
şu şimendiferci, şu vatman...

Иногда поэт сочетал звуковую и лексическую анафоры:

Horozunbaşınıkoparacağım,
koparacağım.
Koparacağım.
Koparacağım.
Kopara Kopara
Koy parayı çak kozu...

Богатая эвфония, многочисленные звуковые повторы, а также искусное варьирование размерами стихотворных строк и строф обеспечили свободное и естественное звучание стиха. Характерно, что ритм в произведениях Назыма Хикмета играл конструктивную роль, связанную с выражением смысла. Эта особенность верлибра поэта ярко прослеживается в стихотворении «Плакучая ива» («Salkımsöyüt»):

Akıyordu su
gösterip aynasunda söğüt agaçlarını.
Salkımsöğütler yıkıyordu suda saçlarını!
Yanan yalın kılıçları çarparak söğütlere
koşuyordu kızıl atlılar güneşin battığı yere!
Birden -bire
kuş gibi
vurulmuş gibi
kanadından
yaralı bir atlı yuvarlandı atından!
Bağırmadı,
gidenleri geri çağırmadı,
baktı yalnız dolu gözlerle
uzaklaşan atlıların parıldayan nallarına!
.....

Nal sesleri sönüyor perde perde,
atlılar kayboluyor güneşin battığı yerde!
Atlılar, atlılar, kızıl atlılar,
Atları rüzgar kanatlılar!
Atları rüzgar kanat...
Atları rüzgar ...
Atları...
At...

В приведенном примере каждая строка стихотворения имеет свой неповторимый ритмический рисунок, который удивительно точно передает настроение, высокую эмоциональность произведения: плакучая ива, полощущая свои косы в зеркальной воде, медленное угасание раненого всадника, его грустный взгляд на уходящих товарищей и, наконец, наступившая смерть. Постепенно сокращая последние строки стиха, четырежды повторяя их, поэт создает своеобразную ритмику, которая передает затихающий топот конницы и постепенную остановку сердца раненого всадника.

Назым Хикмет в своей поэтической практике не раз обращался к этому приему. В стихотворении «Каспийское море» он с помощью виртуозной звукописи, смены интонаций передает движение лодки в бушующем море:

Çıkıyorkayık
İniyor kayık
Çıkıyorka...
İniyor ka…
Çik...
in...
çık...

А в стихотворении «Уходящий» Назым Хикмет так описывает отъезд своего друга:

Bir şarkı söylüyorlariçerde.
Bu, gidenkardeşiminensevdiği şarkıydı.
En sevdiği şarkı...
En sevdiği...
En...

Там, внутри, песню поют одну.
Это самая любимая песня уходящего моего друга.
Самая любимая песня...
Самая любимая...
Самая...

Из приведенных примеров ясно, что важнейшей особенностью свободного стиха Назыма Хикмета становится многообразие его ритмического оснащения.

Назым Хикмет вошел в литературу в ту пору, когда в поэзии острая борьба между сторонниками разговорного турецкого языка и приверженцами так называемого османского языка закончилась в пользу первых. Усилиями поэтов-хеджеистов турецкий язык стал языком литературы. Вместе с тем они все еще считали, что поэтическая речь должна быть возвышенной и ориентированной на особую, поэтическую лексику. Только новые темы, введенные в турецкую литературу Назымом Хикметом, вызвали потребность в поэтическом языке, способном отражать принципиально новое идейное содержание. Поэтому молодой поэт в первую очередь отказался от высокого, изысканного стиля, внедрил в поэзию разговорный язык улиц и городское просторечие.

Активно выступая против «поэтизмов», Назым Хикмет смело вводил в поэтическую речь новые слова из области науки и техники, такие, как динамо, мотор, машина, электричество, диалектика, материализм и т. п., и «непоэтические», просторечные слова и выражения.

Но особенность новаторства Назыма Хикмета в области поэтического языка заключалась не в самом употреблении «низких» слов, а в умении вывести из них поэзию. Он сделал поэтичным язык улиц, разговорную речь. Для турецкого читателя, который веками воспитывался на образцах высокой поэзии, все это было ново и непривычно.

Язык поэзии Назыма Хикмета сложился из синтеза разговорно-бытовой речи, фольклорных элементов и неологизмов. Заданное им направление определило дальнейшую судьбу развития турецкого литературного языка.

Новаторство поэта тесно связано с национальными особенностями языка, оказавшими влияние на стихотворные формы, и с традициями народной и классической литератур. Назым Хикмет создал турецкий вариант свободного стиха, который стал ведущей системой стихосложения в новой поэзии Турции. С появлением озгюр кошука турецкая поэзия стала ближе к жизни, к ее многочисленным и сложным проблем

Принципы новой поэзии, вырабатывавшиеся Назымом Хикметом, получают дальнейшее развитие в творчестве поэта в последующий период.

В конце 30-х годов в его стихах усиливается роль лирического начала, он вплотную подходит к синтезу общественного и личного, что явится основой формирования в его поэзии лирики нового типа.

Усиление в поэзии Назыма Хикмета лирических элементов сказалось и на стиле его стихов. За исключением отдельных произведений, торжественно-приподнятая манера изложения уступает место задушевной, доверительной речи. Меняется характер образов. Поэт больше не призывает «посадить турбину в живот, а к хвосту приделать корабельный винт», из его стихов исчезают «женщины с душой как палаты лордов», «босые медноногие герои» – образы, которые прежде всего были рассчитаны на то, чтобы ошеломить, поразить читателя. Отныне они становятся более конкретными, осязаемыми, менее броскими, а порой даже заземленными. Качественные изменения в методе художественного освоения действительности в свою очередь побуждало к постоянному совершенствованию озгюр кошука и поиску новых средств выразительности. «Опыт традиций и страсть к новому...» – вот две важнейшие черты Назыма Хикмета, которые предопределили дальнейшего развития «свободного стиха» в Турции. Процесс совершенствования озгюр кошука продолжался и в московский период жизни Назыма Хикмета. Начиная с 1957 года в его творчестве и поэтике наблюдаются очевидные изменения. С этого периода его свободный стих приобретает новые черты, новое звучание – меняется тематика, меняется характер его лирики, которая становится более приземленной. В результате радикально меняется и стилистика, звучание, тональность его произведений.

В этот период в творчестве Назыма на первый план выходит своеобразная и оригинальная любовная лирика, в которой он делится своими сокровенными мыслями, интимными переживаниями, усиливаются мотивы разлуки, смерти, одиночества, еще более жгучей становится тоска по Родине, по сыну, по Стамбулу.

Эволюция поэзии Назыма Хикмета настоятельно потребовала изменений и в стилистике, образности, структуре свободного стиха. Он все чаще обращается к конкретному человеку, с которым ведет тихую и доверительную беседу о нескончаемых, будничных земных делах, сочетая широкое обобщение с глубоко личным восприятием жизни. Эти новые качества поэзии Назыма Хикмета особенно отчетливо прослеживаются в его поэме «Солома волос», в которой он пытался сблизить поэзию и прозу.

Вместе с повествовательной манерой меняется и образная система стихов Назыма Хикмета. Вместо броских, способных удивить, ошеломить читателя метафор поэт создает своеобразные, непривычные образы, в которых сконцентрирована глубокая поэтическая мысль:

Я сбросил с себя размышленья о смерти,
набросил июньских бульваров листву,
юные майские листья, пожалуй, мне не к лицу.

(Перевод Н.Горской)

Всю свою жизнь Назым Хикмет был в постоянном поиске все более совершенных поэтических форм и средств. Поэт никогда не боялся экспериментировать. Он был глубоко убежден в том, что лишь идя по непроторенной дороге, где нередки не только находки и открытия, но и неудачи, можно двигаться вперед. *«Мы признаем право экспериментировать за математиками, атомщиками, врачами..., почему же не оставить этого права за художниками? В поэзии, как в любых других областях, эксперимент не всегда сразу дает прямой результат, но он готовит почву для будущих открытий»*, – писал Назым Хикмет.

Его стихи сороковых годов существенно отличались от стихов последнего, московского периода, в котором поэт достиг высшего совершенства, высшей простоты, той сложной простоты, когда сливаются воедино мысль и слово, форма и содержание. Итог своей работы над поисками новых форм поэт подвел в мае 1963 года, за несколько дней до смерти: «Я хочу вместить содержание в такую форму, чтобы она подчеркивала содержание, но сама была бы не видна, как тонкий дамский чулок «паутинка», которая придает красивой женской ноге еще больше красоты, хотя сам и остается незамеченным… Это то, что я предпочитаю сегодня. Но завтра, конечно, я могу предпочесть «яркие» формы».

* * *

Интересно отметить, что новая поэзия и свободный стих Назыма Хикмета сначала оказали влияние на молодую азербайджанскую поэзию, которая формировалась в конце 20-х – начале 30-х годов XX века, и только потом – на турецкую литературу. На то были свои причины. Как известно, в начале 20-х годов Назым жил, учился и творил в Москве. Поскольку в то время он не имел возможности печатать свои стихи на родине, он отправлял их в Баку, где они появлялись в различных изданиях. Примечательно, что и первый сборник Назыма, «Песня пьющих Солнце», был издан в 1928 году в Баку. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодые пролетарские поэты Азербайджана Али Назим, Микаил Рафили и другие под влиянием Назыма Хикмета стали создавать свои первые произведения, написанные свободным стихом. После них и Исмаил Хафис, Хасан Фаррух, Салями, Самед Вургун, Сулейман Рустам и другие начали осваивать принципы новой системы стихосложения. (Правда, позже Самед Вургун и Сулейман Рустам отошли от этого течения и создавали свои произведения на хедже и арузе.) По этой причине литературная критика справедливо считает Назыма Хикмета основоположником азербайджанского «сербест шеир». Известный литератор Микаил Рафили под псевдонимом «Gülən adam» («Смеющийся человек») в 1929 году в первом номере журнала «Məarif işçisi» («Работник просвещания») представил статью «Sərbəst şeir haqqında ilk söz» («Первое слово о свободном стихе»), в которой он, в частности, писал: «Основатель течения «сербест шеир» турецкий поэт Назым Хикмет в начале 1927 года в журнале «Məarif və mədəniyyət» («Просвещение и культура») впервые опубликовал свое стихотворение, написанное свободным размером. Именно под влияние этого произведения у нас начало формироваться течение «свободного стиха».

Вполне естественно, что в начале у Назыма Хикмета и в Азербайджане, и в Турции были только подражатели. Истинные его последователи и в Азербайджане,и в Турции появились позже. Из азербайджанский писателей наиболее последовательным приверженцем поэтических принципов Назыма Хикмета был, пожалуй, Расул Рза, который в своих творческих поисках опирался на богатый опыт основоположника турецкого верлибра.

Родился Расул Рза в 1910 году в городе Гёйчае. В 1930 году он приезжает в Баку и устраивается на работу в газете «Gənç işçi» («Молодой рабочий»). А в 1931 году в литературном журнале «İnqilab və mədəniyyət» («Революция и культура») появляется его первое стихотворение «Большевистская весна», которое сделало 21-летнего автора знаменитым. Своеобразны тематика и полемический дух этого произведения, повествующего о деревне, страдающей от засухи. «Кому нужна ваша красота, если голодают люди из-за отсутствия вашей воды», – говорит поэт, обращаясь к рекам Аракс и Кура. Он открыто декларирует свою приверженность принципам рациональности искусства, действенности поэзии, ее реальной пользы обществу.

Стихотворение «Большевистская весна» примечательно еще и тем, что написано свободным стихом. Молодой поэт с первых же своих произведений стремится найти поэтическую форму, которая наиболее соответствовала бы духу времени. Ин-

тенсивные поиски в области художественной формы с неотвратимостью привели Расула Рзу к созданию новой системы стихосложения, то есть к свободному стиху и новой ритмической организации стиха. В своих поисках Расул Рза опирался на опыт своего старшего собрата по перу Назыма Хикмета.

При этом он широко использовал достижения национальной поэтической традиции. Именно ему принадлежат наиболее яркие образцы этой системы стихосложения.

Расул Рза – новатор по своему духу и по своему убеждению. Вся его жизнь – постоянный поиск все более совершенных поэтических форм свободного стиха. Как и Назым, он никогда не боялся экспериментировать.

Ярким примером сказанного является цикл стихотворений под общим названием «Краски». В произведениях этого цикла Расул Рза расширяет границы ассоциативных связей, создает своеобразные, непривычные образы, метафоры, тропы, в которых сконцентрированы красота поэтического воплощения и глубина философской мысли. «Краски» дают нам возможность по-новому посмотреть на окружающий нас мир.

Каждое стихотворение цикла «Краски», «это движение от живописи к философии», писал Илья Сельвинский, по мнению которого «это великолепие затмевает собой цветовую прелесть Артюра Рембо, видевшего краски в буквах». Взять, к примеру, стихотворение из этого цикла под названием «Зеленая»:

Равнины и горы весенние.
Проросшие зерна.
Пронизанный солнцем прибой океана.
Первый лист черенка, который начал расти.
Пейзажи Сезанна.
Светлячок светофора на железнодорожном пути.
Глоток воды, когда мучит жажда.
Забота каждого о каждом.

Здесь каждая строка является самостоятельным поэтическим образом, совокупность которых, как краски в живописи, придают целостность изображенной картине.

В цикле каждая краска осмыслена и имеет глубокое содержание. Через восприятие различных нюансов, тончайших оттенков красок мы приходим к широким философским обобщениям. По мнению самого поэта, краски проходят по нашей жизни и будят воспоминания чувств.

Революционность «Красок» Расула Рзы заключается ещё и в том, что в них поэт осознанно отходит от традиционной поэтической структуры, композиции и создает совершенно новые способы поэтического выражения. Предельно расширяя границы ассоциативных связей, поэт таким образом как бы приглашает читателя к соавторству, делает его участником образного восприятия действительности.

Неудивительно, что за короткое время цикл «Краски» был переведен на многие языки мира. О нем во весь голос заговорили поэты и критики разных стран. Среди них канадский писатель Дизон Картер, венгерская поэтесса Жужа Раб, чешская поэтесса Даничка Козлова, шведский поэт Юрис Кронбергс, академик Николай Федоренко, английский литературовед Бони Корей, русский поэт Борис Слуцкий и другие.

Кроме Расула Рзы азербайджанский верлибр успешно развивали и такие замечательные поэты, как Вагиф Самедоглу, Фикрет Годжа, Фикрет Садыг, Ариф Абдуллазаде и другие его последователи.

* * *

Как было отмечено выше, и в Турции истинные последователи Назыма Хикмета появились позже. Подлинные продолжатели – это те, у кого есть чувство направления, говорил А. Блок. Именно таким чувством направления обладали Орхан Вели, Мелих Джевдет Андай, Октай Рифат, Фазыл Хюсню Дагларджа, Атаол Бехрамоглу и другие поэты.

В 1941 году три молодых поэта – Орхан Вели, Октай Рифат и Мелих Джевдет Андай – выпустили совместную книгу «Гарип» («Странное») с пространным предисловием Орхана Вели, в котором он излагал идейно-эстетические принципы этого течения. В центре внимания представителей течения гарип находились поэтика и стиль нового искусства, озгюр кошука.

«Странность» стихов гариповцев заключалась главным образом в том, что они ввели в новую поэзию «маленького человека», который, за редким исключением, до той поры не был объектом художественного исследования. Гариповцы умышленно сосредоточивали внимание на самых обыденных, простых, «непоэтических» вещах и событиях жизни простого человека с тем, чтобы максимально приблизить поэзию к будничным, земным проблемам.

Для утверждения «нового вкуса», по мнению Орхана Вели, прежде всего необходимо было изменить укоренившееся представление о так называемом особом поэтическом языке. «Надо признать, что на нынешнем уровне развития язык поэзии значительно отличается от разговорной речи, – писал Орхан Вели. – Иначе говоря, поэтический язык в сегодняшнем его виде стоит обособленно от естественного, повседневного языка и оттого приобретает определенную отчужденность». «Поэтому, – продолжает поэт, – если бы это было в наших силах, мы выбросили бы и тот поэтический язык, который угрожает нашей творческой деятельности».

Другая «странность» стихов гариповцев заключалась в том, что в их произведениях не было ни традиционных размеров, ни рифмы, ни пышных сравнений и метафор, не было всего того, что, по мнению традиционалистов, делает поэзию поэзией. Правда, почти полное отсутствие многих важных художественно-выразительных средств компенсировалось усилением роли стилистических фигур, заимствованных из народной литературы. В частности, в их стихах резко повысился удельный вес аллитераций, ассонансов, анафор, звуковых повторов.

По мнению Орхана Вели, особый поэтический язык возник в результате того, что в классической литературе основное внимание уделялось не содержанию стиха, а его формам. Он активно выступал против требований, предъявлявшихся к стихотворной строке в классической поэзии. В классической турецкой поэзии роль полустишия – мысра, – занимавшего стихотворную строку, была чрезмерно велика. Средневековый турецкий поэт, согласно традиции, должен был в одной строке выразить как можно искуснее часто уже знакомую, использованную поэтами-предшественниками мысль. И связывалась эта строка по смыслу только с последующей, образуя бейт. В классической поэзии существовал даже такой термин – «мысра-ы берджесте», т. е. «изящное (выдающееся) полустишие». Поэты много сил и энергии тратили на создание одной такой строки. Примечательны в этом отношении высказывания Рагып-паши, который писал:

Eğer maksud ederse, mısra-ı ber ceste kafidir.

Если повезет, то достаточно и одного изящного мысра.

Подобное понимание строки, по утверждению Орхана Вели, отвлекало читателя от содержания произведения и побуждало его искать красоту только в самом слове. «Есть люди, которые в стихотворении, состоящем из ста слов, ищут сто кра-

сот. Они забывают, что поэзия – это единое целое. Кирпич сам по себе некрасив, известь тоже, но созданное из этих материалов архитектурное произведение может поразить нас своей красотой», – писал Орхан Вели. Следует отметить, что еще до Орхана Вели сначала Тевфик Фикрет несколько изменил принцип замкнутости бейта классической поэзии, а затем Назым Хикмет окончательно разрушил его. Так что и в этом отношении Орхан Вели лишь продолжил и развил традицию, заложенную Назымом Хикметом. Орхан Вели был убежден в том, что необходимо отказаться от традиционной «шаиране» – «поэтичности (языка)». Под «шаиране» он подразумевал язык, далекий от повседневной, живой речи народа. Опираясь на эстетические принципы Назыма Хикмета, Орхан Вели поставил перед собой задачу преодолеть всякую поэтическую условность и создать новый стихотворный язык. Поэт отказывается от музыкально-акустического принципа стихосложения, который преобладал в турецкой поэзии, и идет по пути внедрения в поэзию разговорной интонации. «До тех пор, пока мы не откажемся от лексики старой поэзии, нет возможности избавиться от этой «поэтичности»», писал Орхан Вели, который смело вводил в стихи обычный разговорный материал, «непоэтические» слова и выражения, как, например, в стихотворении «Слово»:

Aynada başka güzelsin,
Yatakta başka;
Aldırma söz olur diye;
Takta kıştır,
Sür sürüştür,
İnadına gel,
Piyasa vakt
Muhallebiciye.
Söz olurmuş,
Olsun;
Dostum değil misin?
Перед зеркалом ты красива по-своему,
В постели по-своему.

Не обращай внимания, что пойдут разговоры.
Прилаживайся,
Прихорашивайся
И назло всем
Во время гуляний
Зайди в кафе.
Попадем на язычок!
Ну и пусть!
Разве ты не возлюбленная моя?

По мнению Мелиха Джевдета Андая, Орхан Вели написал это стихотворение, главным образом, для того, чтобы показать, что, используя разговорную лексику и даже арготизмы, можно создать поэтическое произведение. Такие обиходные слова и выражения как «так такыштыр» («прилаживаться»), «сюр сюрюштюр» («прихорашивайся») и др., впервые становились поэтическим материалом.

Орхан Вели считал,что «поэтичность» уводит человека от повседневности в «башню из слоновой кости», отрывает его от действительности, от земных проблем. В 20-30-е годы среди любителей старой поэзии было очень популярно стихотворение Ахмеда Хашима «Гвоздика» («Karafil»), которое они считали образцом высокой поэтичности:

Yarin dudağından getirilmiş
Bir katre alevdir bu karanfil,
Ruhum acısından bunu bildi.
Düştükçe vurulmuş gibi, yer yer,
Kızgın kokusundan kelebekler,
Gönlüm ona pervane kesildi.
Из уст возлюбленной принесена
Эта гвоздика – капля огня:
По горькому рденью душа это поняла!
Когда падали замертво
От обжигающего огня бабочки,
Душа моя превратилась в ее мотылька.

В этот период Орхан Вели был глубоко убежден в том, что поэзия свободного стиха, которая обращена «к вкусам большинства», и говорить должна языком большинства. Поэт считал, что поскольку нет «особых», «возвышенных» тем, не должно быть и «особого поэтического языка», отличного от разговорного. В стихотворениях Орхан Вели почти нет поэтических тропов. Он зачастую сознательно прибегал к чрезмерной простоте выражений, чтобы доказать, что можно писать стихи и на языке народа.

«Поэтическая метафора вытекает из стремления человека увидеть предмет несколько иным, чем он есть в натуре. И тот, кто прибегает к сравнению, не вызывает удивления и не может быть обвинен в противоестественном. Между тем поэт, избегающий метафоры и описывающий все, что он видит, обычным языком, слывет странным среди современников. Это происходит оттого, что его представления о поэзии базируются на избитых поэтических приемах, существующих с той поры, как появилась письменность и появились сотни тысяч поэтов, каждый из которых создавал тысячи и тысячи сравнений и аллегорий. Что выиграет литература от того, если к огромному числу сравнений и аллегорий прибавится еще несколько? Я глубоко убежден, что сравнения, метафоры, гиперболы и возникающее с их помощью богатство образов давно насытили голодные глаза истории», – писал Орхан Вели, по утверждению которого «настала пора освободить поэзию от особого поэтического языка. От всякого «трюкачества» и «красивостей»».

Выступая против «поэтичности» языка в ее классическом понимании, Орхан Вели, естественно, не был против поэтичности вообще. Он стремился к тому, чтобы она достигалась совершенно новыми средствами выражения, и в первую очередь – использованием разговорного языка народа. Прав критик Мемед Фуад, когда пишет, что «борьба, которая была начата с тем, чтобы освободить стих от «поэтичности», приблизить его к разговорной речи, на деле явилась борьбой за новую поэтичность».

Для Орхана Вели поэтичность – это в первую очередь искренность, естественность, простота изложения, лиризм. По мнению Орхана Вели, самое важное из того, что гариповцы внесли в новую турецкую поэзию, – это чистота языка и простота изложения. «Стремление создать красоту поэзии с помощью этих качеств побуждает нас как можно ближе соприкасаться с сокровищницей поэзии, с миром, в котором человек вращается всю свою жизнь. Этот мир – мир познания», – писал Орхан Вели, который пытался создавать произведения путем «погружения» в подсознание. Как, например, в стихотворении «Сон»:

Увидел во сне, что мать моя умерла.
То, что я проснулся со слезами на глазах,
Напомнило мне, как однажды в праздничное утро
Я плакал
Из-за улетевшего в небо воздушного шарика.

Подобная ассоциативная связь – слезы лирического героя по поводу смерти матери, привидевшейся ему во сне, и слезы ребенка из-за улетевшего шарика, – по всей вероятности, возникла под влиянием поэзии сюрреалистов. Сразу же следует оговориться, что Орхан Вели и его последователи, хорошо знакомые с творческими принципами французских сюрреалистов и даже усвоившие кое-какие из их достижений (что давало некоторым критикам и литературоведам повод отнести их к сюрреалистам), не восприняли их методов и принципов.

Орхан Вели утверждал, что каждый из видов искусства многое теряет от взаимопроникновения. «Я против взаимопроникновения различных видов искусства. Следует воспринимать поэзию как поэзию, живопись как живопись, музыку как музыку», – писал Орхан Вели. По его мнению, каждый вид искусства имеет свою специфику, свои средства выражения, и каждый художник должен опираться только на них. Поэт считал, что использование элементов других видов искусства в поэзии – «это не что иное, как трюкачество тех художников, которые не могут освоить секретов поэзии».

К числу поэтических «ухищрений» Орхан Вели относил опыты Аполлинера в книге «Каллиграммы», где он использует элементы рисунка, расположив, например, слова и словосочетания стихотворения о дожде с верхнего угла страницы к нижнему; Ахмеда Хашима, нашедшего в слове «пламя», написанном арабскими буквами, сходство с подлинным пламенем. Он был решительно настроен против использования элементов музыки, изобразительного искусства в поэзии.

Поэт был убежден, что все эти «ухищрения» отвлекают от главного элемента стиха – от мысли. «Поэзия в первую очередь является искусством слова, то есть полностью выражается смыслом. Мысль же обращается не к пяти чувствам человека, а к его разуму. Следовательно, основной элемент поэзии – мысль, которая непосредственно обращена к психике человека, но из-за наличия в ней музыки и т. п. жонглерства может ускользнуть от нашего внимания», – писал Орхан Вели.

Борясь за утверждение нового языка поэзии, Орхан Вели, по существу, шел стезей Назыма Хикмета. Он выступал против выспренности, возвышенности выражений, стремился утвердить в поэзии живую речь народа. Правда, была между ними существенная разница, что объясняется различием их идейно-эстетических позиций. Назым Хикмет хотел ввести в поэзию язык рабочего класса, трудящихся масс. Он использовал даже специфические выражения для того, чтобы придать своим произведениям особую выразительность, наступательность тона.

Поэтический же язык Орхана Вели в основном ориентирован на вкус мелкой городской буржуазии, «маленького человека». Если герои Назыма Хикмета обращаются к массам и громким голосом возвещают прекрасные дни, завоеванные в боях, то лирический герой Орхана Вели видит перед собой конкретного человека, с которым он говорит почти шепотом. В его речи зачастую слышатся подавленность, безысходность, смирение.

Вместе с тем обоих поэтов объединяло стремление освободить поэзию от высокопарного, «изящного» языка классической поэзии.

Орхан Вели писал: «Многие убеждены в том, что поэтический язык имеет свою особую структуру, что он не может быть подобен разговорному языку». Это, как считает поэт, происходило оттого, что «поэзия была подчинена размеру и рифме, которые влияли не только на мысль, чувства поэта, но и на структуру языка».

Другая «странность» стихов гариповцев заключалась в том, что в их произведениях не было ни традиционных размеров, ни рифмы, ни пышных сравнений и метафор, не было всего того, что, по мнению традиционалистов, делает поэзию поэзией. Решительно выступая против этих элементов поэзии, Орхан Вели писал: «Наши предки употребляли рифму для того, чтобы легче запомнить последующую строку, т. е. они использовали рифму с единственной целью – помочь памяти. В дальнейшем они нашли в ней и красоту, начали считать искусством умение совмещать

рифму с размером, который играет ту же роль, что и рифма... Я полагаю и надеюсь, что современный человек уже не найдет в использовании рифмы и размера тех красот, которые вызывают у него восторг. Правда, почти полное отсутствие многих важных художественно-выразительных средств компенсировалось усилением роли стилистических фигур, заимствованных из народной литературы. В частности, в их стихах резко повысился удельный вес аллитераций, ассонансов, анафор, звуковых повторов. И еще: многое из того, что утверждал Орхан Вели в своих теоретических выступлениях, часто опровергалось им в поэзии. Вместе с тем, взяв на вооружение свободный стих Назыма Хикмета, он многое сделал для развития и утверждения озгюр кошука в турецкой литературе.

* * *

В отличие от Орхана Вели и его последователей, другой крупный поэт озгюр кошука, Фазыл Хюсню Дагларджа, придавал большое значение метафорическому началу и поэтичности стихотворной речи. Многозначность символических образов, по мнению поэта, помогает глубже вникнуть в суть явления. Вот почему в то время, когда гариповцы упрощали поэтическую речь, Фазыл Хюсню все больше абстрагировал свою поэзию, усложнял ее непривычными и оригинальными образами, успешно используя весь арсенал художественно-изобразительных средств, смело идя на всевозможные эксперименты. Правда, иногда он увлекался, и тогда перенасыщенность поэтическими тропами отвлекала читателя от основной идеи.

По достоинству оценивая значение рифмы в звуковой организации стиха, Дагларджа, как и другие поэты верлибра, в то же время не хотел превращать ее в главный элемент эвфонии. Существенно снизив роль рифмы, он сделал ее одним из фиксаторов ритма. В своих произведениях Фазыл Хюсню Дагларджа постепенно отказывается от однородных банальных рифм, которые обезличивают стихотворение, нивелирует мысль и находит новые способы рифмовки, отличающиеся свежестью, увеличивающие ассоциативную сферу стиха. Особое внимание поэт уделяет и тому, чтобы рифма не мешала естественному потоку речи, чтобы не было натяжек, лишних слов, вставленных в стих только ради рифмы. Дагларджа обращался к рифме в том случае, когда необходимо было усилить ритм, выделить наиболее важное в содержательном плане слово. Поэтому-то в некоторых произведениях он широко применяет рифму, а в других – лишь эпизодически.

На структуру свободного стиха Фазыла Хюсню значительное влияние оказали народная поэзия и поэтика. В стихотворениях книги «Дитя и Аллах» он с большим мастерством и тактом использует хедже и тем самым обогащает ритмический рисунок произведения. Иногда Фазыл Хюсню обращается к художественно-изобразительным средствам народной поэзии с тем, чтобы усилить поэтическую мысль. Если Назым Хикмет и Орхан Вели в своих произведениях, написанных свободным стихом, отказались от строфической системы, то Фазыл Хюсню придавал ей большое значение. Подавляющее большинство строф в его книгах содержит по четыре строки, объединенных общей мыслью. Строфичность, несомненно, придавала свободному стиху Дагларджи композиционную целостность и помогала раскрыть внутреннее содержание произведения.

В отличие от Орхана Вели, Дагларджа в своем свободном стихе внимательно относился и к богатейшим традициям классической поэзии, плодотворно используя ее достижения. «В нашей поэзии дивана есть много того, чему мы должны научиться, – говорил поэт. – Прежде всего – это великолепное мастерство поэтов, их умение бережно обращаться со словом, умение создавать в своих стихотворениях удивительную гармонию». Дагларджа пытается учиться у своих предшественников органически сплавлять самые разнообразные их поэтические достижения и обогатить

свой собственный, глубоко своеобразный стиль, свой свободный стих. Обращение Фазыла Хюсню к национальным истокам, в свою очередь, требовало переосмысления многих эстетических категорий, многих важных компонентов поэтики, системы стихосложения. Например, в своем свободном стихе он часто обращался к различным размерам хедже, а иногда аруза. Поэт, разумеется, не механически переносил эти размеры и формы в свободный стих, а трансформировал их, с тем, чтобы они придали произведению нужное ритмико-интонационное звучание, раскрыли бы его глубинное содержание. Фазыл Хюсню Дагларджа не раз отмечал, что односторонний подход к литературным и художественным традициям в конечном счете приводит к неверным, ошибочным оценкам. По его мнению, культурное прошлое необходимо воспринимать как единое целое, и реальное значение унаследованного опыта определять степенью его соответствия тому, что рождается в литературе под влиянием новых общественных условий. Дагларджа неоднократно говорил, что нельзя, да и невозможно полностью отказаться от традиций. Речь может идти только «об отрицании с удержанием положительных, жизнеспособных» элементов, которые в новых исторических условиях получают дальнейшую эволюцию. Примером такого подхода могут послужить четверостишия Фазыла Хюсню Дагларджи, которые поэт именовал «хайди». (Слово «хайди», имеющее много значений, может быть переведено на русский язык как «айда!», «ну-ка!», «вперед!» и т. д.). Сборник стихов «Хайди», вышедший в свет в 1968 году, состоял из 1244 четверостиший. Почему поэт именно так назвал свои четверостишия? В одном из адресованных мне писем поэт отмечал: «Хайди – это приглашение к совместному путешествию. Этим словом мне хотелось пригласить своих читателей в чудесный и вечно загадочный мир поэзии...». Как известно, форма четверостиший широко распространена в восточной, в том числе турецкой поэзии. В классической и народной поэзии турок особенно популярны такие стихотворные формы, как рубаи, туюг, мани, которые подчинялись определенным законам стихосложения, предусматривающим свою систему метрики, рифмовки, композиционного построения. Например, по канонам рубаи создаются определенными размерами аруза. В них рифмуются первая, вторая и четвертая строки. В отличие от рубаи, туюг должен быть написан размером рамал-и мусаддас-и максур (фа'илатун, фа'илатун, фа'илун). Рифма в туюг такая же, как и в рубаи. А форма мани, широко распространенная в народной поэзии, создается семисложником и опирается на систему рифмовки ааба. Отметим попутно, что многие из ведущих современных турецких поэтов обращались к традиционным формам четверостиший. В отличие от них, Фазыл Хюсню Дагларджа приходит к выводу, что необходимо полностью отказаться от нормативов классической поэтики, от традиционных национальных форм стихосложения – рубаи, туюг, мани – и создать такие четверостишия, в которых современная тематика, современная поэтическая мысль были бы воплощены только в адекватной форме изложения. Архитектоника новых четверостиший – это тоже одно из поэтических открытий Дагларджи – должна подчиняться прежде всего смысловому и эмоциональному выражению свободного стиха. Четверостишия, созданные Фазылом Хюсню Дагларджой, отличаются от всех предшествующих четверостиший и совершенно новым обликом, и своей инструментовкой. Отказ от традиционных размеров, рифм не мог, разумеется, не повлиять на весь строй поэтической речи и поэтического контекста в целом.

По признанию самого поэта, он 19 лет шел к этой новой поэтической форме. Логика развития хайди диктовалась духовными потребностями современного человека. «Мы живем в таком веке, когда люди страдают от хронического отсутствия времени. Они поглощены работой, решением своих социальных, политических, бытовых проблем. Добавьте сюда телеманию и видеоманию. Им, этим людям, практически некогда читать, думать о смысле человеческого существования. Поэтому у меня возникала идея создания таких четверостиший, которые можно было бы читать в любое

время, в любом месте, в любом настроении, и которые дали бы возможность вернуть человеку земное счастье, дать ему почувствовать радость жизни... Я мечтаю о том, чтобы каждый человек, перед тем, как выйти из своего дома и направиться по своим делам, прочел хотя бы одно четверостишие-хайди», – писал Фазыл Хюсню.

В своих хайди он вновь размышляет о жизни и смерти, о любви и страдании, о вечных борениях духа, мечущегося между мечтой и реальностью. Для того, чтобы возбудить интерес к этим извечным проблемам, Дагларджа выводит поэтическую форму, находит новый ракурс, несущий основную эмоциональную и смысловую нагрузку. В хайди мысли и чувства лирического героя чаще всего находят свое выражение в оригинальном образном решении:

UZAKLARDA

Gider geler
Sabahlaradek
Benim uykusuzluğum
Sənin güzelliğine.

Неустанно идет и возвращается
До самого рассвета
Моя бессонница
К твоей красоте.

(«Вдалеке»)

В этом любовном четверостишии страдание, печаль, душевная боль лирического героя сконцентрированы в образе «бессонницы».

В таком же ключе написано хайди «Ночь», в котором образ «ночи» является поэтическим выражением тоски, переживания героя, мечтающего о встрече со своей возлюбленной:

Эта моя ночь
Ждет тебя
У порога
Дома твоего.

С помощью сконцентрированных, «ударных» образов Фазыл Хюсню в своих хайди создает особый поэтический мир, в котором все непривычно.

Хайди – это поэзия ищущего интеллекта, поэзия сложных философских раздумий. С помощью богатых оригинальных образов, метафор Фазыл Хюсню Дагларджа стремится исследовать и передать сокровенные мысли и чаяния человека во всем многообразии его чувств и состояний.

Каждое утро, просыпаясь,
Чего же ты боишься?
Знай, смерть убивает лишь то, чего ты еще не прожил,
А прожитое убить смерть не в состоянии, –

пишет поэт в хайди «Шумная улица».

Дагларджа призывает ценить каждый прожитый день, приносящий радость и горечь, победу и поражение, улыбки и слезы. Любовь к жизни, по мнению поэта, держит нас на ногах, придает силу:

Калека с опаской
Переставляет ноги,
Потому что не верит он
Земле.

Философские четверостишия Фазыла Хюсню чаще всего многозначны и потому дают возможность читателю развивать, согласно смыслу поэтических символов и своему жизненному опыту, мысль поэта.

Новаторские тенденции в сборнике «Хайди» иногда складываются самим ходом поэтической мысли, которая, на первый взгляд, представляется парадоксальной:

Стоит только влюбиться,
Неожиданно обнаруживаю, что
Я люблю свою любовь к тебе,
Вместо того, чтобы любить тебя.
(«Внутреннее перевоплощение»)

Таким же способом построено и четверостишие «Разделенная теплота»:

Дома,
Множась,
Приближают
Наше одиночество.

Четверостишиям Фазыла Хюсню Дагларджи присущи, как уже было отмечено, некоторая «скрытность» и недоговоренность, которые зачастую делают хайди труднодоступными. По мнению поэта, «с первой избитой мыслью рассудок теряет свободу». Поэтому он ратует за такие произведения, которые оставили бы простор для воображения и требовали от читателя определенных усилий, чтобы понять то, что скрыто между строк.

«Хайди» Фазыла Хюсню Дагларджи наглядно показывают, что поэт никогда не прерывал преемственных связей с традицией. Начиная с первого сборника, он в своем озгюр кошуке, верлибре пытался использовать все прогрессивное и ценное, что есть в классической и народной литературе.

По мнению Назыма Хикмета, поэзия свободного стиха должна отображать страдания, гнев, надежду, радость и мечту народа. «Это единственный пункт в моем понимании искусства, который никогда не меняется, – говорил поэт. – Все остальное менялось, меняется и будет меняться».

И, как показывают исследования, новая современная поэзия Турции и Азербайджана, которые, по существу, являются поэзией свободного стиха, находятся в движении, постоянно меняются, обогащаются и развиваются.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

История сотрудничества Марка Верховского с журналом «Литературный Азербайджан» началась чуть более десяти лет назад с телефонного звонка главному редактору журнала Мансуру Векилову. Мансур муаллим, известный своим душевным расположением к авторам, благосклонно отнесся к произведениям живущего в Америке писателя, которому тогда было под семьдесят лет. Живя в США, он по сути своей оставался бакинцем. С тех пор американский бакинец Марк Верховский регулярно печатается в нашем журнале. Не все предложенные им материалы были напечатаны. Но мы не думаем, что он обижался, понимал, что у редакции свои насущные задачи и планы. По произведениям Марка Верховского всегда чувствуется, что душою он в Баку. В эти трудные военные дни, когда началась вторая стадия Карабахской войны, Марк муаллим один из первых написал нам теплое письмо со словами поддержки, добавив, что верит в нашу победу.

Предлагаем читателям его очерки и искренне поздравляем нашего американского автора с 80-летним юбилеем. Удач вам, Марк муаллим, и крепкого здоровья.

Любовь, комсомол и весна

Первое мая 1953 года страна встречала уже без главы страны – Иосифа Сталина, а потому и без всякого оптимизма. Это был первый праздник без вождя. Пришедшие к власти члены Политбюро не находили в народе достаточного доверия. Шли пересуды – кто встанет у руля страны, но ни одна кандидатура не вызывала особых чувству народ. Всех объединял один глобальный вопрос: «Как мы будем существовать без Сталина?». Поскольку ответа мы не находили, то продолжали жить, как жили раньше.

Разумеется, всю политическую ситуацию я рассматриваю с сугубо личной позиции тринадцатилетнего подростка. Ни мы, ни ближайшее наше окружение – соседи, учителя, сотрудники, наши родственники – никто не подвергся известным репрессиям со стороны власти. Соответственно, нам было неизвестно ни о репрессиях, ни о «гулагах».

В этом году по разнарядке классного руководителя я попал в список участников первомайской демонстрации от нашей 171 школы. Ежегодно этот список обновлялся каждый праздник. Вот впервые подошла и моя очередь отдать свой ученический долг. Нельзя сказать, что я не был рад этому. Хотелось поучаствовать, и даже, возможно, попасть в документальный киножурнал «Новости Дня», да и вообще, вживую увидеть руководителей нашей республики.

Когда я пришел в школу, то стоящая у входа девочка, очевидно, старше меня на год-два, хорошо отрепетированным командным голосом объясняла группе учащихся условия участия в демонстрации. Краткий курс заключался в следующем: для начала нужно было обзавестись портретом одного из членов Политбюро, хранить его до конца мероприятия, нести его выше своей головы, не опускать и ни в коем случае не бросать на землю, а в конце возвратить «члена Политбюро» туда, где взял. На этом, к моему сожалению, «курс молодого участника демонстрации» заканчивался. Теперь по указанию лектора нужно было взять портрет и выйти строиться на улице. «Сожаление» мое было искренним, мне не хотелось никуда выходить, поскольку я просто-напросто залюбовался девчонкой. Мало того, что она была чрезвычайно энергична и активна, она еще была просто обворожительна.

Я готов был продолжать слушать её и одновременно смотреть ей в глаза, на губы, на волосы, на руки, на...

Но только сейчас, переведя взгляд на её грудь, я заметил на ней значок члена ВЛКСМ. «Так вот где таилась погибель моя …! – промелькнула мысль. – значит, она из комсомольского актива! Вот почему она такая бойкая и громкая!» Мне стало как-то неловко, а вернее, некомфортно, ибо я ещё не вступил в ряды этой гордой и политизированной организации.

Одним словом, я влюбился с первого взгляда. (А что ещё могло произойти в моем юном влюбчивом возрасте?) Не сразу поняв, что пора идти за плакатом, я с каким-то необычайным подъемом устремился в кладовку.

Транспаранты с портретами членов Политбюро хаотично валялись в школьной кладовке, очевидно, ещё с праздника 7 ноября. Выбор был неограничен, а потому и привел меня к некоторым раздумьям: «Кого бы взять, чтобы другие члены Политбюро не обиделись». Некоторые «члены» были антипатичны мне, уже хотя бы своими физиономиями.

Например, мне совсем нехотелось нести портрет тогдашнего коммунистического лидера СССР с его внешностью председателя колхоза и щеголять с ней по всему городу? «Засмеют же!» – подумал я, отходя от плакатов с лидером, которых было больше всех. Чуть меньше было портретов человека с усами «под фюрера». Они (усы) явно его не красили и, даже наоборот, придавали их владельцу недовольный вид. Разумеется, я и его тихонько оттолкнул в сторонку.

А вот и лидер Азербайджана: с аккуратными усиками и в интеллигентном пенсне «А ля Чехов». Этот портрет будет престижно нести – я было и протянул руку, но тут же вспомнил недавнее (апрельское) перемещение его с должности Первого секретаря Азербайджана на должность Пред.Совмина республики. Что-то подсказывало мне, «старому» пионеру, что понижение статуса такого уровня (у нас в стране) делается неспроста. (Уже 20 июня он был снят и с этой должности). И вот тут я увидел портрет, взять который я был просто обязан.

Милый и симпатичный, он безразлично смотрел мне в глаза, понимая, что никто, кроме меня, не поднимет его над головами демонстрантов. Почему-то его не долюбливали, несмотря на его несомненные заслуги перед советской страной. Он был тенью Сталина, а потому, наверно, и такое отношение. Но я не мог пройти равнодушно мимо портрета Лазаря Моисеевича. С почтением подняв плакат с его портретом и бережно обтерев его обшлагом рукава рубашки, я, наконец, вышел из кладовки, уступив место другим будущим сподвижникам по демонстрации.

Услышав бодрый голос своей новой знакомой, я, как завороженный гипнозом, повернул в её сторону. Она ободряюще улыбнулась и, мимоходом взглянув на мой выбор, даже поощрительно похлопала меня по плечу. Я долго не мог понять её дружеский жест, пока кто-то не окликнул её:

– Розалия, а можно ….

– Неужели и она – «наша», – рискнул я предположить.

Оказывается пришло время строить колонну и Роза, почему-то схватив меня за руку, повела во главу школьной демонстрации. Она, как руководитель, была без транспаранта, а потому успела обежать всю колонну и дать необходимые указания. Наконец, все вошло в русло движущегося потока, и Роза вернулась в мою первую шеренгу. Дорога к правительственной трибуне была дальняя и извилистая, чему я был бесконечно благодарен.

Мы не стали церемониться и между нами сразу же установились дружеские отношения. Розалия училась у тех же учителей, что и я. Это открывало большие возможности для разбора по косточкам педагогов. Особенно досталось учителкам математики и физики, к которым и она и я испытывали неприязнь – разумеется, по причине отсутствия любви к их предметам.

С большим воодушевлением я похвастался полученными двойками по их предметам. Роза с удовольствием подхватывала мои реплики, дополняя их рассказами о своих озорствах. Осмелев, я предложил ей в ближайшее время поучаствовать в прогулах с уроков. Здесь у меня был богатый, накопленный годами опыт. В эти увлекательные мероприятия входили: посещение Парка пионеров (бесплатные качели и карусель), безбилетное проникновение в баиловский зоопарк, катание на детской железной дороге, а кроме того разные пакости, такие, как назойливые звонки в парадных, открывание в общих дворах водопроводного крана и т.д.. Разумеется, я не осмелился предложить девочке научиться вскакивать на ходу в трамвай и постичь искусство безбилетного проезда. Зато в области истории и литературы мы нашли очень много общего, безумолку обсуждая прочитанные книги и любимых писателей.

Так, болтая на ходу, мы прошли мимо трибуны, заполненной руководителями страны, большинство из которых буквально через месяц получили отставку и попали на скамью подсудимых.

Едва дойдя до школы, я, торопясь остаться с Розой без транспарантного попутчика, решил уложить «Лазаря» у порога здания. Но укоризненный взгляд моей новой подруги удержал меня от этого некрасивого поступка, противоречившего пионерской этике.

«Я сейчас!» – обнадежил я Розу и кинулся в школьную кладовку.

Выйдя через минуту, я не обнаружил возле школы свою новую подружку Розу. Я не сомневался, что мы встретимся в школе. Увы, судьба нас не сталкивала. Где-то урывками, издалека, я здоровался с Розой, но она всегда была в окружении комсомольско-пионерской свиты и не подавала мне надежды на «уединенную» встречу. Так, «здрасти-здрасти», – и все. Я подкарауливал её до и после школы – никаких результатов, «дружина» появлялась только в полном составе.

Пришедшая мне в голову идея несколько придала мне оптимизма: я решил быстренько вступить в ряды комсомола и тем самым войти в её «дружину».

В силу возраста в нашем классе был только один комсомолец – мой друг Алик.

Он, по достижении моего четырнадцатилетия, и дал мне первую характеристику для вступления в передовой отряд молодежи. Вторую необходимую характеристику должен был дать «Совет пионерской дружины» после собеседования с подателем заявления. «Ну да, тот самый, что под руководством Розалии!» – обрадовался я.

За пару дней я выучил список генсеков компартий всех стран нашей планеты – основу знаний, необходимых для вступления в комсомол. В назначенный день и час в комнате Совета дружины я непринужденно сыпал именами генсеков. Наконецто я близко увидел ту, ради которой и стремился в это уникальное сообщество. Розалия, как глава Комитета комсомола, имела непререкаемый авторитет, коим и пользовалась, первой задавая вопросы. Она вразброс спрашивала меня о генсеках и, получив удовлетворительные ответы, уже было заканчивала мой допрос, когда вдруг спросила:

– Какова ваша успеваемость, товарищ?

– Нормальная, – пробормотал я, явно не ожидая такого подвоха.

– Нормальная?! – иронично переспросила председатель. – А конкретно по математике, по физике?

– В общем, неплохо, – опустив голову, почти шепотом прохрипел я.

– Судя по неуверенности ваших ответов, Совет дружины хотел бы ознакомиться с вашей успеваемостью по «Табелю оценок». Пожалуйста, принесите его на следующее заседание. Вы свободны, товарищ пионер, – отчеканила начальник кабинета «левитановским» голосом.

Сказать, что я вышел из Комитета комсомола, оглушенный сказанным, будет недостаточно – я вышел, совершенно раздавленный прессом многочисленных «по-

чему? за что?».

Можно много рассуждать на тему, что за причина руководила моей «доброй» знакомой, но правильного ответа, очевидно, я не найду. Потому что невозможно разгадать неадекватные умозаключения женщины, а тем более, в подростковом возрасте. Мужчины просто должны быть готовы к любому женскому решению. А ведь как близка была цель войти в дружбу к Розе и как далеко, в космос, её отшвырнули. Была растоптана даже наша древняя общность.

Как верно говорил Лазарь Моисеевич, когда спрашивали о его отношении к еврейскому вопросу в Союзе: «Прежде всего я – коммунист!». Судьба здорово над ним подшутила. В 1956 году группа Хрущева в Политбюро победила группу Маленкова, куда приписали Лазаря. Его лишили всех званий и даже исключили из компартии. Много лет добивался бывший коммунист восстановления, но часто меняющиеся генсеки отказывали ему в этом. В конце концов последний, самый вредный генсек, видимо назло Лазарю (моё личное мнение), вообще запретил существование компартии и лишил Лазаря Моисеевича возможности возвратиться в её ряды. Так и ушел в иной мир бывший член Политбюро в ранге простого местечкового еврея.

Чтоб только досадить Розе и математичке, я, дождавшись ухода на повышение Розы, таки проскочил в комсомол. С Розой мы больше не встречались, даже если я, как бы случайно, оказывался в местах, близких к комитету комсомола.

И только много позже, как мне кажется, я разгадал тактику моей подруги Розалии – она тормозила моё стремление войти в этот фальшивый мир демагогии, лозунгов и пустых обещаний. Ведь не секрет, что органы КГБ пополнялись именно из комсомольских вожаков – опричников партии власти.

Когда же благодаря им развалился Советский Союз, то бывшие комсомольцы с помощью вывезенных за пределы страны финансов компартии возглавили структуру «новых русских», перейдя затем в класс олигархов.

Незабываемый маршрут автобуса № 39

Должен откровенно признаться, что из всех бакинских автобусных маршрутов, больше всего я симпатизировал маршруту №39. Я открыл его совсем неожиданно. Это было замечательное открытие на рубеже 60-х годов прошлого столетия.

Уникальность маршрута состояла в том, что с недавних пор (с 1 сентября) он стал связывать меня с двумя необходимыми мне конечными пунктами: моим домом на улице Мухтадыра и площадью у Сабунчинского вокзала. А если точнее – с зданием института АзНефтеХим, куда я удачно втиснулся вопреки своему генетическому призванию.

Дело в том, что в то время призрак возвращения из учебного отпуска, специально предоставленного для поступления в ВУЗ, в армейские казармы, притупил моё неприятие точных наук и я, щеголяя на экзаменах мундиром сержанта артиллерии, таки пробился на энергетический факультет этого элитного в Азербайджане учебного заведения.

Обычное осеннее утро начиналось со встречи с отдохнувшим за ночь неутомимым итальянским подростком Робертино, заразившим жителей Баку энергичным хитом «Джамайка». Хотелось бежать, прыгать и кричать вместе с певцом «Джамайка, Джамайка, Джама..а..а..йка!».

Тем не менее, я торопился, чтобы вовремя успеть на автобус, следующий по расписанию, и каждый раз, вскочив в него в последнюю минуту, я радовался своему везению.

Не надо доказывать, что утреннее позитивное настроение может продержаться у первокурсника лишь до первого вызова для чтения приготовленного конспекта по истмату (исторический материализм).

Впрочем, не буду читателям портить настроение подобными темами.

Хочу лишь подчеркнуть, что мужчин утро настраивает на активные действия, направленные на решение вчерашних проблем, которые, однако, к полудню переходят в разряд проблем будущих.

Другое дело – женская половина, которая по утрам обычно раскладывает «по полочкам» приснившийся сон, как всегда так неудачно (на самом главном моменте) прерванным назойливым будильником. А ведь ещё б немного и ... Муслим Магомаев сделал бы героине сна весьма заманчивое предложение!

Уже позже многообещающий сон проходит процесс оживленного обсуждения с ближайшими коллегами, которым, кстати, тоже есть, чем поделиться.

Старенький заслуженный автобус бесстрастно принимал безмерное количество пассажиров. (Для сведения молодых жителей информирую, что метро ещё в городе не функционировало).

Её лицо я узнал бы, если бы оно было даже за броней танка – оно в ожидании было обращено в сторону моего появления из тупика улицы.

Подходя, я с удовлетворением заметил, что, увидев меня, её фас в окне автобуса мгновенно сменился безразличным профилем – определенно ждала!

Так-так, – оживился я и, войдя в автобус, энергично заработал локтями, пробиваясь к её сидению.

Не мне рассказывать вам, дорогой горожанин, каков это сизифов труд – пробраться в полном автобусе до желаемого места.

Мне кажется, что этот вид спорта давно уже пора ввести в ранг олимпийского. Его особенность состоит в том, что сколько бы вы не прилагали усилий, вы все равно топчетесь на месте, под напором встречного потока таких же настойчивых неудачников.

Я уже почти добрался до своей цели, но в этот момент между нами возникла внушительная матрона, которая одним поворотом корпуса свела «на нет» все мои усилия приблизится к девушке.

И тут происходит нечто невероятное:

На виду у изумленных пассажиров девушка встает с комфортного сидячего места и уступает его (представьте себе!) этому «бронепоезду». Едва тетя, приняв вежливость за должное, устроилась на «запасном пути», как в автобусе вдруг посвежело и подуло наконец-то пробившимся ветерком. Люди сразу как-то посветлели и даже, не побоюсь этого слова, подобрели.

А главное – мы оказались рядом ! При воспоминании об этом моменте меня всегда охватывает чувство эйфории от близкого присутствия необыкновенного, небесного существа.

(Надо отметить, что вся наша жизнь соткана из отдельных подобных лоскутов незабываемых мгновений).

Я предполагаю (хочу надеяться), что данный неординарный поступок был подсказан девушке, чтобы хоть как-то проявить внимание к своему новому знакомому.

Однако автобус тронулся, что проявилось в активном резком падении пассажиров сначала назад, а затем – вперед. Эта амплитуда принесла мне счастье попасть «под каблук» моей соседки, т.е. она нечаянно наступила острым каблучком на мою ногу.

Я готов был терпеть боль так долго, как сколько ей будет доставлять это удовольствие. (Разумеется, так я думал первые полминуты). Но уже в следующее мгновение автобус попал в один из многочисленных провалов в асфальте, усердно не замечаемых городскими властями.

Нас встряхнуло, и девушка непроизвольно (мне показалось – нехотя) сняла ногу с моей изрядно травмированной ступни.

Вот тут-то я и понял, что такое счастье, радость и благополучие одновременно.

И первое, что я сделал, – я поздоровался:

– Доброе утро... Нателла! – наконец вспомнил я имя соседки.

– И вам доброе... кажется, Марк? – не растерялась Нателла.

Здесь я должен проинформировать читателя, что несколько дней назад мы с Нателлой уже успели познакомиться. Как можно было сомневаться, что на кругу Сабунчинского вокзала я не последую за приглянувшейся мне девушкой, вплоть до констатации удивительного факта, что и она вошла в здание моего института. А дальше, при «нечаянной» встрече в студенческом кафетерии, выяснилось, что она учится на 3-м курсе геологоразведочного факультета.

Последнее меня чрезвычайно обрадовало, ибо подтверждало, что Нателла, как и я, без удовольствия поступила в институт, поскольку ни для кого не было тайной, что на этот факультет поступали не прошедшие по конкурсу на более престижные специальности.

Сегодня встреча в автобусе произошла совершенно неожиданно, и мы несколько растерялись от первого, такого близкого соседства. Предыдущие утренние встречи, в основном, проходили на расстоянии, в зависимости от плотности пассажиров. Увидев друг друга издалека, мы отчаянно жестикулировали руками, обмениваясь красноречивыми взглядами. Мы настолько увлеклись нововведением, что оно превратилось, в своего рода утреннюю веселую разминку. На глазах у раздраженных пассажиров мы посылали друг другу различные знаки, вызывающие у нас неожиданные для присутствующих приступы смеха.

Постепенно мы привыкали друг к другу и когда нам порой не случалось встретиться в очередной раз на нашем маршруте, мне всегда становилось грустно. В такие дни я приходил в институт каким-то раздраженным и разочарованным.

Сейчас в автобусе мы стояли, прижатые друг к другу, и я боялся каким-либо нечаянно произнесенным словом разрушить эйфорию идиллии.

Мне хотелось бесконечного её продолжения и я мысленно молил шофера не спешить с прибытием. Но у него был график и он спешил уложиться в него, словно мне назло. И все же это было прекрасно: мы молча наслаждались, когда очередная встряска на ухабине толкала нас друг к другу, а затем, как бы смущенно, делали легальные усилия оттолкнуться. Но следующий поворот с новой силой инерции снова сближал нас и мы, уставшие от противоборства, с наслаждением поддались стихии законов физики.

Разговаривать было затруднительно, и мы впервые с удовольствием помалкивали (когда ещё подвернется такая удача!). Я почувствовал, как бешеный поток моей крови перешел в бурное течение её артерий и теперь вот-вот должно было произойти нечто невообразимое ...

Но вдруг наши автобусные эмоции неожиданным образом прерываются все той же необъятной гражданкой, которой, видите ли, пришло время выходить. Эта проклятая процедура заняла невероятно много времени, а по её окончании все окружающие её пассажиры были настолько измотаны и озлоблены, что стало ясно – идиллии пришел конец.

К тому же мы уже и приехали, и мои улегшиеся эмоции постепенно переключились на сдачу курсового проекта. И надо было ещё успеть сдать в гардероб верхнюю одежду, поскольку ректор Ибрагимов беспощадно расправлялся с двумя пороками студентов: курением и ношением пальто в коридорах.

В те времена наличие дома телефона являлось привилегией крупных чиновников, к коим мы не принадлежали, и наши встречи происходили в зависимости от фортуны. А она, как известно, не всегда благоволит к влюбленным, а как раз наобо-

рот. Однако я понимал, что, с моей стороны необходимы более энергичные действия. До сих пор я их откладывал до ближайшего получения стипендии. Но каждый раз, ввиду недавнего возвращения из армии, приходилось тратиться на какие-то неотложные атрибуты одежды (просить деньги у мамы было совестно).

К тому же, учеба давалась с трудом – мне приходилось восполнять забытые школьные знания долгими вечерними занятиями в читальнях. Они затягивались ещё и потому, что уткнувшись в учебник, я часто отвлекался, заново перебирая утренние встречи с Нателлой.

И тогда теплая нежная волна подкатывала к моему сердцу. Незаметно для себя я продолжал прерванную с ней беседу, забывая о времени и цели прихода, до поры, когда тушили свет в читальне, напоминая о её закрытии. Поэтому, как решительный влюбленный, с вечера я давал себе слово, что завтра обязательно назначу ей свидание.

Однажды мне повезло: я встретил Нателлу на нашем маршруте при возвращении из института. Я уговорил её посидеть в уютном садике Ахундова. Оказалась, что Нателла – грузинка. По настоянию родителей она по окончании института собиралась переехать в Тбилиси. Это придало нашему знакомству романтический привкус. Необходимо было срочно ускорить наше сближение.

К счастью, в ближайшую субботу в институте намечался вечер, посвященный Дню Независимости Кении. В тот год удача удивительно сопутствовала студентам – он совпал с освобождением многих африканских стран от колониализма, а следовательно, намечалась серия вечеров солидарности, что, несомненно, вызывало позитивную реакцию наших студентов на борьбу африканских стран за свою свободу. Разумеется, студенты других институтов города здорово завидовали нашему благополучию в проявлении интернационализма.

Подкараулив утром Нателлу, я, к большой её радости, вручил ей пригласительный билет, который мне достался благодаря знакомству с комсоргом факультета. Она попросила ещё один, для подружки. Встречу мы назначили в физкультурном зале, ибо танцевальные площадки находились в нескольких местах.

Суббота приближалась черепашьим шагом. Я старался сэкономить побольше денег, перестав посещать институтский кафетерий. Утренние встречи с Нателлой, казалось, подводили итог нашему мимолетному знакомству, намекая на длительную дружбу.

Толпы желающих «побеситься» на вечере в АзИНХе перекрыли трамвайную линию на улице Ленина. Пробившись, я нетерпеливо бросился на поиски Нателлы. Долгое ожидание рисовало моему романтическому воображению медленное танго, уводящее нас в далекий мир наших новых ощущений.

Зал был забит беспорядочно сдвинутыми скамейками, между которыми хаотично топтались прилипшие друг к другу пары. Найти в этом полумраке искомую девушку было весьма проблематично. Я рассчитал, что искать «мою» Нателлу нужно среди стоящих у стен девушек. Это облегчало поиск. Однако, не найдя её среди них, я стал присматриваться к танцующим. От напряжения поиска они слились в один крутящийся водоворот, но я усердно продолжал выискивать ту, ради которой пришел на этот никчемный вечер.

«Боже! Как много похожих на неё, но это все же не **Она**! Она необыкновенная, другая! Но почему её не видно? Дай знать, что ты здесь, Нателла!» – думал я.

Меня затолкали в воронку фокстрота и явно стремились затоптать. Я еле успевал уворачиваться от толчков и шиканья.

«Наконец! Вот же **Она**!»

Как не мог я увидеть её белое, такое родное лицо, обрамленное черными, щедро раскинутыми по плечам волосами?

Как же я не мог встретить её живые, искрящиеся смехом глаза... ?

Да ...именно их я и не мог встретить, ибо они были ... закрыты... в сладостной истоме танца...и голова её (о, Боже!)... покоилась на плече высокого горбоносого грузина.

...На следующее утро, не заметив, что Робертино Лоретти уже в третий раз пытается привлечь мое внимание всепрощающей арией «Аве Мария», я, аккуратно обойдя стоянку маршрута № 39, целеустремленно шел в сторону Баксовета, чтобы на троллейбусе добраться до института.

С тех пор философский вопрос и по сей день занимает мои мысли:

«Чего больше в женщинах – коварства или легкомыслия!!!»

Нам грустно без Вас, Эльмира-ханым

Я не был знаком с Эльмирой Алиевой в период моего проживания в Баку. Однако мне всегда были интересны материалы этой журналистки, периодически встречавшихся на страницах столичных газет.

Они отличались от корреспонденций других ее коллег своей искренностью и честностью, что придавало им правдивую доброжелательность.

Это качество всегда ценилось в материалах СМИ, которые в 90-х годах представляли противоречивую информацию.

После отъезда на ПМЖ в США я, разумеется, отошел на некоторое время от связи с жизнью Азербайджана. Но, как оказалось в дальнейшем, я продолжал жить с ностальгией по Баку и его жителям.

В конце концов, это тяготение привело меня к литературной деятельности – я стал писать рассказы, очерки. Одним словом стал писателем, а затем и публицистом. Мои произведения изредка начали появляться на страницах газет и даже журнала «Литературный Азербайджан».

И, если первым моим редактором, открывшим меня в Баку, был Мансур Векилов, то первым литературным критиком стала Эльмира Алиева.

Причем, я не был знаком с ними ни визуально, ни виртуально.

Когда лет десять тому назад я увидел пространную статью ведущей журналистки республики с подробным раскладом моих опубликованных произведений, я не поверил своим глазам. Это была первая статья о моем творчестве. Я читал и перечитывал эту необычную статью, опубликованную в газете «Каспий» и подписанную Заслуженным журналистом Азербайджана Эльмирой Алиевой. Только тогда я понял, что не зря меня приняли в свои Союзы литераторы и журналисты Азербайджана. Если откровенно, то, конечно, я не ждал от объединений коллег какого-либо внимания к своей персоне (Что, в общем-то и подтвердилось!).

Именно поэтому внимание Эльмиры ханым было для меня более, чем лестно – это было признание моего литературного становления.

Через некоторое время появилась еще одна статья Эльмиры ханым с положительным разбором моих рассказов из сборника «Мелодии Абшерона», вышедшей в 2010 г. под редакцией уважаемой Зарифы Салаховой и с иллюстрациями художника Исмаила Мамедова.

Казалось бы, можно было бы уже спокойно воспринять происшедшее событие, если бы не одно исключительное обстоятельство – этот сборник был опубликован в формате мини-книги, т. е. книги, которая из-за мелкого шрифта трудно читама, и она скорее является сувенирным изданием.

Эльмира ханым прочла этот сборник и написала о нем очень доброжелательную статью. Я понял, что знакомство и общение с таким профессионалом может помочь мне найти пути для улучшения моего творчества. Любезная Зарифа ханым Салахова помогла мне с поиском координатов Эльмиры ханым.

И вот я, наконец, на долгожданной связи с известной журналисткой.

Бодрый девичий голос совсем было удивил меня, но женщина подтвердила, что она действительно Эльмира ханым.

Так началась наша заочная виртуальная дружба.

Эльмира ханым «встретила» меня так, как будто мы только вчера жили рядом по соседству, а сегодня делимся тем, что произошло за последний день.

Наши частые беседы проходили на различные темы. Они касались как прошлой, так и настоящей жизни. Мы были в радостном ощущении, что наконец-то нашли друг друга. И хотя моя новая приятельница была несколько старше меня, чувство, что мы давно знакомы друг с другом, не проходило. Вспоминали былые свои студенческие шалости и случаи из советского прошлого.

Эльмира ханым описывала свою квартиру, как она справляется с хозяйством, как целый день проводит за журналистской работой, посвящала меня в тонкости и неансы создания новой статьи.

А главное, она с таким воодушевлением и чистосердечием все рассказывала, что создавалось впечатление, что ты разговариваешь не с солидным мэтром, а начинающей талантливой журналисткой, подмечающей все нюансы зарождающейся статьи. Что интересно, мы никогда не вели беседы о совместном сотрудничестве. Только однажды я предложил Эльмире ханым создать журналистский мост – проект под названием «40-ая Параллель», т. е. параллель, действительно соединяющей город Баку и мой город проживания – Бёрлингтон в штате Нью Джерси.

Ведущей журналистке очень понравился мой проект, но после нескольких дней раздумья она с большим сожалением отказалась от него, мотивировав своим плохим самочувствием.

«Эх, пару бы лет назад, мы бы задали жару!» – с грустью прокомментировала Эльмира ханым свой отказ.

Кстати, уже будучи совсем больной, она никогда не заостряла внимания на своем недомогании: «Представляете, совсем двигаться не могу, ноги не слушаются. Спасает сидячая работа», – спокойным голосом информировала она о своих бедах и переходила на другую тему.

Особенно она любила рассказывать об истории газеты «Каспий».

Уж очень она любила коллектив газеты – все у нее были «замечательные» журналисты, а главный редактор был для нее первым другом и соратником.

«Приезжайте – сами увидите», – соблазняла меня коллега при каждой телефонной «встрече».

А еще Эльмира ханым с удовольствием вспоминала свою незабываемую поездку в Соединенные штаты, которой ее наградили за успехи в журналистике.

Как-то шутя я заявил Эльмире ханум:

«Газета «Каспий» держится на трех китах-женщинах – Эльмире Алиевой, Галине Микеладзе и Эльмире Ахундовой».

Эльмире ханум очень понравилась шутка и она долго заразительно смеялась своим молодым, не по годам, смехом.

Этот необычный, задиристый смех так и остался мне на память о моем наставнике – мэтре Эльмире ханым!

И, конечно, ее огромный плодотворный труд на ниве журналистики.

Сегодня из корабля «Каспий» ушел один кит.

Трудно стало дрейфовать «Каспию», но дружная команда-коллектив должна справиться с управлением и держаться заданного курса, которому следовала незабываемая Эльмира ханым.

28 февраля 2020

Наш человек в Америке

Автор вышедшего недавно в свет в Обществе «Книга» миниатюрного издания «Мелодии Абшерона» – Марк Верховский. Бакинец, как говорят, до мозга костей, о чем свидетельствует и названный сборник его рассказов и очерков.

Марк Израйлович, инженер по профессии (выпускник АзИИ – ныне Нефтяной академии – 1969 года) и писатель-журналист по призванию, с начала 90-х годов прошлого столетия живет в США.

В 2004 году в Нью-Йорке был опубликован его двухтомник «Былое», в который вошли произведения разных жанров. Года два назад пять его очерков появились в альманахе «Евреи в культуре и искусстве Азербайджана», изданном под редакцией профессора Фараджа Гараева.

Все написанное нашим соотечественником говорит о его преданности Азербайджану, Баку, где прошли его детство и юность, где он вступил в зрелую жизнь, где находится могила его матери.

О привязанности его к азербайджанскому народу, представителей которого он всегда уважал и ценил за их доброжелательное отношение к людям, независимо от того, кто они и какой национальности, и среди которых у него много друзей.

Он и сейчас, в Штатах, не теряет с ними связей, относится как к своим, близким. Потому, наверное, Марк Верховский и состоит в Совете «Азербайджанского землячества Америки».

Будучи членом Союза писателей Северной Америки и членом Союзов писателей и журналистов Азербайджана, Марк Израйлович много пишет о нашей общей Родине, пишет со знанием ее истории, с неистощимой любовью к ней. С болью в сердце воспринимает он все, что волнует нас, азербайджанцев, мечтает о времени, когда придет на азербайджанскую землю окончательный мир.

Возможно, совсем не случайно, что, приняв участие в 2007 году в III Всероссийском конкурсе журналистов «Золотое перо», он стал его финалистом и обладателем специального приза «За стремление к миру».

Теплом и самыми искренними чувствами, на которые только способен человек, пропитана буквально каждая строка, написанная автором сборника мини-книги «Мелодии Абшерона». Это всего-то шесть небольших очерков и рассказов, но как много в них о нашей стране, ее прошлом, ее настоящем!

Вот лишь несколько строк из короткого эссе, посвященного символу Баку – Гыз галасы:

«Прикосновение ваших теплых рук к моим древним камням, – словно шепчет Башня каждому, кто приближается к ней, – принесет вам Добро. То Добро, которое вы будете дарить окружающему миру… Я призываю вас, Люди третьего тысячелетия, вернитесь ко мне!»

Вот она, овеянная романтикой любви Гыз галасы. Эту книжку представил читателям заслуженный художник Азербайджана Исмаил Мамедов, человек, так же, как все бакинцы, влюбленный в свой город. Потому так выразительны как его рисунки, так и портреты авторов.

В заключение хотелось бы непременно отметить добротную работу типографии Indigo, где мини-книги (формат 45х55 миллиметров) увидели свет, каждая тиражом в 100 экземпляров, и поддержку, оказанную компанией CSC.

Эльмира Алиева,
заслуженный журналист Азербайджана

Союз писателей Северной Америки

Жюри Международного литературного конкурса имени Анны Сниткиной-Достоевской приняло решение:

В номинации «Проза» – За выдающийся вклад в развитие современной русской литературы присудить:

Лауреат степени «Классик» Верховскому Марку – за очерк «Говорим Анна Григорьевна – Подразумеваем Федор Достоевский»

Говорим «Анна Григорьевна» – подразумеваем «Федор Достоевский»

Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье к ним!

«Отелло» В.Шекспир

Жена Федора Михайловича Достоевского, Анна, по праву вошла в золотой фонд женщин, посвятившим жизнь деятельности своих супругов.

.....

Находясь в весьма еще юном, двадцатилетнем возрасте, Анна Григорьевна решила посвятить жизнь страдающему эпилепсией и постоянным отсутствием денег писателю Федору Достоевскому, который был старше неё на 20 лет.

.....

Что же привлекло в нем юную девушку?

.....

«Он мне не понравился и оставил тяжелое впечатление. Я думала, что навряд ли сойдусь с ним в работе, и мечты мои о независимости грозили рассыпаться прахом», – вспоминала впоследствии Анна Григорьевна.

Но в один день представление её о Федоре Михайловиче внезапно изменилось.

.....

История их взаимоотношений началась 30 октября 1866 года.

В этот день истекал срок сдачи издателю рукописи «Игрока». Просрочка грозила большой неустойкой автору. Однако нечестный издатель Стелловский решил уехать из Петербурга, чтобы не дать возможности автору исполнить срок договора. Но подлость издателя рассыпалась перед смекалкой юной девушки – стенографистки Федора Михайловича, каковой была Анна Сниткина. Рукопись была вовремя сдана под расписку приставу полиции, где проживал Стелловский.

Федор Михайлович, до сих пор не обращавший внимания на новую стенографистку, осознал внутренним чутьем, что эта девушка ему очень дорога...

Именно в это время обсуждая с Анной идею нового романа, Федор Михайлович произнес:

– Представьте, что этот художник – я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?

И Анна сказала:

– Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!

Обратите внимание на необычность объяснения в любви великого писателя. Так мог объясниться только Федор Достоевский.

15 февраля 1867 года состоялось бракосочетание известного литератора и его стенографистки.

.....

Казалось бы, долгая совместная жизнь двух разновозрастных и разнохарактерных людей маловероятна. К тому же периодически возникающие приступы эпилепсии у Федора Михайловича сильно осложняли семейные отношения.

Однако Анна не раздражалась этим недугом супруга. Да, она мучительно воспринимала болезнь и тяготилась лишь тем, что не может ничем помочь любимому человеку.

Доставалось Анне и от пасынка мужа, который жил с ними, а также от других его родственников.

Одним словом, чтобы сохранить брак, нужно было сменить обстановку, т.е. вырваться из проживания с семьей Достоевских. И этот рубеж взяла на себя юная Анна. Сам Достоевский был чрезвычайно беден, ибо в силу своей наивности и доброты мог отдать последнее своим вымогателям-родственникам. Анна буквально вытаскивает Федора из семейной рутины и, продав все свои драгоценности от приданого, вывозит писателя за границу.

Там, узнав о пагубной страсти Федора к игре в рулетку, Анна выдерживает еще одно испытание. Едва начав путешествие, супруги испытали шок, когда в Бадене Федор Михайлович, вначале выиграв немалую сумму в 4000 франков, затем, не удержавшись, проигрывает ее, свою одежду и, что более обидно, личные вещи Анны. Супруга ни словом не упрекнула мужа, что для Федора было сильнее брани. Выход из тяжелого финансового положения был один: получать гонорары за публикацию новых произведений.

Женева им запомнилась отчаянной писательской работой.

И не только этим: в 1868 году у них рождается первенец – дочь Софья, которая, увы, умирает через три месяца. Молодая женщина выдерживает всю глубину страданий, свалившихся на ее голову. Но именно стойкость, целеустремленность и вера в талант мужа спасают Анну от депрессии. И жизнь вознаграждает ее – в 1869 году в Дрездене у Достоевских рождается дочь, которую они называют Любовью.

Берется за ум и Федор Михайлович: он навсегда бросает свою «любимую» разорительную подругу – рулетку.

Вернувшись беременной через четыре года в Петербург, Анна в 1871 году сразу же рожает сына Федора. Вот так, пройдя вместе с мужем через тяжелые испытания, Анна наконец завоевывает право на счастливую жизнь.

Конечно, главную роль в этом сыграла Анна Григорьевна.

.....

По возвращению в Петербург Анна Григорьевна берет под свой контроль все запущенные финансовые дела мужа, в том числе и большие карточные долги.

Но самое главное, она взяла на себя процесс издания сочинений Федора Михайловича. Эти мероприятия освободили писателя от повседневных забот и создали необходимую атмосферу для литературного творчества.

Рождение сына Алексея прибавило забот супруге. К несчастью, сын унаследовал болезнь отца, эпилепсию, и в три года, при первом же приступе, ушел из жизни.

Супруги прожили вместе, не расставаясь, всего 14 лет, но именно эти годы благотворно повлияли на литературную деятельность писателя, создавшего лучшие свои произведения.

Федор Михайлович скончался 28 января 1881 года, успев закончить и посвятить свой последний роман «Братья Карамазовы» своей любимой супруге.

После смерти Федора Михайловича Анна Григорьевна больше никогда не выходила замуж, а на вопрос, почему, отвечала: «Да и за кого можно идти после Достоевского? Разве за Толстого. Так он женат!»

Став вдовой в 35 лет, Анна Григорьевна оставшиеся 37 лет своей жизни полностью посвящает творчеству супруга, собирая и издавая не только произведения великого писателя, но и его письма, документы, черновики. Полные собрания сочинений Ф.М.Достоевского издавались 7 раз, а отдельные книги – многократно.

Бережно сохранив личные вещи, мебель и фотографии мужа, Анна Григорьевна в 1889 году, собрав более 1000 наименований, поместила их в хранилище Исторического музея Москвы «Музей памяти Ф. М. Достоевского».

В память о Федоре Михайловича Анна организовала в Старой Руссе – там, где у супругов была дача, – школу для бедных крестьянских детей.

В своих «Воспоминаниях» она отметила:

«Идя за гробом Федора Михайловича, я давала себе клятву жить для наших детей, давала обет остальную мою жизнь посвятить, сколько будет в моих силах, прославлению памяти моего незабвенного мужа и распространению его благородных идей».

Её книги «Дневник А. Г. Достоевской 1867 год» (опубликован в 1923 году) и «Воспоминания А. Г. Достоевской» (опубликованы в 1925 году) являются важными источниками для биографии писателя. Зимой 1917-1918 года Анна Григорьевна жила в лечебном корпусе Сестрорецкого курорта, продолжая работу над рукописями.

Умерла Анна Григорьевна 9 июня в Ялте в голодном 1918 году.

Через 50 лет, в 1968 году, её прах с Поликуровского кладбища был перенесён в Александро-Невскую Лавру и захоронен рядом с могилой мужа.

Не могу не закончить эссе словами самой же Анны Григорьевны:

«Мне всю жизнь представлялось некоторого рода загадкою то обстоятельство, что мой добрый муж не только любил и уважал меня, как многие мужья любят и уважают своих жен, но почти преклонялся предо мною, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным, и это не только в первое время брака, но и во все остальные годы до самой его смерти. А ведь в действительности я не отличалась красотой, не обладала ни талантами, ни особенным умственным развитием, а образования была среднего (гимназического). И вот, несмотря на это, заслужила от такого умного и талантливого человека глубокое почитание и почтение».